

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»

Региональный учебно-научно-практический юридический центр

**ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Электронный сборник материалов
международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 23 мая 2025 г.)

Текстовое электронное издание

Новополоцк
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой
2025

УДК 347.77/.88(082)

Рекомендован к изданию
Методической комиссией юридического факультета
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой
(выписка из протокола № 7 от 29.08.2025 г.)

Редакционная коллегия:

В. А. БОГОНЕНКО, кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор);

Е. Н. КУДРЯШОВА, кандидат юридических наук;

А. И. МИХАЙЛОВА, кандидат юридических наук

Рецензенты:

С. М. АНАНИЧ, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой
международного права факультета международных отношений
Белорусского государственного университета;

А. Г. АВДЕЙ, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой современных
технологий образования Института повышения квалификации и переподготовки кадров
учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

**Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории
и практики** [Электронный ресурс] : электрон. сб. материалов междунар. науч.-
практ. конф., Новополоцк, 23 мая 2025 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии
Полоцкой, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко
(отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2025.
ISBN 978-985-531-935-2.

Опубликованы материалы отечественных и зарубежных ученых, специалистов, в которых
рассматриваются вопросы использования объектов интеллектуальной собственности и их правовой
охраны, а также смежные с правом интеллектуальной собственности институты, в том числе способы
защиты исключительных прав, а также проблемы применения законодательства об интеллектуальной
собственности.

Издание может быть использовано в научной, учебной, практической деятельности
и рекомендуется всем тем, кто интересуется интеллектуальной собственностью.

211440, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк,
Тел. 8 (0214) 59-04-08, e-mail: v.bogonenko@psu.by

№ госрегистрации 3101918415
ISBN 978-985-531-935-2

© Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой, 2025

Для создания текстового электронного издания «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» использованы текстовый процессор Microsoft Word и программа Adobe Acrobat XI Pro для создания и просмотра электронных публикаций в формате PDF.

Текст воспроизводится по: **Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики** : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 23 мая 2025 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2025. – 260 с.

ISBN 978-985-531-934-5.

**ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Электронный сборник материалов
международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 25 мая 2025 г.)

Технический редактор *А. А. Прадидова*.

Компьютерная верстка *А. А. Прадидовой*.

Компьютерный дизайн обложки *М. С. Мухоморовой*.

Подписано к использованию 18.12.2025.

Объем издания: 2,68 Мб. Заказ 531.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014, перерегистрация от 24.08.2022.

ЛП № 02330/278 от 27.05.2004.

211440, ул. Блохина, 29,
г. Новополоцк,
Тел. 8 (0214) 59-95-41, 59-95-44
<http://www.psu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

Атажанова М.Б. Специальные способы защиты персональных данных в интернете по законодательству Республики Узбекистан	6
Ахатова Ш.М. Налоговые споры, возникающие при оценке объектов интеллектуальной собственности: проблемы и пути решения (тезис)	22
Альхимович Д.В. Искусственный интеллект и авторское право	27
Андриевский Д.В., Бессарабова В.В. Содержание договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга): требования законодательства Республики Беларусь	33
Богоненко В.А. Создание и использование произведений науки в сети Интернет.....	41
Богустов А.А. Неимущественные права в системе смежных прав: сравнительный анализ законодательства государств-участников СНГ	48
Будняк Д.С. Виртуальный образ как объект правовой охраны.....	54
Давыдова В.А., Ткаченко Д.А., Воронько Э.Н. Интеллектуальная собственность в цифровой экономике: правовые и технологические аспекты защиты в Республике Беларусь.....	62
Дыев А.А. Гражданско-правовая защита голоса человека в условиях развития искусственного интеллекта	69
Иванова Д.В. Этико-правовые вопросы использования искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности.....	78
Иванцова Ю.Г., Хатеневич Т.Г. Значение правовой охраны бренда товаропроизводителя как стратегического нематериального актива организации.....	84
Капіца П.А. Беларуская і замежная практыкі прыцягнення да крымінальнай адказнасці за ўчыненне махлярстваў і карупцыйных злачынстваў у сферы распрацоўкі і ўдасканалвання праграмага забеспячэння	88
Куришук Д.А. Проблема антропоцентрического подхода в определении авторства на объекты интеллектуальной собственности, созданные при помощи искусственного интеллекта	94
Ландо Д.Д. Использование объекта права промышленной собственности: вопросы правоприменения.....	98
Лосев С.С. К вопросу о пределах осуществления исключительных прав.....	102
Мехмонов К.М. Патентоспособность полезной модели по законодательству Республики Узбекистан.....	120
Махонь А.Н., Карпушенко И.С. Менеджмент качества патентных исследований в условиях организации	133

Мозоль А.С. Частное vs публичное: использование биометрических персональных данных при создании объектов авторского права	139
Маалуф Н.А. Опыт использования положений Бернской конвенции в Республике Беларусь.....	146
Максуров А.А. Вопросы оборотоспособности аккаунта в социальной сети как результата интеллектуальной деятельности	153
Масальцева А.И. Развитие индустрии кино в условиях импортозамещения.....	160
Мазаник А.А. Использование патентных ландшафтов на различных стадиях жизненного цикла технической продукции.....	165
Нечепуренко Ю.В. Охрана секретов производства (ноу-хау) в научной, научно-технической и инновационной деятельности	173
Ревинский О.В. Правовая охрана секретов производства (ноу-хау)	179
Реут П.Г. Авторское право на музыкальное произведение в условиях развития генеративного искусственного интеллекта.....	184
Седельник Е.Д. О перспективах правового регулирования отношений по созданию и использованию дипфейков	192
Савина В.С. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект: проблемы и перспективы	202
Савицкая К.Д. Гражданско-правовая охрана изображения и голоса физического лица в условиях развития технологии дипфейк	210
Топилдиев Б.Р. Правовое регулирование договорных отношений в сети Интернет: современные проблемы и перспективы	215
Толочко О.Н. Искусственный интеллект как вызов международной системе охраны авторских прав	223
Шевандо А.И. Правовое регулирование отношений в сфере разработки и применения искусственного интеллекта	229
Штукарев В.С. К вопросу об отграничении программы для ЭВМ от мультимедийного продукта	236
Щепочкина Ю.А. Новаторские предложения и пути их реализации на практике.....	245
Юлдашев Ж.И. Вопросы ответственности за дефекты программного обеспечения искусственного интеллекта введены в корпоративное управление.....	251
Ядревский О.О. Охрана прав публикаторов: проблемные аспекты	256

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ИНТЕРНЕТЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

М.Б. Атажанова

докторант Высшей школы судей
при Высшем судейском совете Республики Узбекистан

Аннотация. В статье проводится комплексное исследование специальных правовых механизмов защиты персональных данных в цифровой среде, предусмотренных действующим законодательством Республики Узбекистан. Анализируются современные правовые и технологические вызовы в сфере обеспечения информационной безопасности персональных данных в интернет-пространстве, систематизируются специфические способы правовой защиты, закрепленные в национальном законодательстве. Особое внимание уделяется доктринальному анализу практических аспектов применения специальных мер защиты персональных данных и оценке их эффективности в условиях активной цифровизации общественных отношений и формирования информационного общества в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: персональные данные, защита информации, интернет-право, цифровые права, информационная безопасность, Республика Узбекистан.

Abstract. The article provides a comprehensive study of the special legal mechanisms for protecting personal data in the digital environment, as provided for by the current legislation of the Republic of Uzbekistan. It analyzes the current legal and technological challenges in ensuring the information security of personal data in the Internet space, and systematizes the specific methods of legal protection enshrined in national legislation. Special attention is paid to the doctrinal analysis of the practical aspects of the application of special measures for protecting personal data and assessing their effectiveness in the context of the active digitalization of social relations and the formation of an information society in the Republic of Uzbekistan.

Keywords: personal data, information protection, internet law, digital rights, information security, Republic of Uzbekistan.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и повсеместное внедрение цифровых платформ в различные сферы общественной жизни создают принципиально новые правовые вызовы в области защиты персональных данных граждан. В условиях активной реализации государственной политики цифровизации, масштабного внедрения электронного документооборота, развития системы электронного правительства и цифровых государственных услуг в Республике Узбекистан вопросы обеспечения надежной и всесторонней правовой защиты персональной

информации граждан в интернет-среде приобретают стратегическую важность и требуют углубленного научно-правового анализа с позиций современной доктрины информационного права.

Специальные способы защиты персональных данных в интернете в контексте национального правопорядка представляют собой системно организованный комплекс взаимосвязанных правовых, технических и организационно-управленческих мер, направленных на предотвращение неправомерного доступа, несанкционированного использования, незаконного распространения и искажения личной информации граждан в цифровой среде. Данная система правовых гарантий основывается на конституционных принципах неприкосновенности частной жизни и требует комплексного подхода к правовому регулированию, учитывающего специфику функционирования информационных технологий и особенности правоотношений в цифровом пространстве.

1. Правовые основы защиты персональных данных в Республике Узбекистан

Нормативно-правовую базу защиты персональных данных в Республике Узбекистан составляет иерархически структурированная система правовых актов различной юридической силы, обеспечивающая комплексное регулирование отношений в сфере обработки и защиты персональной информации. Конституция Республики Узбекистан как основной закон государства закрепляет фундаментальное право каждого гражданина на неприкосновенность частной жизни в статье 31, устанавливая конституционно-правовые основы защиты персональных данных и создавая правовой фундамент для развития специализированного законодательства в данной сфере. Данная конституционная норма имеет прямое действие и служит основой для всей системы правового регулирования защиты персональных данных в национальном правопорядке.

Ключевым специализированным нормативным актом в исследуемой сфере является Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» от 2 июля 2019 года № ЗРУ-547, который определяет основополагающие принципы обработки персональных данных, устанавливает правовой статус субъектов персональных данных и операторов, закрепляет систему требований к обеспечению защиты персональных данных и механизмы правовой ответственности за нарушение установленных требований. Данный закон создает комплексную правовую основу для регулирования отношений в сфере обработки персональных данных и их защиты в цифровой среде, устанавливая баланс между необходимостью использования персональных данных для развития цифровой экономики и обеспечением защиты прав и свобод граждан.

Существенное значение в системе правового регулирования имеет Закон Республики Узбекистан «Об информатизации», который регулирует отношения в сфере создания, обработки, передачи и использования информационных ресурсов, включая персональные данные, в информационных системах различного назначения. Этот правовой акт устанавливает общие принципы информационной безопасности, определяет требования к защите информации в информационных системах и создает правовую основу для применения технических средств защиты информации. Дополнительное правовое регулирование осуществляется через систему подзаконных нормативных актов, включая постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан, которые конкретизируют порядок применения норм о защите персональных данных в различных сферах экономической и социальной деятельности.

2. Специальные способы защиты персональных данных в интернет-среде

2.1 Технические меры защиты

Действующее законодательство Республики Узбекистан устанавливает императивные требования к обязательному применению специализированных технических средств защиты информации при осуществлении любых операций по обработке персональных данных в информационных системах, подключенных к сети Интернет или функционирующих в цифровой среде. Система технических мер защиты основывается на применении современных криптографических методов, средств контроля доступа и технологий обеспечения целостности данных, что соответствует международным стандартам информационной безопасности и учитывает специфику национальной системы технического регулирования в сфере защиты информации.

Криптографическая защита персональных данных представляет собой фундаментальный элемент системы технических мер безопасности, предусматривающий обязательное применение сертифицированных средств криптографической защиты информации при передаче персональных данных по открытым каналам связи, включая сеть Интернет, а также при их долгосрочном хранении в информационных системах различного назначения. Правовое регулирование использования криптографических средств осуществляется в соответствии с требованиями национального законодательства о технических средствах защиты информации и предусматривает применение только тех криптографических алгоритмов и программно-технических решений, которые прошли процедуру сертификации в установленном порядке и включены в реестр разрешенных к использованию средств защиты информации.

Системы аутентификации и авторизации пользователей представляют собой комплекс программно-технических средств, обеспечивающих надежную идентификацию лиц, получающих доступ к персональным данным, и контроль полномочий таких лиц в отношении осуществления различных операций с персональными данными. Современные требования информационной безопасности предполагают внедрение многофакторной аутентификации, основанной на использовании нескольких независимых факторов подтверждения подлинности пользователя, включая биометрические данные, криптографические ключи и временные коды подтверждения. Правовое регулирование систем аутентификации учитывает необходимость обеспечения баланса между надежностью защиты и удобством использования информационных систем для законных пользователей.

Средства контроля целостности персональных данных включают в себя технические решения, основанные на использовании электронной цифровой подписи, хеш-функций и других криптографических механизмов, обеспечивающих возможность обнаружения любых несанкционированных изменений в массивах персональных данных. Данные технические средства играют критически важную роль в обеспечении достоверности персональных данных и предотвращении их искажения в результате технических сбоев или преднамеренных противоправных действий. Правовые требования к средствам контроля целостности устанавливаются с учетом категории персональных данных и уровня потенциального ущерба от их искажения или утраты.

2.2 Организационные меры защиты

Система организационных мер защиты персональных данных в интернет-среде представляет собой комплекс управленческих решений, процедур и регламентов, направленных на создание эффективной системы управления информационной безопасностью в организациях, осуществляющих обработку персональных данных. Правовое регулирование организационных мер защиты основывается на принципе персональной ответственности руководителей организаций за обеспечение защиты персональных данных и предусматривает создание специализированных структурных подразделений или назначение ответственных должностных лиц, обладающих необходимыми компетенциями в области информационной безопасности и правового регулирования обработки персональных данных.

Обязательное назначение ответственных должностных лиц за организацию обработки и защиты персональных данных представляет собой ключевой элемент организационной системы защиты, предусматривающий

делегирующие конкретным сотрудникам организации полномочий и ответственности за соблюдение требований законодательства о персональных данных. Ответственные лица должны обладать необходимой квалификацией в области информационного права и информационной безопасности, регулярно повышать свою квалификацию и обеспечивать координацию деятельности различных структурных подразделений организации по вопросам защиты персональных данных. Правовой статус ответственных лиц определяется внутренними документами организации с учетом требований действующего законодательства и включает как права по организации системы защиты персональных данных, так и обязанности по обеспечению соблюдения установленных требований.

Разработка и внедрение локальных нормативных актов, регламентирующих порядок обработки и защиты персональных данных, представляет собой обязательное требование действующего законодательства, направленное на создание детализированной правовой основы для деятельности организации в сфере обработки персональных данных. Локальные акты должны учитывать специфику деятельности конкретной организации, особенности используемых информационных технологий и характер обрабатываемых персональных данных, а также содержать детальные процедуры обеспечения защиты персональных данных в интернет-среде. Система локальных актов включает положения о защите персональных данных, должностные инструкции ответственных лиц, регламенты технического обслуживания средств защиты информации и процедуры реагирования на инциденты информационной безопасности.

Организация регулярного обучения и повышения квалификации персонала, имеющего доступ к персональным данным, представляет собой важнейший элемент системы организационных мер защиты, направленный на формирование у сотрудников необходимых знаний и навыков в области защиты персональных данных в цифровой среде. Программы обучения должны включать изучение требований действующего законодательства, особенностей правового регулирования обработки различных категорий персональных данных, современных угроз информационной безопасности в интернет-среде и методов их предотвращения. Эффективность системы обучения обеспечивается через регулярную оценку знаний сотрудников, актуализацию учебных программ с учетом изменений в законодательстве и развития информационных технологий, а также через создание системы мотивации персонала к соблюдению требований информационной безопасности.

2.3 Правовые гарантии защиты

Система правовых гарантий защиты персональных данных в интернет-среде основывается на признании персональных данных объектом особой правовой защиты и закреплении специальных прав субъектов персональных данных, направленных на обеспечение контроля над использованием их персональной информации в цифровом пространстве. Правовые гарантии включают как материально-правовые нормы, определяющие содержание прав субъектов персональных данных и обязанностей операторов, так и процессуальные механизмы реализации и защиты этих прав. Система правовых гарантий строится на основе международно признанных принципов защиты персональных данных, адаптированных к особенностям национального правопорядка и специфике функционирования интернет-среды в Республике Узбекистан.

Институт согласия субъекта персональных данных представляет собой фундаментальную правовую гарантию, предусматривающую обязательность получения предварительного, осознанного и недвусмысленного согласия граждан на обработку их персональных данных в интернет-среде с обязательным указанием конкретных целей обработки, способов использования персональных данных, перечня лиц, которым могут быть переданы персональные данные, и срока их обработки. Согласие должно быть выражено в форме, позволяющей подтвердить факт его получения, и может быть отозвано субъектом персональных данных в любое время без объяснения причин отзыва. Правовое регулирование института согласия учитывает особенности различных способов выражения согласия в цифровой среде и устанавливает повышенные требования к получению согласия на обработку специальных категорий персональных данных.

Право субъектов персональных данных на забвение представляет собой современную правовую гарантию, закрепляющую возможность граждан требовать удаления своих персональных данных из интернет-ресурсов и информационных систем при наступлении определенных правовых условий, включая достижение целей обработки, истечение срока хранения персональных данных или отзыв согласия на их обработку. Реализация права на забвение в интернет-среде связана с особыми техническими и правовыми сложностями, обусловленными распределенным характером хранения информации в цифровом пространстве и необходимостью балансирования права на забвение с другими конституционными правами, включая свободу информации и выражения мнений. Правовое регулирование данного инсти-

туда предусматривает установление разумных ограничений права на забвение в случаях, когда сохранение персональных данных необходимо для обеспечения свободы выражения мнений, научных исследований или выполнения правовых обязанностей.

Обязанность операторов персональных данных по уведомлению о нарушениях защиты персональных данных представляет собой важную правовую гарантию, направленную на обеспечение оперативного реагирования на инциденты информационной безопасности и минимизацию потенциального ущерба от несанкционированного доступа к персональным данным. Система уведомлений включает обязательность информирования уполномоченного государственного органа по защите персональных данных о всех случаях нарушения защиты персональных данных в установленные сроки, а также уведомление субъектов персональных данных в случаях, когда нарушение может повлечь высокий риск для их прав и свобод. Правовые требования к процедуре уведомления включают установление минимального содержания уведомления, сроков направления уведомлений и мер по устранению последствий нарушений защиты персональных данных.

3. Особенности защиты персональных данных в различных сферах интернет-деятельности

3.1 Электронная коммерция

Правовое регулирование защиты персональных данных в сфере электронной коммерции характеризуется повышенными требованиями к обеспечению безопасности финансовой информации потребителей и создания доверительной среды для развития цифровой торговли. Операторы интернет-магазинов и других платформ электронной коммерции обрабатывают широкий спектр персональных данных потребителей, включая контактную информацию, данные о платежных картах, адреса доставки товаров, информацию о покупательских предпочтениях и историю совершенных покупок. Специфика правового регулирования в данной сфере обусловлена необходимостью обеспечения баланса между потребностями развития электронной коммерции, требующей активного использования персональных данных для персонализации услуг и повышения качества обслуживания потребителей, и обеспечением надежной защиты персональной информации граждан от несанкционированного использования и мошеннических действий.

Обязанности операторов интернет-магазинов в сфере защиты персональных данных включают обеспечение безопасной передачи платежной информации с использованием сертифицированных криптографических

средств защиты, ограничение доступа к персональным данным клиентов только теми сотрудниками, которые нуждаются в такой информации для выполнения своих трудовых обязанностей, и создание эффективной системы контроля за использованием персональных данных в маркетинговых целях. Особое внимание в правовом регулировании уделяется защите данных о платежных картах, которая должна осуществляться в соответствии с международными стандартами безопасности платежных систем и предусматривать применение технологий токенизации и других современных методов защиты финансовой информации. Операторы электронной коммерции также обязаны обеспечивать прозрачность использования персональных данных клиентов, включая предоставление подробной информации о целях обработки данных, сроках их хранения и правах клиентов в отношении своих персональных данных.

3.2 Социальные сети и мессенджеры

Правовое регулирование защиты персональных данных пользователей социальных сетей и систем мгновенного обмена сообщениями представляет собой одну из наиболее сложных и динамично развивающихся областей информационного права, что обусловлено масштабом обработки персональных данных на таких платформах, интенсивностью их использования гражданами и многообразием форм коммуникации в цифровой среде. Операторы социальных сетей и мессенджеров обрабатывают не только базовую личную информацию пользователей, но также содержание их переписки, данные о социальных связях, информацию о местоположении, поведенческие данные и другие сведения, которые в совокупности создают детальный цифровой профиль личности. Специфика правового регулирования в данной сфере связана с необходимостью обеспечения баланса между свободой коммуникации, развитием социальных взаимодействий в цифровой среде и защитой частной жизни пользователей от вмешательства как со стороны операторов платформ, так и со стороны третьих лиц.

Обязанности операторов социальных сетей и мессенджеров включают обеспечение конфиденциальности электронной переписки пользователей с применением технологий сквозного шифрования, защиту личной информации профилей от несанкционированного доступа и использования, создание эффективных механизмов контроля за распространением персональных данных пользователей третьими лицами без их согласия, а также обеспечение возможности для пользователей осуществлять эффективный контроль над настройками приватности своих аккаунтов. Особое внимание

в правовом регулировании уделяется защите персональных данных несовершеннолетних пользователей, которая предусматривает установление дополнительных ограничений на обработку их персональных данных, усиленные требования к получению согласия законных представителей и создание специальных механизмов модерации контента. Операторы также обязаны обеспечивать прозрачность алгоритмов обработки персональных данных, используемых для персонализации контента и рекламы, и предоставлять пользователям возможность контролировать использование их данных для таких целей.

3.3 Государственные электронные услуги

Правовое регулирование защиты персональных данных при предоставлении государственных и муниципальных услуг в электронном виде характеризуется применением наиболее строгих требований к обеспечению информационной безопасности, что обусловлено особым статусом государственных органов как субъектов, обладающих властными полномочиями, и повышенной степенью доверия граждан к государственным информационным системам. Система электронного правительства в Республике Узбекистан предусматривает обработку широкого спектра персональных данных граждан, включая биометрические данные, сведения о доходах и имуществе, медицинскую информацию, данные о трудовой деятельности и другую конфиденциальную информацию, что требует создания особо надежной системы защиты такой информации. Специфика правового регулирования в данной сфере связана с необходимостью обеспечения высокого уровня доступности государственных услуг для граждан при одновременном соблюдении строжайших требований к защите их персональных данных.

Система защиты персональных данных в сфере электронных государственных услуг основывается на применении национальной системы электронной идентификации граждан, использовании квалифицированной электронной подписи для обеспечения подлинности электронных документов, создании централизованной системы управления доступом к государственным информационным ресурсам и внедрении комплексной системы аудита всех операций с персональными данными граждан. Правовые требования к защите персональных данных в государственных информационных системах включают обязательное применение сертифицированных средств криптографической защиты информации, создание резервных копий персональных данных с обеспечением их защиты на уровне не ниже основных массивов данных, регулярное проведение мероприятий по оценке защищен-

ности информационных систем и обеспечение непрерывности функционирования систем защиты персональных данных. Особое внимание уделяется обеспечению межведомственного взаимодействия при обработке персональных данных граждан, которое должно осуществляться с соблюдением принципа минимизации обрабатываемых данных и исключения их дублирования в различных государственных информационных системах.

4. Ответственность за нарушение требований защиты персональных данных

Система юридической ответственности за нарушение требований законодательства о защите персональных данных в интернет-среде представляет собой комплексный правовой институт, включающий различные виды ответственности в зависимости от характера совершенного правонарушения, степени общественной опасности деяния и размера причиненного ущерба. Правовое регулирование ответственности в данной сфере основывается на принципах неотвратимости наказания, соразмерности санкций тяжести совершенного правонарушения и эффективности правоохранительных механизмов в обеспечении защиты прав граждан на неприкосновенность частной жизни. Система ответственности включает административную, уголовную и гражданско-правовую ответственность, каждая из которых имеет свои особенности применения и направлена на решение специфических задач правовой защиты персональных данных в цифровой среде.

Административная ответственность за нарушение требований законодательства о персональных данных применяется в случаях совершения административных правонарушений, связанных с нарушением установленного порядка сбора, обработки, хранения, использования и распространения персональных данных граждан в интернет-среде. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности предусматривает специальные составы административных правонарушений в сфере защиты персональных данных, включающие нарушение требований к получению согласия субъектов персональных данных, несоблюдение установленных сроков и порядка уведомления о начале обработки персональных данных, нарушение требований к обеспечению защиты персональных данных при их обработке в информационных системах. Размер административных штрафов дифференцируется в зависимости от субъекта правонарушения и может применяться как к должностным лицам организаций, так и к юридическим лицам в целом, что обеспечивает комплексное воздействие на нарушителей требований законодательства о персональных данных.

Уголовная ответственность за преступления в сфере защиты персональных данных наступает в случаях совершения общественно опасных деяний, причинивших существенный вред правам и интересам граждан, общества или государства. Уголовный кодекс Республики Узбекистан содержит специальные составы преступлений, связанных с неправомерным доступом к персональным данным, их незаконным использованием, распространением или уничтожением, если эти деяния совершены с использованием служебного положения, причинили крупный ущерб или были сопряжены с извлечением незаконной выгоды. Особое внимание в уголовно-правовом регулировании уделяется преступлениям, совершаемым в отношении персональных данных несовершеннолетних, а также деяниям, связанным с использованием персональных данных для совершения других преступлений, включая мошенничество, шантаж или нарушение неприкосновенности частной жизни. Санкции за преступления в сфере защиты персональных данных включают как меры уголовного наказания, так и дополнительные меры в виде конфискации орудий совершения преступления и возмещения причиненного ущерба.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение требований защиты персональных данных основывается на общих принципах деликтной ответственности и предусматривает возмещение как материального, так и морального вреда, причиненного неправомерными действиями в отношении персональных данных граждан. Особенностью гражданско-правовой ответственности в данной сфере является презумпция вины причинителя вреда, что означает обязанность лица, осуществляющего обработку персональных данных, доказывать отсутствие своей вины в нарушении требований их защиты. Размер возмещения морального вреда определяется судом с учетом характера причиненного вреда, степени вины нарушителя, а также индивидуальных особенностей потерпевшего и обстоятельств причинения вреда. Гражданско-правовая ответственность может применяться независимо от привлечения нарушителя к административной или уголовной ответственности и направлена на восстановление нарушенных прав граждан и компенсацию причиненного им ущерба.

5. Проблемы правового регулирования и пути их решения

5.1 Существующие проблемы правового регулирования

Современное состояние правового регулирования защиты персональных данных в интернет-среде в Республике Узбекистан, несмотря на значительные достижения в создании комплексной нормативно-правовой базы, характеризуется наличием ряда системных проблем, требующих комплексного научно-обоснованного решения. Одной из ключевых проблем является

недостаточная осведомленность граждан о своих правах в области защиты персональных данных и механизмах их реализации в цифровой среде, что приводит к формированию низкого уровня правовой культуры в сфере информационной безопасности и создает предпосылки для нарушения прав граждан на неприкосновенность частной жизни. Данная проблема усугубляется отсутствием системной образовательной работы по повышению цифровой грамотности населения и недостаточным уровнем правового просвещения граждан в области защиты персональных данных, что требует разработки и реализации специальных государственных программ правового образования в данной сфере.

Существенной проблемой является отставание правового регулирования от темпов развития информационных технологий и появления новых способов обработки персональных данных в интернет-среде, включая технологии искусственного интеллекта, машинного обучения, больших данных и интернета вещей. Динамичный характер развития цифровых технологий создает ситуацию, когда новые способы обработки персональных данных начинают применяться на практике до создания соответствующего правового регулирования, что создает правовые пробелы и неопределенность в вопросах применения существующих норм к новым технологическим решениям. Данная проблема требует разработки гибких механизмов правового регулирования, способных адаптироваться к технологическим изменениям, и создания системы мониторинга развития информационных технологий для своевременного внесения изменений в законодательство о защите персональных данных.

Проблема обеспечения эффективного международного сотрудничества в сфере защиты персональных данных связана с трансграничным характером интернет-пространства и необходимостью гармонизации национального законодательства с международными стандартами защиты персональных данных. Различия в правовых подходах к регулированию защиты персональных данных в различных юрисдикциях создают сложности для операторов, осуществляющих трансграничную обработку персональных данных, и могут приводить к снижению уровня защиты прав граждан при передаче их персональных данных за пределы территории Республики Узбекистан. Решение данной проблемы требует активного участия в международных инициативах по гармонизации правового регулирования защиты персональных данных и заключения двусторонних и многосторонних соглашений о взаимном признании систем защиты персональных данных с зарубежными государствами.

5.2 Направления совершенствования правового регулирования

Совершенствование системы правового регулирования защиты персональных данных в интернет-среде должно осуществляться по нескольким взаимосвязанным направлениям, включающим как развитие нормативно-правовой базы, так и совершенствование механизмов правоприменения и правового просвещения граждан. Приоритетным направлением является усиление образовательной работы среди граждан по вопросам цифровой грамотности и защиты персональных данных, что предполагает разработку и реализацию комплексных программ правового образования, включающих изучение основ информационного права, практических навыков безопасного использования интернет-ресурсов и способов защиты персональных данных в цифровой среде. Данные программы должны быть адаптированы для различных возрастных и социальных групп населения и предусматривать использование современных образовательных технологий, включая онлайн-курсы, интерактивные обучающие платформы и мобильные приложения для повышения правовой грамотности граждан.

Развитие международного сотрудничества в области защиты персональных данных и кибербезопасности представляет собой стратегически важное направление совершенствования правового регулирования, предусматривающее активное участие Республики Узбекистан в международных организациях и инициативах, направленных на гармонизацию подходов к защите персональных данных в глобальном масштабе. Это направление включает заключение международных соглашений о взаимном признании систем защиты персональных данных, участие в разработке международных стандартов информационной безопасности, обмен опытом с зарубежными странами в области правового регулирования и правоприменительной практики в сфере защиты персональных данных. Особое внимание должно уделяться сотрудничеству с международными организациями по борьбе с киберпреступностью и созданию эффективных механизмов международного сотрудничества в расследовании преступлений, связанных с нарушением защиты персональных данных в трансграничном интернет-пространстве.

Регулярное обновление технических требований к защите персональных данных с учетом развития информационных технологий и появления новых угроз информационной безопасности представляет собой необходимое условие поддержания эффективности системы защиты персональных данных в динамично изменяющейся технологической среде. Данное направление предполагает создание постоянно действующей системы мониторинга

развития информационных технологий, оценки новых угроз информационной безопасности и разработки соответствующих изменений в технические требования к защите персональных данных. Система обновления технических требований должна предусматривать регулярные консультации с представителями ИТ-индустрии, научными организациями и международными экспертами в области информационной безопасности для обеспечения соответствия национальных требований лучшим мировым практикам и современному уровню развития технологий защиты информации.

Совершенствование системы государственного контроля и надзора за соблюдением требований защиты персональных данных должно предусматривать укрепление потенциала уполномоченных государственных органов, включая повышение квалификации их сотрудников, оснащение современными техническими средствами контроля и расширение полномочий по проведению проверок соблюдения требований законодательства о персональных данных. Эффективность системы контроля должна обеспечиваться через создание риск-ориентированного подхода к планированию контрольных мероприятий, внедрение автоматизированных систем мониторинга соблюдения требований защиты персональных данных и развитие сотрудничества с общественными организациями и профессиональными сообществами в области защиты прав граждан в цифровой среде.

Проведенное исследование специальных способов защиты персональных данных в интернет-среде по законодательству Республики Узбекистан позволяет сделать вывод о том, что национальная система правового регулирования в данной сфере представляет собой комплексную и достаточно развитую правовую конструкцию, основанную на современных принципах защиты персональных данных и учитывающую специфику функционирования цифровых технологий. Система специальных способов защиты персональных данных включает взаимосвязанный комплекс правовых, технических и организационных мер, направленных на обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности персональной информации граждан в цифровой среде, что соответствует международным стандартам защиты персональных данных и создает надежную основу для развития цифровой экономики при соблюдении прав граждан на неприкосновенность частной жизни. Правовое регулирование защиты персональных данных в Республике Узбекистан характеризуется системным подходом, предусматривающим дифференциацию требований в зависимости от сферы деятельности операторов и категории обрабатываемых персональных данных.

Эффективность национальной системы защиты персональных данных в интернет-среде в значительной степени зависит от качества взаимодействия всех участников правоотношений в данной сфере, включая государственные органы, осуществляющие контроль и надзор за соблюдением требований законодательства, операторов персональных данных, обеспечивающих практическую реализацию мер защиты персональных данных, и самих граждан как субъектов персональных данных, обладающих правами и обязанностями в сфере защиты своей персональной информации. Достижение оптимального баланса между потребностями инновационного развития цифровых технологий, экономической эффективностью использования персональных данных для развития цифровой экономики и обеспечением надежной защиты прав граждан на неприкосновенность частной жизни представляет собой сложную правовую задачу, требующую постоянного совершенствования правового регулирования с учетом динамично изменяющихся технологических и социальных условий функционирования информационного общества.

Перспективы дальнейшего развития законодательства о защите персональных данных в интернет-среде должны учитывать глобальные тенденции цифровизации общественных отношений, включая развитие технологий искусственного интеллекта, интернета вещей, больших данных и других инновационных решений, которые создают новые возможности для использования персональных данных, но одновременно порождают и новые риски для защиты прав граждан. Совершенствование правового регулирования должно осуществляться на основе научно обоснованного подхода, предусматривающего регулярную оценку эффективности действующих правовых норм, анализ международного опыта правового регулирования и активное взаимодействие с заинтересованными сторонами, включая представителей бизнес-сообщества, научных организаций и гражданского общества. Стратегической целью развития национальной системы защиты персональных данных должно стать создание благоприятной правовой среды для инновационного развития цифровых технологий при обеспечении высокого уровня защиты прав и свобод граждан в информационном обществе.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2021 год). – Ташкент: Адолат, 2021. – 84 с.
2. О персональных данных : Закон Республики Узбекистан от 2 июля 2019 г. № ЗРУ-547 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2019. – № 27. – Ст. 547.

3. Об информатизации : Закон Республики Узбекистан от 11 декабря 2003 г. № 560-II (в редакции от 29 августа 2019 года) // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – 2004. – № 1-2. – Ст. 15.
4. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности от 22 сентября 1994 года № 2015-XII (в редакции по состоянию на 2024 год) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. – 1995. – № 1. – Ст. 1.
5. Об утверждении Положения о порядке обработки персональных данных : постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 5 июня 2020 г. № 342 // Собрание постановлений Правительства Республики Узбекистан. – 2020. – № 6. – Ст. 342.
6. О стратегии развития Нового Узбекистана на 2022-2026 годы : Указ Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 г. № УП-60 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2022. – № 4. – Ст. 84.
7. О мерах по дальнейшему развитию сферы информационных технологий : Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 3 июля 2018 г. № 528 // Собрание постановлений Правительства Республики Узбекистан. – 2018. – № 28. – Ст. 528.
8. Национальная стратегия по развитию системы кибербезопасности Республики Узбекистан на 2022-2025 годы : утв. Указом Президента РУз от 29 июня 2021 г. № УП-6229.

НАЛОГОВЫЕ СПОРЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОЦЕНКЕ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ (ТЕЗИС)

Ш.М. Ахатова

*начальник отдела Департамента по анализу законодательства в сфере правосудия,
Верховный суд Республики Узбекистан, соискатель Ташкентского
государственного юридического университета*

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы налоговых споров, возникающих при оценке объектов интеллектуальной собственности в Республике Узбекистан. Автор анализирует роль интеллектуальной собственности в современной экономике, выявляет основные причины возникновения налоговых споров и правовые проблемы в регулировании данной сферы. Особое внимание уделяется анализу недостатков существующей нормативно-правовой базы, отсутствию четких стандартов и методологий оценки объектов интеллектуальной собственности. Исследование показывает, что основными причинами налоговых споров являются субъективность экспертных заключений, неопределенность в применении методов оценки и несоответствие национального законодательства международным стандартам ОЭСР. Автор предлагает комплексные пути решения выявленных проблем, включающие разработку четких руководящих принципов по оценке интеллектуальной собственности, создание специальных образовательных программ для подготовки экспертов и повышение квалификации судейского корпуса в данной области.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, налоговые споры, оценка активов, патенты, товарные знаки, авторские права, ноу-хау, трансфертное ценообразование, стандарты ОЭСР, нормативно-правовая база, методология оценки.

Abstract. The article examines current problems of tax disputes arising in the valuation of intellectual property objects in the Republic of Uzbekistan. The author analyzes the role of intellectual property in the modern economy, identifies the main causes of tax disputes and legal gaps in the regulation of this sphere. Special attention is paid to analyzing the shortcomings of the existing regulatory and legal framework, the absence of clear standards and methodologies for valuing intellectual property objects. The study shows that the main causes of tax disputes are the subjectivity of expert opinions, uncertainty in the application of valuation methods, and the inconsistency of national legislation with international OECD standards. The author proposes comprehensive solutions to the identified problems, including the development of clear guidelines for intellectual property valuation, creation of special educational programs for expert training, and improving the qualifications of the judicial corps in this field.

Keywords: intellectual property, tax disputes, asset valuation, patents, trademarks, copyrights, know-how, transfer pricing, OECD standards, regulatory and legal framework, valuation methodology.

В современной экономике объекты интеллектуальной собственности занимают важное место в конкурентоспособности и инновационной деятельности компаний. Объекты интеллектуальной собственности – это нематериальные активы, которые, включая в себя патенты, товарные знаки, авторские права, ноу-хау, промышленные образцы и другие активы, обладают способностью приносить экономическую выгоду. Основной характеристикой объектов интеллектуальной собственности является их нематериальность, возможность долгосрочного использования и обладание экономической ценностью.

Объекты интеллектуальной собственности, патенты, товарные знаки (работ, услуг), авторские права, ноу-хау и другие активы не только повышают рыночную стоимость компаний, но и становятся важным источником их экономической прибыли. Патенты, товарные знаки и коммерческие тайны предоставляют компании уникальную позицию. Эти интеллектуальные активы обеспечивают компании долгосрочное конкурентное преимущество. Интеллектуальная собственность значительно увеличивает балансовую стоимость компании. Во многих технологических компаниях стоимость интеллектуальных активов намного превышает стоимость физических активов. Посредством лицензирования, франчайзинга и реализации интеллектуальной собственности компания получает возможность получать дополнительный доход. Это считается одним из видов пассивного дохода. Сильный портфель интеллектуальной собственности становится привлекательным фактором для инвесторов. Он играет важную роль в получении венчурного капитала и других инвестиций. Через товарные знаки и бренды устанавливаются прочные связи с клиентами, что способствует сохранению и расширению доли рынка.

Кроме того, права интеллектуальной собственности защищают компанию от недобросовестной конкуренции и предотвращают раскрытие коммерческих тайн. В целом, интеллектуальная собственность считается основным капиталом компаний в современной экономике, и правильное управление ею обеспечивает долгосрочный успех бизнеса.

На сегодняшний день в Узбекистане сформирована обширная нормативно-правовая база, направленная на правовое регулирование отношений, связанных с объектами интеллектуальной собственности. Например, Гражданский кодекс¹, Налоговый кодекс², Закон Республики Узбекистан «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах»³ и другие.

¹Гражданский кодекс Республики Узбекистан. – <https://lex.uz/docs/180550>.

² Налоговый кодекс Республики Узбекистан. – <https://lex.uz/ru/docs/4674893>.

³ Закон Республики Узбекистан «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах». – <https://lex.uz/docs/77168?ONDATE>. – 15.02.2024.

Однако в процессе оценки объектов интеллектуальной собственности и их налогообложения возникает множество сложных вопросов, что становится причиной налоговых споров между налоговыми органами и компаниями. В Узбекистане эта проблема особенно актуальна, поскольку специальная нормативно-правовая база для разрешения налоговых споров, связанных с объектами интеллектуальной собственности, еще полностью не сформирована, отсутствуют четкие стандарты и методологии оценки объектов интеллектуальной собственности.

Анализ основных проблем налоговых споров, возникающих при оценке объектов интеллектуальной собственности, выявление их причин и поиск путей решения в условиях Узбекистана имеет важное значение. Поскольку демонстрация научного и практического значения исследуемой темы, разработка решений существующих проблем и обсуждение возможностей их внедрения в практику является одной из важных задач, стоящих перед современной правовой наукой.

Хотя оценка объектов интеллектуальной собственности рассматривается преимущественно как экономико-технический процесс, она также имеет правовые аспекты.

Например, согласно статье 5 Закона Республики Узбекистан «Об оценочной деятельности», в число объектов оценки включены также объекты интеллектуальной собственности и другие объекты гражданских прав, которые согласно законодательству могут находиться в гражданском обороте⁴.

Для оценки объектов интеллектуальной собственности применяется ряд методов. Например, существует затратный метод, основанный на расходах, понесенных для создания или получения объектов интеллектуальной собственности. В этом методе обычно учитываются предварительно осуществленные расходы.

Существует также доходный метод, направленный на прогнозирование будущего потока прибыли от объектов интеллектуальной собственности. Однако важное значение имеет оценка, основанная на рыночных ценах объектов интеллектуальной собственности. Каждый метод имеет свои специфические сложности.

В Узбекистане оценка объектов интеллектуальной собственности часто основывается на субъективных заключениях экспертов, что становится причиной разногласий между налоговыми органами и компаниями. Например, при определении стоимости товарного знака предприятие опирается на его значимость на рынке, а налоговые органы могут взять за основу расходы в этой области.

⁴ Закон Республики Узбекистан «Об оценочной деятельности». – <https://lex.uz/docs/24701?ONDATE>. – 23.10.2024.

Налоговые споры часто возникают из-за неопределенностей в определении стоимости объектов интеллектуальной собственности. Основные причины этих споров прежде всего непосредственно связаны с недостаточностью нормативно-правовой базы или ее неправильной интерпретацией (толкованием). В Узбекистане не полностью разработаны четкие стандарты и методологии оценки объектов интеллектуальной собственности. Это само по себе приводит к использованию различных подходов налоговыми органами и компаниями.

Как мы подчеркивали выше, различные заключения экспертов и неопределенности в оценке усиливают споры [1]. Также глобальная интеграция в мире, усиление цифровизации, внедрение искусственного интеллекта в различные сферы, рост виртуальных возможностей и знаний населения также приводят к различным спорам и недоразумениям [2]. Рост потока реальной и виртуальной информации также влияет на рынок объектов интеллектуальной собственности в Узбекистане. Эта еще не полностью сформированная сфера нуждается в более быстром внедрении рыночных закономерностей.

Споры в применении стандартов ОЭСР приводят к проблемам при работе с транснациональными компаниями в Узбекистане. В международной практике существуют специальные механизмы для разрешения споров при оценке объектов интеллектуальной собственности. Например, в США IRS (Internal Revenue Service) разработаны четкие руководящие принципы по оценке объектов интеллектуальной собственности [3]. В Европейском союзе же, основываясь на руководящих принципах ОЭСР по трансфертному ценообразованию (transfer pricing), применяются стандартизированные подходы к оценке объектов интеллектуальной собственности [4].

Налоговый кодекс Республики Узбекистан устанавливает общие нормы по работе с объектами интеллектуальной собственности, но четких правил относительно методологии оценки недостаточно. Это становится причиной разногласий между налоговыми органами и компаниями. Например, если компания высоко оценивает стоимость своего товарного знака, налоговые органы могут посчитать эту оценку необоснованной. Анализ судебной практики показывает, что в Узбекистане налоговые споры, связанные с объектами интеллектуальной собственности, часто связаны с субъективностью в оценке и недостатком информации.

Для разрешения налоговых споров, связанных с объектами интеллектуальной собственности, необходимо разработать четкие руководящие принципы по оценке объектов интеллектуальной собственности в соответ-

ствии со стандартами ОЭСР. Кроме того, целесообразно внедрить специальные учебные программы для подготовки специалистов по оценке объектов интеллектуальной собственности, а также повышение квалификации судов в целях формирования навыков разрешения споров в сфере объектов интеллектуальной собственности при разрешении споров.

Список использованных источников

1. Smith, J. Valuation of Intellectual Property: Challenges and Solutions / J. Smith // Journal of Taxation. – 2021. – № 45(3). – P. 12-25.
2. Johnson, R. Tax Disputes in IP Valuation: A Global Perspective / R. Johnson // International Tax Review. – 2023. – № 34(2). – P. 45-56.
3. IRS. (2023). Valuation of Intangible Assets for Tax Purposes. – URL: <https://www.irs.gov/publications/p561>.
4. OECD Transfer Pricing Guidelines for Multinational Enterprises and Tax Administrations, 2022. – URL: <https://www.oecd.org/tax/transfer-pricing/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-20715736.htm>.
5. Гражданский кодекс Республики Узбекистан // Lex.UZ. on-line. – URL: <https://lex.uz/docs/180550>.
6. Налоговый кодекс Республики Узбекистан // Lex.UZ. on-line. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/4674893>.
7. Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах : Закон Республики Узбекистан // Lex.UZ. on-line. – URL: <https://lex.uz/docs/77168?ONDATE>. – 15.02.2024.
8. Об оценочной деятельности : Закон Республики Узбекистан // Lex.UZ. on-line. – URL: <https://lex.uz/docs/24701?ONDATE>. – 23.10.2024.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АВТОРСКОЕ ПРАВО

Д.В. Альхимович

студент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
alkimovichofficial@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному анализу правовых проблем, связанных с авторским правом в условиях использования искусственного интеллекта. Рассматриваются три основные модели распределения авторских прав – за ИИ, разработчиком и пользователем – с акцентом на международные и национальные правовые подходы. Особое внимание уделяется юридическим, этическим и технологическим аспектам, включая вопросы правосубъектности ИИ, использования защищённых данных и определения степени творческого вклада человека. Новизна публикации заключается в обобщении сравнительно-правовых позиций, выделении нерешённых вопросов и формулировке предложений по совершенствованию законодательства, особенно в контексте Республики Беларусь. Практическое значение работы выражается в возможности использования её выводов при разработке нормативных актов и в правоприменительной практике.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, правосубъектность ИИ, вычислительное творчество, базы данных, машинное обучение, интеллектуальная собственность.

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of legal issues related to copyright in the context of artificial intelligence (AI). It explores three main models for the allocation of copyright – in favor of the AI system, the developer, and the user – with a focus on both international and national legal approaches. Special attention is given to legal, ethical, and technological aspects, including the legal personality of AI, the use of protected data, and the degree of human creative contribution. The novelty of this publication lies in the synthesis of comparative legal perspectives, identification of unresolved issues, and the formulation of legislative improvement proposals, particularly in the context of the Republic of Belarus. The practical significance of the study is reflected in the potential application of its findings in the development of legal regulations and law enforcement practices.

Keywords: artificial intelligence, copyright, legal personality of AI, computational creativity, databases, machine learning, intellectual property.

В последние годы проблема авторских прав в контексте использования искусственного интеллекта (ИИ) стала одной из центральных тем в сфере права интеллектуальной собственности. Стремительное развитие технологий и расширение сферы применения ИИ, включая создание текстов, изображений, музыки и других творческих продуктов, поставили перед международным сообществом задачу пересмотра традиционных представлений о субъектах авторского права. Сегодня в научной и правовой среде существуют три основные концепции относительно того, кто может обладать авторскими правами на произведения, созданные с участием ИИ.

Согласно первой из них, авторские права следует закрепить за самим искусственным интеллектом. Эта точка зрения основывается на том, что ИИ, обученный на обширных массивах данных, способен генерировать оригинальные произведения без непосредственного участия человека в каждом конкретном акте творчества. Однако такое предположение вызывает множество споров: ИИ не обладает сознанием, волей, правосубъектностью, и, соответственно, с позиции классической правовой теории он не может быть признан автором.

Второй подход предполагает, что правообладателем должен выступать разработчик искусственного интеллекта. Сторонники этой концепции считают, что именно он создает алгоритмическую основу, осуществляет подбор и обработку обучающих данных, а также обеспечивает техническую реализацию и поддержку функционирования модели. Таким образом, его вклад рассматривается как ключевой, без которого сам процесс создания продукта ИИ был бы невозможен.

Третья точка зрения отводит роль автора пользователю ИИ-системы. По этому мнению, именно пользователь формулирует задачу, задает параметры, выбирает из предложенных ИИ вариантов, редактирует их и применяет в конкретных условиях. То есть вклад пользователя в формирование конечного результата признается определяющим [1, с. 136].

Международные правовые нормы также формируются с учетом стремительно меняющейся ситуации. В США в 2021 году был принят закон «О национальной инициативе в области искусственного интеллекта» (National Artificial Intelligence Initiative), в котором ИИ рассматривается как система, способная самостоятельно принимать решения, делать прогнозы и предлагать рекомендации, воздействующие на внешнюю среду. Европейский союз в 2023 году утвердил Акт об искусственном интеллекте (The Artificial Intelligence Act), в котором также акцентируется внимание на автономности ИИ и его способности воздействовать как на виртуальное, так и на физическое пространство.

Наиболее весомая правовая позиция отражена в резолюции Европарламента No 2020/2015, где произведения, созданные с использованием ИИ, различаются по степени участия человека. Если творческий вклад человека отсутствует, такое произведение не подлежит авторско-правовой защите. Более того, идея о признании ИИ субъектом права отвергается как преждевременная и потенциально угрожающая, поскольку она способна подорвать значимость человеческого труда и творчества.

Одной из ключевых проблем является установление степени участия человека в создании произведения. Если ИИ полностью автономно сгенерировал продукт, без интеллектуального вмешательства со стороны человека, то такой результат не может считаться объектом авторского права. Кроме того, остро стоит вопрос этической и правовой допустимости использования ИИ, обученного на материалах, уже защищенных авторским правом. Заимствование таких данных, даже если оно происходит непреднамеренно, становится все сложнее контролировать.

В 2020 году Европейская комиссия получила аналитический отчет, в котором были предложены критерии для признания авторства за произведениями, созданными с использованием ИИ. Среди них – принадлежность к сфере культуры, наличие творческого вклада человека, проявление оригинального выбора и отражение этого выбора в итоговом продукте. При выполнении данных условий такие произведения могут быть признаны охраняемыми объектами авторского права.

Особый интерес вызывает китайский подход к этому вопросу. В 2018 году Верховный народный суд Пекина в специальном руководстве отметил, что автором произведения может быть только человек. Все автоматические механизмы, включая ИИ, исключаются из числа субъектов авторского права, поскольку главная цель законодательства – поощрение именно человеческого творчества. Однако уже в 2019 году практика показала обратную тенденцию. В одном из дел, связанном с использованием системы Wolters Kluwer China Law & Reference для создания аналитического отчета, суд пришел к выводу, что, несмотря на оригинальность результата, он не может быть охраняемым объектом, поскольку отсутствует творческий вклад со стороны человека. Ни разработчик алгоритма, ни конечный пользователь не могли быть признаны авторами. В то же время, произведение не считалось общественным достоянием, что указывает на существующую неопределенность [2, с. 30].

В целом, международная практика до сих пор не выработала единого подхода к определению авторства в случае использования ИИ. Пока что большинство стран придерживаются антропоцентричной модели, где автором может быть исключительно человек. Однако с увеличением количества случаев создания значимых культурных или научных объектов с участием ИИ, давление на существующие правовые системы будет усиливаться. В перспективе можно ожидать появления новых юридических моделей, способных учитывать уникальные особенности искусственного интеллекта.

Одним из наиболее интересных аспектов является феномен вычислительного творчества (computational creativity), при котором ИИ-алгоритмы способны имитировать процесс создания художественных или музыкальных произведений. Например, системы вроде MUSACT могут генерировать музыку, подражая интуитивным решениям человека. Однако такие действия лишены субъективного опыта и осознанного выбора, что отличает ИИ от настоящего творца.

Фундаментальное различие между машинным интеллектом и человеком заключается в способности к субъективному творческому акту. Подлинное творчество – это выражение внутреннего мира, чувств, культурного фона и интуиции, чего не способна достичь ни одна даже самая сложная ИИ-система.

Кроме проблемы авторства, остаётся открытым вопрос ответственности за нарушения авторских прав при участии ИИ. Согласно исследованию, проведенному Ведомством интеллектуальной собственности Европейского союза (EUIPO) в 2022 году, ИИ может быть как инструментом защиты авторских прав, так и их нарушителем. Однако юридическая ответственность в любом случае возлагается на человека – будь то разработчик, владелец или пользователь технологии.

Международные организации, такие как Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO), активно работают над адаптацией существующего законодательства к новым реалиям. Их работа направлена на унификацию подходов, развитие систем регистрации, укрепление прозрачных договорных механизмов и соблюдение универсальных правовых стандартов [3, с. 116].

Одной из самых острых проблем в этой сфере остаётся вопрос использования чужих данных для обучения ИИ. Современные модели обучаются на колоссальных объемах информации, зачастую без разрешения правообладателей. Это приводит к судебным тяжбам, таким как Getty Images (US), Inc. v. Stability AI, DOE 1 v. GitHub, Inc., Andersen v. Stability AI Ltd.

Значимость данной проблемы обусловлена как научным интересом, так и реальной необходимостью защиты прав создателей контента. В ряде государств, включая Беларусь, отсутствуют чёткие нормы регулирования использования таких данных, что создаёт правовую неопределённость и риски нарушений.

Решение этой задачи требует нахождения баланса между интересами разработчиков ИИ и правообладателей. Необходимо создать механизмы, которые бы одновременно защищали интеллектуальную собственность и способствовали научному и технологическому прогрессу.

Наиболее распространённой сегодня технологией в области ИИ остаётся машинное обучение, включая нейронные сети. Оно включает этапы подготовки данных, обучения модели и тестирования. Один из самых проблемных методов получения данных – веб-скрейпинг, то есть автоматическое извлечение информации с интернет-ресурсов. Этот метод вызывает споры, поскольку доступ к контенту осуществляется без разрешения правообладателей.

С юридической точки зрения веб-сайты могут квалифицироваться либо как составные произведения, либо как базы данных. Российская практика зачастую трактует их как базы данных, если информация носит систематизированный характер. В других случаях сайты считаются составными произведениями при наличии творческого отбора и компоновки контента.

Соответственно, если ИИ использует данные с таких источников, необходимо определить, произошло ли нарушение прав на базу данных или на составное произведение. В белорусском законодательстве (Закон от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах») охране подлежит только структура базы данных, а не её содержимое. Это ограничивает правообладателей в защите информации, которая фактически используется для обучения ИИ.

Законодательство ряда стран предпринимает шаги к усиленной защите. Например, Директива ЕС 96/9/ЕС и статья 1334 Гражданского кодекса РФ предоставляют охрану производителям баз данных при условии значительных затрат на их создание. Эти меры формируют более устойчивую правовую основу для защиты прав в цифровую эпоху [4, с. 233].

Наряду с этим, в международной практике вырабатываются компромиссные подходы. Директива ЕС 2019/790 допускает использование текстов и данных для анализа и обучения в научных и образовательных целях при наличии законного доступа. Аналогичная норма действует в Японии – статья 30-4 Закона об авторском праве также разрешает подобное использование в рамках машинного обучения.

В условиях Беларуси можно обозначить два приоритетных направления законодательного развития:

1. Расширение правовой охраны не только структуры, но и содержимого баз данных при наличии значительных затрат на их формирование;
2. Введение исключений, допускающих свободное использование данных для обучения ИИ в рамках науки, образования и некоммерческих целей.

Определённость в этих вопросах необходима для эффективной защиты прав всех участников цифровой среды – авторов, разработчиков и пользователей [5, с. 234].

Таким образом, вопрос авторства в условиях использования искусственного интеллекта остаётся дискуссионным и требует дальнейшего осмысления. Несмотря на существующее многообразие мнений, большинство правовых систем по-прежнему ориентированы на антропоцентричный подход, признавая автором исключительно человека. Однако развитие технологий неизбежно приведёт к корректировке действующих норм, цель которых – сохранить баланс между поддержкой инноваций и защитой человеческого творчества.

Список использованных источников

1. Леонова, Н. Ю. Искусственный интеллект и авторское право / Н. Ю. Леонова // Конституции России 30 лет: итоги и перспективы развития : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Курган, 08 декабря 2023 г. – Курган : Курганский государственный университет, 2024. – С. 135-140.
2. Верижникова, А. А. Искусственный интеллект: автор или средство? / А. А. Верижникова // Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность : сборник научных статей. – Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2024. – С. 28-38.
3. Спицина, Д. Ю. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности / Д. Ю. Спицина // Молодежный научный потенциал в юриспруденции XXI века: от теории к практике : сборник статей VI Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Москва, 19 октября 2023 г. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2023. – С. 115-125.
4. Тагирова, А. М. Искусственный интеллект в авторском праве / А. М. Тагирова, О. А. Воробьева // XLIX Самарская областная студенческая научная конференция : тезисы докладов, Самара, 10–21 апреля 2023 г. – СПб. : ООО «Эко-Вектор», 2023. – С. 233.
5. Томильчик, Е. О. Проблемы нарушения авторского права на наборы данных при обучении искусственного интеллекта / Е. О. Томильчик // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы III Международной научно-практической конференции : в 3 ч., Минск, 18–19 октября 2023 г. – Минск : СтройМедиаПроект, 2023. – С. 232-239.

СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА КОМПЛЕКСНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ЛИЦЕНЗИИ (ФРАНЧАЙЗИНГА): ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д.В. Андриевский

*начальник управления содействия коммерциализации и государственных
реестров, государственное учреждение «Национальный центр
интеллектуальной собственности», d.andryeuski@ncip.by*

В.В. Бессарабова

*ученый секретарь, государственное учреждение «Национальный центр
интеллектуальной собственности», v.bessarabova@ncip.by*

Аннотация. В статье авторы анализируют содержание договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) с учетом требований законодательства Республики Беларусь. Отражены основные проблемы, с которыми сталкиваются правообладатели и пользователи при заключении франчайзинговых соглашений, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: комплексная предпринимательская лицензия, франчайзинг, правообладатель (франчайзер), пользователь (франчайзи), лицензионный комплекс, содержание договора франчайзинга, условия договора франчайзинга.

Abstract. In the article, the authors analyze the content of the complex business license (franchising) agreement, taking into account the requirements of the legislation of the Republic of Belarus. The main problems faced by copyright holders and users when concluding franchise agreements are described, and ways to solve them are proposed.

Keywords: comprehensive business license, franchising, copyright holder (franchisor), user (franchisee), complex license, content of the franchise agreement, terms of the franchise agreement.

Согласно п. 1 ст. 910 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (в ред. от 17 февраля 2025 г.) (далее – ГК Республики Беларусь) договор комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) рассматривается как консенсуальное двустороннее соглашение между правообладателем и пользователем, предусматривающее предоставление на возмездной основе на определенный срок или бессрочно права использования объектов интеллектуальной собственности, включенных в лицензионный комплекс, передаваемый по договору, а также нераскрытой информации (ст. 128 ГК Республики Беларусь).

Содержанием договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) является совокупность его существенных (обязательных), дополнительных (факультативных) и обычных условий, включаемых в соглашение между франчайзером и франчайзи [1, с. 40].

Специфичен предмет договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга). В настоящее время в Республике Беларусь обязательными элементами лицензионного комплекса, предоставляемого для использования в предпринимательской деятельности пользователя по договору франчайзинга, являются: фирменное наименование правообладателя (франчайзера) и его нераскрытая информация. В соответствии с нормой действующей редакции ГК Республики Беларусь, содержащейся в п. 1 ст. 910 ГК Республики Беларусь, товарные знаки и знаки обслуживания сегодня не являются одним из обязательных элементов лицензионного комплекса и, следовательно, могут не предоставляться правообладателем пользователю для достижения цели договора комплексной предпринимательской лицензии – получения прибыли. Отметим, что в настоящее время только по договору франчайзинга в нашей стране возможно предоставление права использования фирменного наименования (п. 2 ст. 1016 ГК Республики Беларусь).

Вместе с тем на практике наиболее распространенными объектами интеллектуальной собственности, право использования которых предоставляется по договору франчайзинга пользователю, являются товарные знаки (знаки обслуживания), позволяющие «масштабировать бизнес» [2]. Случаи включения правообладателем в лицензионный комплекс с целью использования в предпринимательской деятельности пользователя изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, топологий интегральных микросхем, сортов растений в нашей стране не зарегистрированы в Национальном центре интеллектуальной собственности [3]. Также франчайзеры, как правило, включают в предмет лицензионного комплекса право использования различных объектов авторского права (например, маркетинговый план; дизайн-проект точки; «brandbook» – руководство по управлению брендом, обязательное для использования франчайзии и т.д.).

В соответствии с п. 1 ст. 910 ГК Республики Беларусь объекты интеллектуальной собственности, право использования которых предоставляется по договору франчайзинга, могут использоваться франчайзи только при осуществлении предпринимательской деятельности. Указанные объекты, включенные в лицензионный комплекс, могут использоваться франчайзи только в определенном объеме (п. 2 ст. 910 ГК Республики Беларусь),

в том числе с указанием в договоре франчайзинга конкретной территории такого использования исходя из вида осуществляемой предпринимательской деятельности (например, на территории торговых объектов или объектов общественного питания, на территории города, района, иной территории, определенной франчайзером в соглашении). Фактически объем использования лицензионного комплекса может быть ограничен франчайзером на основании условий заключенного соглашения перечислением конкретных способов использования объектов интеллектуальной собственности, входящих в лицензионный комплекс. Например, допускается использование фирменного наименования и товарного знака (товарных знаков) правообладателя, как средств индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и (или) услуг только путем его (их) размещения на вывеске франчайзинговой точки, в самом торговом объекте, на торговом оборудовании, включая прилавки, стеллажи и т.д., а также при осуществлении рекламы товаров (работ, услуг). Нераскрытая информация правообладателя, в том числе ноу-хау, может использоваться только при осуществлении предпринимательской деятельности на франчайзинговом объекте розничной торговли (общественного питания).

Несмотря на активное использование франчайзинга на территории стран всех континентов в качестве эффективного механизма управления правами на объекты интеллектуальной собственности с целью получения прибыли, прежде всего малыми и средними субъектами хозяйствования, на практике не выработана единая типовая форма рассматриваемого соглашения как двусторонней гражданско-правовой сделки. В юридической литературе авторами высказывается позиция о невозможности наличия типовых условий франчайзингового соглашения по причине его «разнотипности и разнородности» [4, с. 103].

Фактически каждый франчайзер имеет свой стандартный договор франчайзинга, адаптированный для определенной территории, исходя из специфики осуществляемой предпринимательской деятельности и требований национального законодательства страны, где договор будет исполняться франчайзи. Крупные франчайзинговые компании, известные во всем мире, в исключительных случаях могут вносить изменения в свои стандартные соглашения (формуляры) по запросам конкретных франчайзи. Фактически, договор франчайзинга, разработанный франчайзером и являющийся его коммерческой тайной, за разглашение которой предусмотрена ответственность, как правило, является для франчайзи договором присоединения (п. 1 ст. 398 ГК Республики Беларусь).

Потенциальные франчайзи, анализируя предложения по франшизам, доступные на рынке, сталкиваются с определенными трудностями при их выборе, особенно при прослеживающейся тенденции увеличения количества предложений франшиз недостаточно известных на рынке брендов за высокую стоимость (включая сумму минимальных инвестиционных вложений, паушальный взнос и процент роялти).

Преддоговорной этап отношений сторон договора франчайзинга в законодательстве Республики Беларусь специально не регламентирован. Фактически достоверную информацию о ликвидности предлагаемой франшизы, ее доходности, окупаемости и рентабельности франчайзи может получить только непосредственно у франчайзера. Вместе с тем договор франчайзинга является исключительно важным документом, влекущим юридические последствия для его сторон. На практике пользователь фактически самостоятельно оценивает потенциального франчайзера, как контрагента, его деловую репутацию, предлагаемую им франшизу и ее условия. Правовая природа договора франчайзинга обусловлена, прежде всего, связью предмета рассматриваемого соглашения с деловой репутацией правообладателя («goodwill»).

Существенные условия договора франчайзинга относятся к категории стандартных условий данной гражданско-правовой сделки. Они носят обязательный характер для пользователей, заранее сформулированы правообладателем и предназначены для многократного использования различными франчайзи. Именно по таким условиям стороны должны достигнуть соглашение для заключения договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга).

В Республике Беларусь к таким условиям относятся:

– предмет договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга), характеризующийся специфичностью и присущий только данному виду сделки, отличающий франчайзинг от иных видов обязательств в гражданском праве. Предметом договора франчайзинга согласно п. 1 ст. 910 действующей редакции ГК Республики Беларусь является лицензионный комплекс, включающий право использования фирменного наименования правообладателя, других объектов интеллектуальной собственности (средств индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и (или) услуг (за исключением коллективного знака – п. 2 ст. 1021 ГК Республики Беларусь), объектов авторского права и права промышленной собственности), предусмотренных договором, и нераскрытой информации;

- цель предоставления франчайзером для использования франчайзи лицензионного комплекса – предпринимательская деятельность;

- вознаграждение правообладателя (в соответствии с пп. 4.11 п. 4 Методических рекомендаций по оценке стоимости объектов интеллектуальной собственности, утвержденных приказом Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь 6 января 2011 г. № 3 вознаграждение может устанавливаться в форме роялти, паушальных платежей и в неденежной форме, а также в виде комбинации указанных форм вознаграждения).

Отношения сторон по договору франчайзинга (с учетом сроков) носят долгосрочный характер и такой договор может заключаться как на определенный срок, так и без указания срока. Договор франчайзинга должен быть заключен в письменной форме и зарегистрирован в Национальном центре интеллектуальной собственности в случае, если территория его действия распространяется на территорию Республики Беларусь [5].

Обычные условия договора комплексной предпринимательской лицензии предусмотрены договорным правом и действуют без специального соглашения сторон. Как правило, договор франчайзинга содержит условия о форс-мажорных обстоятельствах и порядке разрешения споров. Случайные условия, включаемые в договор по усмотрению сторон, представляют собой дополнительные обязательства пользователя и правообладателя.

Особое внимание в договоре франчайзинга стороны уделяют взаимным правам и обязанностям сторон, поскольку по правовой природе договор франчайзинга является двусторонним, возмездным и консенсуальным. Сегодня франчайзерами в Республике Беларусь могут быть только коммерческие организации (п. 3 ст. 910 ГК Республики Беларусь). Граждане, осуществляющие индивидуальную предпринимательскую деятельность, могут быть только франчайзи по договору франчайзинга, а также в соответствии со ст. 910-2 ГК стороной в договоре субфранчайзинга (как субфранчайзером, так и субфранчайзи).

Согласно ст. 910-3 ГК Республики Беларусь выделим 4 основные обязанности правообладателя по договору франчайзинга:

- передать франчайзи нераскрытую информацию (техническую, коммерческую или иную), которая требуется пользователю для осуществления предпринимательской деятельности (п. 1 ст. 910-3 ГК Республики Беларусь);

- проинструктировать пользователя и его работников по вопросам использования лицензионного комплекса, предоставляемого по договору (п. 1 ст. 910-3 ГК Республики Беларусь);

- оказывать франчайзи на постоянной основе техническое и консультативное содействие, в том числе содействие в обучении работников (п. 2 ст. 910-3 ГК Республики Беларусь);

- контролировать качество товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) пользователем в соответствии с договором (п. 2 ст. 910-3 ГК Республики Беларусь).

Для соблюдения требований ст. 910-4 ГК Республики Беларусь пользователь обязан:

- использовать лицензионный комплекс в пределах, определенных в договоре франчайзинга;

- обеспечить соответствие качества товаров (работ, услуг) качеству аналогичных товаров (работ, услуг) франчайзера, включая соблюдение инструкций и выполнение указаний правообладателя;

- соблюдать локальные акты франчайзера и выполнять его указания для обеспечения соответствия характера, условий и способов использования лицензионного комплекса его использованию правообладателем;

- соблюдать требования по оформлению франчайзинговой точки, включая самые детальные (абз. 4 ст. 910-4 ГК Республики Беларусь) [6];

- оказывать дополнительные услуги, аналогичные предоставляемым самим франчайзером;

- сохранять конфиденциальность нераскрытой информации, включенной в предмет договора франчайзинга (в том числе секреты производства франчайзера – его ноу-хау).

Основные обязанности правообладателя и пользователя, законодательно закрепленные соответственно в ст. 910-3 и ст. 910-4 ГК Республики Беларусь, направлены на достижение полной идентификации франчайзинговых объектов (точек) самого франчайзера и его франчайзи в лице потребителей товаров (работ, услуг). Вместе с тем пользователь согласно абз. 8 ст. 910-4 ГК Республики Беларусь обязан проинформировать своих покупателей (заказчиков) наиболее очевидным для них способом об использовании средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и (или) услуг на основании договора франчайзинга. Отметим, что данное требование в мировой практике заключения договоров франчайзинга встречается не часто. В Республике Беларусь представитель франчайзи в отношениях с потребителями (например, продавец, работающий по трудовому договору) даже при прямом ответе на вопрос о том, работает ли данная точка по договору франчайзинга, не всегда может на него ответить.

В качестве особенности национального франчайзинга применительно к требованиям законодательства Республики Беларусь отметим возможность выбора для франчайзи формата франчайзинговой точки (например, франшиза Kinza с учетом финансовых возможностей франчайзи в настоящее время предусматривает 4 формата (2 формата пекарни и 2 формата фудкорнера) [7].

Крайне важным в любом гражданско-правовом договоре, включая договор франчайзинга, являются условия об ответственности сторон. Особенности ответственности правообладателя установлены в ст. 910-6 ГК Республики Беларусь:

- по требованиям, предъявляемым к пользователю при несоответствии качества товаров (работ, услуг) франчайзи качеству аналогичных товаров (работ, услуг) франчайзера, последний несет субсидиарную (дополнительную) ответственность;

- по требованиям, предъявляемым к пользователю как изготовителю продукции (товаров) правообладателя, последний несет солидарную ответственность наряду с пользователем.

Таким образом, предметом договора комплексной предпринимательской лицензии является лицензионный комплекс, включающий право использования фирменного наименования, нераскрытой информации и других объектов интеллектуальной собственности. Законодательные требования, предъявляемые к договору комплексной предпринимательской лицензии в целом, а также к отдельным его условиям, в частности, позволяют франчайзерам непосредственно определять условия договора франчайзинга исходя из выбранной франчайзинговой структуры.

Список использованных источников

1. Бессарабова, В. В. Содержание договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) / В. В. Бессарабова // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2022. – № 2(94). – С. 39–45.
2. Какие конкурентные преимущества могут обеспечить бизнесу товарные знаки? Сколько времени занимает процедура регистрации товарного знака и в какую сумму она обходится субъекту хозяйствования?. – 2025. – URL: https://ncip.by/otvet-y-na-chastye-voprosy/kakie-konkurentnye-preimushchestva-mogut-obespechit-biznesu-tovarnye-znaki-skolko-vremeni-zanimaet-p/index.php?sphrase_id=133278 (дата обращения: 16.04.2025).

3. Регистрация лицензионных договоров. – 2025. – URL: <https://ncip.by/promyshlennaya-sobstvennost/kommercializaciya/dogovory-v-sfere-is/registratsiya-litsenzionnykh-dogovorov/> (дата обращения: 15.04.2025).
4. Сосна, С. А. Франчайзинг. Коммерческая концессия / С. А. Сосна, Е. Н. Васильева. – М. : ИКЦ «Академкнига», 2005. – 375 с.
5. Регистрация лицензионных договоров. – 2025. – URL: https://ncip.by/promyshlennaya-sobstvennost/kommercializaciya/dogovory-v-sfere-is/registratsiya-litsenzionnykh-dogovorov/?clear_cache=Y (дата обращения: 22.04.2025).
6. Караман, М. Интервью с Мороз В. / М. Караман // Индустрия красоты. – 2013. – № 3(3). – URL: <https://ik1.by/articles/34> (дата обращения: 20.04.2025).
7. Белфранчайзинг. Каталог франшиз. Kinza. – 2025. – URL: <https://belfranchising.by/katalog-franshiz/kinza/> (дата обращения: 21.04.2025).

СОЗДАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НАУКИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В.А. Богоненко

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
v.bogonenko@psu.by*

Аннотация. В статье рассматриваются отношения по созданию и использованию произведений науки в сети Интернет. Целью исследования является правовая характеристика данных отношений, а также установление основных закономерностей и тенденций, присущих деятельности по созданию и использованию произведений науки в сети Интернет.

Ключевые слова: авторское право, произведение науки, научная организация, учреждение образования, сеть Интернет, цифровая платформа.

Abstract. The article examines the relationship between the creation and use of scientific works on the Internet. The purpose of the study is to provide a legal description of these relations, as well as to establish the main patterns and trends inherent in the creation and use of scientific works on the Internet.

Keywords: copyright, work of science, scientific organization, educational institution, Internet, digital platform.

Произведение науки в законодательстве многих стран закрепляется в качестве объекта авторского права. Как правило, это законодательство об интеллектуальной собственности, а также законодательство о научной деятельности. Любое произведение науки создаётся в результате творческого труда и является результатом проведенных исследований в какой-либо области знаний. Произведения науки широко используются в цифровом образовательном пространстве, и в целом, в сети Интернет. Вместе с тем, обычной практикой является использование произведений науки, результатов научного творчества одновременно и в реальном секторе экономики, например, в сфере промышленного производства и в сети Интернет. В любом случае презюмируется, что такое использование осуществляется на законных началах и, как правило, на возмездной основе.

Говоря о произведениях науки как объекте интеллектуальной собственности, необходимо обратить внимание на правовую сущность и характерные признаки данного объекта в общей системе координат, позволяющие осуществить правовую идентификацию произведения науки среди иных объектов интеллектуальной собственности. На практике могут возникнуть

сложности с идентификацией и оценкой какого-либо объекта, претендующего считаться произведением науки. Здесь следует учитывать самые различные факторы, в том числе направление и область осуществляемых исследований [1, с. 23].

Особенности создания и использования произведений науки в цифровом образовательном пространстве и в целом в сети Интернет, делают необходимым обращать внимание на авторов произведений науки, их идентификацию. Определение правового статуса конкретного субъекта может иметь важное значение с точки зрения правовой оценки отношений, связанных с созданием и использованием объектов авторского права. Здесь следует учитывать, что возможны различные варианты. В одних случаях произведение науки создаётся в результате выполнения работником своих должностных обязанностей, например, в учреждении образования или в научной организации, а в других случаях, произведение науки может быть создано в результате самостоятельной, инициативной деятельности. Кроме того, обычной практикой является создание произведения науки совместным творческим трудом и тогда следует говорить о соавторстве. Чаще всего авторами или соавторами произведений науки являются преподаватели учреждений образования, научные сотрудники, в том числе выполняющие работу в созданных временных научных коллективах, специалисты, работники учреждений образования (отделы патентования и другие службы) и научных организаций, а также обучаемые в учреждениях образования. Следует отметить, что в последнее время распространяется практика создания произведений науки с использованием нейросетей или искусственного интеллекта. На сегодняшний день в большинстве стран, законодательство не предусматривает возможность идентификации нейросетей, компьютерных программ в качестве авторов или соавторов произведений науки. Вместе с тем, есть все основания предполагать, что автором произведения науки, созданного при помощи нейросетей следует считать физическое лицо, гражданина, который использовал нейросеть. Здесь, тем не менее, может возникнуть вопрос относительно качества конечного результата и идентификации его в качестве произведения науки.

Отдельного рассмотрения требует вопрос, касающийся самого понятия и признаков произведения науки. Во-первых, могут создаваться и создаются иные документы, которые не обладают признаками и качествами произведений науки и лишь внешне могут походить на таковые. Например, формы отчётности по научным темам с указанием этапов, сроков и полученных результатов, аннотации или обзоры научных трудов, документы, составляющие заявку на получение научных грантов и т.д. Во-вторых, это

могут быть с формальной точки зрения произведения науки, оформленные по требуемым реквизитам и формам имеющие содержательную часть, но не обладающие научностью.

В юридической литературе указывается ещё на один важный вопрос, тесно связанный с созданием и использованием произведений науки, а именно: подготовка документов, касающихся оформления прав государственных научных организаций на служебные произведения науки. В современной России подавляющее число научных исследований выполняется в специально учреждаемых Российской Федерацией и финансируемых за счет средств государственного бюджета и централизованных внебюджетных источников научных организациях, в числе которых государственные академии наук, государственные российские научные фонды, федеральные и национальные исследовательские центры и институты и др.

Научная деятельность таких организаций представлена созданием объектов авторских прав, в том числе научных произведений, в отношении которых государственные научные организации (ГНО) приобретают исключительные имущественные права, прежде всего, как работодатели. При этом как подтверждает анализ судебной практики, для отнесения произведения науки к служебному и обеспечения прав ГНО, а также Российской Федерации (в лице ГНО, министерств, ведомств и т.п.) на их дальнейшее правомерное использование, необходимо юридически грамотное документальное оформление соответствующих отношений внутри самой организации (между ГНО и ее работниками-авторами) [2, с. 162].

Таким образом, следует, что собственно научная документация, составляющая весь необходимый по научной теме пакет, должна дополняться как предварительно, так и в последующем документами иного характера, формально-юридическими, прежде всего направленными на закрепление прав, возникающих в результате проводимых научных исследований.

В контексте рассматриваемой темы важно понимать, что вовлечение произведений науки, как объектов авторского права в цифровое образовательное, научное пространство ни в коем случае не отменяет классические юридические конструкции и институты. В доктрине отмечается, что новая форма отношений требует новых подходов к их регулированию, но не подмены сущностного содержания отношений новой формой. Например, личные права, складывающиеся с использованием цифровых технологий, остаются в сути своей теми же личными правами (например, право на имя), учитываемыми в базах данных в качестве персональных данных [3, с. 496]. Развитие телекоммуникационных технологий привело к появлению элек-

тронной формы для некоторых традиционных вещей, например, произведений, которые могли быть оцифрованы или созданы в электронной форме. При этом следует отметить, что правовое регулирование отношений в сфере оборота объектов в электронной форме при всей проблематичности осуществлялось по аналогии. Однако цифровые объекты – это принципиально новые объекты, так как существуют в нематериальной форме и не нуждаются в материализации для вовлечения их в гражданский оборот, в отличие от других объектов, которые могут существовать в традиционной и цифровой форме, например, произведение, размещенное в сети «Интернет» и изданное на бумажном носителе [4, с. 249].

Говоря о произведениях науки, следует отметить, что по своей сущности и содержанию такие объекты авторского права могут создаваться и использоваться как в цифровой среде, например, как файлы, созданные в текстовом редакторе, так и в традиционной, бумажной форме. Однако, важно учитывать, что в условиях о грантах, конкурсах на получение денежных средств для проведения научных исследований могут содержаться и содержатся конкретные требования к оформлению конкурсных документов и форм промежуточной и итоговой отчетности. Например, в конкурсных условиях может содержаться требование о предоставлении отчетной документации как в бумажной, так и в электронной форме.

Особый интерес представляет вопрос, касающийся использования произведений науки в сети Интернет. Такое использование чаще всего возможно следующим образом: а) посредством обращения к контенту, размещённому на специальных образовательных цифровых платформах, например, Classroom, Moodle, ResearchGate, Academia.edu, eLIBRARY.RU, КиберЛенинка и др. Эти и подобные им цифровые платформы должны при помощи современных технических средств защиты обеспечить защиту прав авторов произведений науки. Использование произведений науки на подобных ресурсах не должно приводить к нарушению прав авторов произведений науки.

Простые методы для защиты от копирования текста на веб-сайте:

- замена текста на графическое изображение с использованием конвертеров для экспорта страницы документа в пронумерованную коллекцию графических файлов форматов: JPG, PNG, WEBP, SVG, GIF, BMP, EPS, HDR/EXR, ICO, SVG, TGA, TIFF, WBMP и др. С этой целью можно использовать, например, XnConvert, Format Factory, reaConverter, Online-convert.com;
- отключение функция сочетаний клавиш, например, Ctrl+C или Print-Screen, используя специальные возможности, такие как StickyKeys, FilterKeys и ToggleKeys.

- применение цифровой стеганографии («науке о незаметном и надежном скрывании одних битовых последовательностей в других, имеющих аналоговую природу»), включающей в себя:

- встраивание цифровых водяных знаков (watermarking). Водяные знаки можно применять в основном для защиты от копирования и несанкционированного использования материалов, представленных в цифровом виде;

Последнее время от незаконного копирования широкое применение нашла технология цифровой подписи. Цифровая подпись включает в себя идентификацию отправителя и/или получателя, дату, время, уникальный код и т.п. Для гарантии подлинности документа для передачи потребителю указанная информация может быть добавлена к цифровым продуктам и заверена Центром Сертификации с учетом времени регистрации цифрового произведения.

Можно также предложить самый старый механизм, используемый для обеспечения безопасности и конфиденциальности информации в сети – применение криптографии или шифрование информации. Зашифрованная информация подлежит расшифровке только законным владельцем. Однако, криптография защищает материалы только во время передачи или распространения, но после дешифровки материалов этот метод не обеспечивает никакой защиты.

Для альтернативного решения фиксации авторских прав можно использовать технологию блокчейна. Технология блокчейн на сегодня является востребованной и перспективной технологией и представляет собой мощный инструмент для защиты конфиденциальной информации и авторских прав. В настоящее время создать уникальный отпечаток файла (хеш), в котором содержится произведение, а также занести его в блокчейн позволяет целый ряд сервисов, например, Proof of Existence, Emernotar, Депонент и пр.

Существуют также технические способы защиты оцифрованных произведений, популярные за рубежом. Это специальные программные средства, которые применяются в информационно-коммуникационных сетях. Их называют системами управления цифровыми правами, и они позволяют:

- ограничить или запретить пользователям изменять, делиться, печатать приобретенный контент;

- запретить пользователям делать скриншоты контента;

- установить дату закрытия доступа к документу или ресурсу, после чего информация станет недоступной;

- ограничить доступ к контенту только определенным IP-адресам, устройствам, пользователям выбранного региона;

- размещать динамические водяные знаки на произведениях искусства и документах, чтобы юридически закрепить право собственности.

«Digital Rights Managemen» (DRM) или «цифровое управление правами» – технологии и системы для предотвращения несанкционированного использования защищенного авторским правом контента. Для примера можно выделить наиболее известные системы: Digify, PallyCon, Widewine, CapLinked, VdoChiper и пр.

Еще одним методом защиты авторских прав может стать «Trusted Platform Module» (TPM) или «доверенный платформенный модуль» – этот аппаратный инновационный компонент, установленный внутри компьютера, обеспечивает защиту от угроз, связанных с конфиденциальностью и целостностью информации [5, с. 129-130].

В последнее время широкое распространение получили автономные образовательные ресурсы, создаваемые учреждениями образования. Такие ресурсы создаются и администрируются специальными техническими службами, а контент этих ресурсов составляют учебные материалы и произведения науки, размещаемые преподавателями. Пользователями контента в большинстве случаев являются обучающиеся в учреждении образования. На таких ресурсах среди прочего размещаются лекции преподавателей, научные статьи, а также могут размещаться отчёты по научной работе и другие материалы. Автономные образовательные ресурсы могут и должны быть обеспечены современными техническими средствами защиты и таким образом обеспечить защиту прав авторов произведений науки и иных объектов авторского права.

Отдельного внимания требует практика использования произведений науки в системе научных библиотек.

Научным библиотекам известен опыт свободного использования объектов авторского права и смежных прав в образовательных, научных и информационных целях, в том числе оцифровка произведений из фонда библиотеки, размещение аннотаций научных работ и др. Цифровые технологии придали развитию визуальной информации новый импульс. Считается, что интернет поставил под вопрос существование библиотек. Проблема решается интеграцией цифровых технологий и библиотек. В этом случае интернет не только не «подавит» библиотеки, но станет их главным помощником. Уже сейчас электронные библиотеки (ЭБ) объединяются в единую систему, появилась возможность виртуально посетить серьёзную научную ЭБ, например, такую, как «Научное наследие России» [6, с. 50].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что создание и использование произведений науки в сети Интернет не меняет правовой сущности самого произведения науки, но отличается особенностями, связанными с использованием информационно-компьютерных технологий и в целом, явлениями цифровизации.

Список использованных источников

1. Богоненко, В. А. Производство науки как объект авторского права (прелиминарные положения) / В. А. Богоненко // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2025. – № 2(111). – С. 21-24.
2. Борисова, Л. В. Об отдельных условиях документального оформления прав государственных научных организаций на служебные произведения науки / Л. В. Борисова // Журнал прикладных исследований. – 2025. – № 6. – С. 161-165.
3. Цифровые отношения как предмет правового исследования / С. Банакас, В.Ф. Попондопуло, Д.А. Петров, Е.В. Силина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 492-509. – DOI: 10.21638/spbu14.2023.213.
4. Кириллова, Е. А. Институт цифровых прав в гражданском праве России / Е. А. Кириллова, Т. Э. Зульфугарзаде, С. Е. Метелёв // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 245-256. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).245-256.
5. Богоненко, В. А. Защита авторского права современными техническими средствами / В. А. Богоненко, И. Б. Бураченко, А. П. Мателенок // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 октября 2024 г. : в 3 ч. / под общ. ред. В. А. Рябоволова; редкол.: А. П. Заяц (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Строй-МедиаПроект. – 2024. – Ч. 1. – С. 121-133.
6. Электронная библиотека «Научное наследие России» как элемент Единого цифрового пространства научных знаний / Н. Е. Каленов, К. П. Погорелко, И. С. Соболевская, А. Н. Сотников // Научные и технические библиотеки. – 2025. – Т. 1, № 8. – С. 101-123. – DOI: 10.33186/1027-3689-2025-8-101-123.

НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ СМЕЖНЫХ ПРАВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

А.А. Богустов

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
bogustov_aa@grsu.by*

Аннотация. *актуальность статьи обусловлена изменениями в ГК Республики Беларусь, которые предоставляют возможность расширения круга объектов смежных прав и изменения их содержания. Рассматривается противоречие между признанием неимущественных прав юридических лиц и традиционным подходом, связывающим такие права с физическими лицами. На основе анализа международных актов, модельного законодательства и национальных практик постсоветских стран делается вывод о необходимости переосмысления доктрины смежных прав для устранения теоретических пробелов.*

Ключевые слова: *неимущественные права, смежные права, сравнительный анализ законодательства, интеллектуальная собственность, государства-участники СНГ, гармонизация права.*

Abstract. *The relevance of the article is conditioned by the amendments to the Civil Code of the Republic of Belarus, which provide an opportunity to expand the objects of neighbouring rights and change their content. The article considers the contradiction between the recognition of non-property rights of legal entities and the traditional approach linking such rights to natural persons. Based on the analysis of international acts, model legislation and national practices of post-Soviet countries, the conclusion is made that it is necessary to rethink the doctrine of neighbouring rights in order to eliminate theoretical gaps.*

Keywords: *non-property rights, neighbouring rights, comparative analysis of legislation, intellectual property, CIS member states, harmonisation of law.*

Вступившие в силу в ноябре 2024 г. изменения в ГК Республики Беларусь касаются и правового регулирования отношений, возникающих в сфере смежных прав. В действующей редакции ГК смежным правам посвящена ст. 995, в которой после перечисления в качестве объектов исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного и кабельного вещания содержится указание на то, что «законодательными актами могут быть предусмотрены иные объекты смежных прав». Использование такой формулировки открывает возможность расширения круга охраняемых объектов.

Подобный подход служит проявлением тенденции гармонизации законодательства об интеллектуальной собственности государств евразийского региона. Например, из п. 6 «Протокола об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности» (прил. 26 к Договору о ЕАЭС) следует, что к числу смежных прав относятся имущественные и личные неимущественные права на результаты исполнительской деятельности (исполнения), на фонограммы и иные права, установленные законодательством государств-членов. То есть, право ЕАЭС потенциально не ограничивает категорию смежных прав ставшими уже традиционными правами исполнителей, звукозаписывающих и вещающих организаций.

Еще более отчетливо эта тенденция проявляется в модельном законодательстве для государств – участников СНГ. Новая редакция Модельного кодекса интеллектуальной собственности (утв. 24.11.2024 г.) в ст. 39 содержащей открытый перечень объектов смежных прав дополнительно причисляет к ним базы данных. А из анализа ст. 40–42 этого акта следует, что к объектам смежных прав относятся и права публикатора.

Аналогичные изменения наблюдаются и в национальном законодательстве некоторых государств евразийского региона. Например, 1304 ГК РФ причисляет к кругу объектов смежных прав базы данных в части их охраны от несанкционированного извлечения и повторного использования, составляющих их содержание материалов и произведения науки, литературы и искусства, обнародованные после их перехода в общественное достояние в части охраны прав публикаторов таких произведений. А в законодательстве Армении (ст. 1139 ГК) к объектам смежных прав дополнительно относятся записи фильмов, содержание баз данных и издательские оформления.

Следует отметить, что расширение круга охраняемых объектов смежных прав не создает противоречий теоретического характера. Это объясняется тем, что категория смежных прав не имеет общепризнанного доктринального определения. Например, по мнению Д. Липчик понятие этого права «теоретически не обосновано, а его содержание остается неопределенным» [1, с. 302].

Возможное расширение круга охраняемых объектов смежных прав порождает ряд вопросов, требующих теоретического осмысления. К их числу, по нашему мнению, относится проблема определения личных неимущественных прав в системе смежных прав. Это обусловлено важностью этих прав для обеспечения интересов их субъектов. Например, справедливым представляется мнение Н. В. Бузовой, которая обращала внимание на

то, что моральные права «не только указывают на связь между исполнителем и созданным им результатом интеллектуальной деятельности (исполнением), но и позволяют пресечь действия третьих лиц, затрагивающие личные интересы исполнителя» [2, с. 30].

Одним из возможных путей решения указанной проблемы видится проведение сравнительно-правового анализа законодательства государств-участников СНГ. Это обусловлено тем, что становление национального законодательства об интеллектуальной собственности происходило в сходных социально-экономических условиях и сталкивалось с одинаковыми проблемами. Следовательно, опыт постсоветских государств в этой области может быть полезен в ходе развития национального законодательства Беларуси.

Обращение к международным актам о смежных правах позволяет определить исходные точки, послужившие основанием для формирования правового регулирования неимущественных прав в этой области на национальном уровне.

При этом в Римской конвенции по охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм, вещательных организаций 1961 г. являющейся основополагающим документом в этой области, моральные права не выделяются как самостоятельные.

В ст. 5 Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам 1996 г. закрепляются личные неимущественные права исполнителей, к которым относятся право требовать признания «в качестве исполнителя своих исполнений» и «возражать против всякого извращения, искажения или иного изменения своих исполнений, способного нанести ущерб его репутации».

Аналогичные положения содержатся и в ст. 5 Пекинского договора по аудиовизуальным исполнениям 2012 г., которая предусматривает для исполнителей аудиовизуальных произведений личные неимущественные права, схожие с закрепленными в Договоре ВОИС: право на имя и право на защиту исполнения от искажений, способных нанести ущерб репутации исполнителя.

Из региональных документов, действующих в евразийском регионе, следует упомянуть «Протокол об охране и защите прав интеллектуальной собственности» (Приложение № 26 к Договору о ЕАЭС) в п. 6 которого к смежным правам отнесено право исполнителя на имя.

Документом, расширяющим границы классического понимания неимущественных смежных прав, является Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств – участников СНГ.

В ст. 42 Модельного кодекса закрепляется существование личных неимущественных прав не только исполнителей, но и производителей фонограмм, вещательных организаций и публикаторов. В частности, признается, что производитель фонограммы вправе указывать свое имя (наименование) на каждом носителе записи либо на его упаковке рядом с именами авторов, исполнителей и названиями произведений и требовать упоминания либо сообщения его имени (наименования) в связи с каждым использованием фонограммы. Модельный кодекс также закрепляет, что вещательная организация может требовать упоминания своего наименования в связи с записью, воспроизведением, распространением своей программы (передачи) и публичным повторным сообщением своей программы (передачи) другой вещательной организацией. К личным неимущественным правам публикатора Модельный кодекс относит право на опубликование (размещение в открытом доступе) произведения и право на указание своего имени на экземплярах произведения.

Поскольку рекомендательные нормативные акты «рассматриваются в качестве своеобразных нормативно-ориентирующих стандартов для законодательных органов различных стран, в качестве неких «примерных» законов» [3, с. 190] закрепление Модельным кодексом интеллектуальной собственности расширенного перечня личных неимущественных прав выступает в качестве одного из возможных направлений развития национального права постсоветских стран.

Однако сравнительный анализ неимущественных (моральных) смежных прав в национальном законодательстве государств евразийского региона показывает, что признание возможности существования их расширенного перечня не находит пока широкого распространения.

В законодательстве всех постсоветских стран признаются права исполнителя на имя и защиту репутации. Они закрепляются в законах об авторском праве и смежных правах Азербайджана (ст. 33), Беларуси (ст. 25), Казахстана (ст. 37), Кыргызстана (ст. 37), Молдовы (ст. 41), Таджикистана (ст. 34), Туркменистана (ст. 30), Узбекистана (ст. 47), Украины (ст. 38) и ГК РФ (ст. 1315). А в законах об авторском праве и смежных правах Армении (ст. 44), Беларуси (ст. 25), Молдовы (ст. 41), Украины (ст. 38) и ГК РФ (ст. 1315), признается право авторства, т.е. право быть признанным в качестве исполнителя.

Широкая трактовка неимущественных прав в системе смежных прав, сходная с применяемым в Модельном кодексе интеллектуальной собственности подходом, используется сейчас законодательством России и Украины.

Например, в ст. 38 Закона Украины «Об авторском праве и смежных правах» закрепляется право на имя (наименование) производителей фонограмм, видеограмм и организаций вещания.

В свою очередь, ст. 1323 ГК РФ устанавливает, что изготовителю фонограммы принадлежат права на: указание на экземплярах фонограммы либо их упаковке своего имени или наименования, защиту фонограммы от искажения при ее использовании и обнародование фонограммы. Российское законодательство (ст. 1333 ГК) признает также наличие отдельных неимущественных прав у изготовителя баз данных, которому принадлежит право на указание на экземплярах базы данных либо их упаковках своего имени или наименования, а также право на обнародование базы данных. Кроме того, существование права на имя признается за публикатором (ст. 1338 ГК РФ).

Приведенные положения Модельного кодекса интеллектуальной собственности и законодательства России и Украины о смежных правах позволяют сделать вывод о тенденции расширения круга личных неимущественных прав. Однако это порождает необходимость решения теоретической проблемы, выходящей за рамки права интеллектуальной собственности. Она состоит в том, что изготовителями фонограмм (видеограмм) и баз данных, публикаторами могут быть не только физические лица, а организациями вещания по определению являются только юридические лица. При этом, если мы говорим о личных неимущественных правах традиционно признаваемых в области смежных прав, то к их числу относятся только права исполнителя. А их охрана «строится по той же схеме, что и соответствующее право автора» [1, с. 326]. При этом личные неимущественные права автора «защищают связь личности автора с его произведением» [1, с. 134]. Однако юридическое лицо не может иметь личной связи с фонограммой, трансляцией, базой данных и т.п. объектами.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Изменения законодательства Беларуси об интеллектуальной собственности отражают существующую в евразийском регионе тенденцию к расширению круга объектов смежных прав.

2. В модельном законодательстве СНГ и национальном праве государств евразийского региона (РФ, Украина) проявляется тенденция признания личных неимущественных прав за производителями фонограмм, вещательными организациями и публикаторами. Однако это порождает теоретическую проблему, так как традиционно моральные права связываются с физическими лицами, а не с юридическими.

3. Отсутствие общепризнанного доктринального определения смежных прав и противоречия в классификации немущественных прав (особенно для юридических лиц) требуют решения вопроса о нахождении баланса между расширением сферы правового регулирования с традиционными принципами права интеллектуальной собственности, признающими неразрывную связь немущественных прав с творческой личностью.

Список использованных источников

1. Липчик, Д. Авторское право и смежные права / Д. Липчик. – М. : Ладомир; ЮНЕСКО, 2002. – 788 с.
2. Бузова, Н. В. Личные немущественные права исполнителя в современных условиях / Н. В. Бузова // Lex russica. – 2022. – Т. 75, № 5. – С. 30–44.
3. Марченко, М. Н. Сравнительное правоведение. Общая часть / М. Н. Марченко. – М. : Зерцало, 2001. – 560 с.

ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Д.С. Будняк

студентка 4 курса юридического факультета,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
d.s.budnyak.students@psu.by

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема правового статуса виртуальных образов в условиях стремительного развития цифровых технологий. Исследование содержит ключевые аспекты, такие как правовая природа виртуального образа, проблемы коллизий с существующими правами, защита персональных данных, права на изображение и коммерческое использование. Виртуальные образы, включая цифровые изображения, голоса, анимированные персонажи и аватары, становятся неотъемлемой частью коммерческой деятельности, развлечений, образования и межличностного общения. Однако отсутствие четкого правового регулирования в Республике Беларусь создает неопределенность в правоприменительной практике и затрудняет защиту прав владельцев виртуальных образов.

Ключевые слова: виртуальный образ, цифровые технологии, интеллектуальная собственность, право на изображение, голограммы, цифровые аватары.

Abstract. The article examines the current problem of the legal status of virtual images in the context of the rapid development of digital technologies. The study contains key aspects such as the legal nature of a virtual image, problems of conflicts with existing rights, protection of personal data, rights to an image and commercial use. Virtual images, including digital images, voices, animated characters, and avatars, are becoming an integral part of commerce, entertainment, education, and interpersonal communication. However, the lack of clear legal regulation in the Republic of Belarus creates uncertainty in law enforcement practice and complicates the protection of the rights of owners of virtual images.

Keywords: virtual image, digital technologies, intellectual property, image rights, holograms, digital avatars.

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и повсеместным распространением виртуальных образов в различных сферах общественной жизни. Виртуальные образы, включающие в себя цифровые изображения лиц, голоса, анимированных персонажей, аватаров и иные цифровые представления, все чаще используются в коммерческой деятельности, сфере развлечений, образовании, а также в межличностном общении. В связи с этим возникает необходимость в определении правового режима виртуальных образов и разработке эффективных механизмов их правовой охраны.

Проблема научного исследования темы «Виртуальный образ как объект правовой охраны в Республике Беларусь» включает несколько ключевых аспектов:

- определение правовой природы виртуального образа – виртуальный образ может включать аватары, персонажей, цифровые копии реальных людей и другие цифровые визуальные формы. Вопрос заключается в том, является ли он объектом авторского права, смежных прав, товарным знаком или другим видом интеллектуальной собственности.

- отсутствие четкого регулирования – в белорусском законодательстве нет специального нормативного акта, регулирующего защиту виртуального образа. Это создает неопределенность в правоприменительной практике и затрудняет защиту прав владельцев таких образов.

- коллизии с существующими правами – виртуальные образы могут содержать элементы, уже защищенные авторским правом, товарными знаками или патентами, что приводит к правовым конфликтам между владельцами различных объектов интеллектуальной собственности.

- защита персональных данных и права на изображение – если виртуальный образ является цифровой репрезентацией реального человека, возникает вопрос о защите персональных данных и прав личности. Можно ли использовать образ без согласия владельца и какие механизмы существуют для предотвращения злоупотреблений?

- коммерческое использование и лицензирование – правовые вопросы лицензирования и коммерческого использования виртуального образа требуют тщательного изучения. Особенно актуальны проблемы правовой ответственности за неправомерное использование виртуального образа в рекламе, играх и социальных сетях.

Исходя из анализа доктринальных источников можно вывести следующее определение понятия «виртуальный образ» – это цифровое представление человека, объекта или концепции, существующее в виртуальном пространстве, созданное с использованием компьютерной графики, цифровых фотографий, видео, аудио и других цифровых технологий».

Виртуальный образ может быть как точным воспроизведением реального объекта или человека, так и совершенно новым, уникальным творением. В случае точного воспроизведения виртуальный образ стремится максимально точно скопировать существующий реальный объект или человека. Это может быть 3D-модель здания, цифровое изображение лица, виртуальный двойник человека или голограмма.

Голограммы, представляющие собой трехмерные проекции объектов или людей, становятся все более распространенными, что влечет за собой необходимость правового осмысления и регулирования возникающих в связи с их использованием общественных отношений. Использование голограмм охватывает широкий спектр областей, от развлечений до науки и медицины. Часто голограммы используют в фильмах для «воскрешения» умерших актеров. В фильме «Изгой-один. Звёздные войны: Истории» (2016) была воссоздана голографическая версия гранд-моффа Таркина, персонажа, которого играл актёр Питер Кушинг, который умер в 1994 году [1].

Практика использования голографических технологий также находит применение в концертной деятельности, где создаются виртуальные представления умерших или ныне живущих артистов, позволяющие расширить аудиторию и предложить зрителям уникальный опыт взаимодействия с искусством. Одним из самых известных и часто упоминаемых реальных примеров использования голограммы на концерте является голограмма Тупака Шакура на фестивале Coachella в 2012 году. Во время выступления Dr. Dre и Snoop Dogg на фестивале Coachella Valley Music and Arts Festival внезапно появился виртуальный Тупак Шакур и исполнил несколько песен, включая «Hail Mary» и «Gangsta Party». Компания Digital Domain Media Group (DDMG) создала виртуального Тупака, используя CGI и архивные материалы. Впоследствии возникли вопросы о правах на использование изображения Тупака и его музыки, однако компания DDMG получила разрешение от наследников Тупака на создание и использование его виртуального образа [2].

Также виртуальный образ может существовать в качестве уникального творения. В этом случае виртуальный образ является оригинальным и не имеет аналогов в реальном мире. Это может быть вымышленный персонаж, фантастический объект, или абстрактная визуализация данных. Это может быть представлено в создании полностью цифровой модели, которая не является точной копией какого-либо существующего человека, для рекламы одежды, косметики или других товаров. Примером может служить Lil Miquela, виртуальный инфлюенсер, созданный компанией Brud.

Так, если в первом случае важно получить разрешение на использование изображения человека (право на изображение), если речь идет о создании его виртуального двойника, а если воспроизводится объект, охраняемый авторским правом (например, скульптура), необходимо получить лицензию от правообладателя. При создании уникального творения нас интересуют

авторские права на дизайн персонажа, уникальный стиль и другие оригинальные элементы, которые принадлежат автору (создателю). Важно избегать плагиата и нарушения прав других авторов.

Распространение и использование виртуальных образов порождает широкий спектр правовых вопросов, связанных с охраной интеллектуальной собственности, защитой личных неимущественных прав, предотвращением недобросовестной конкуренции и обеспечением конфиденциальности данных.

Кроме того, использование виртуального образа может затрагивать право на охрану чести, достоинства и деловой репутации, если распространяемые сведения порочат личность или деловые качества лица. В таком случае, лицо, чьи права нарушены, вправе требовать опровержения порочащих сведений и возмещения причиненных убытков.

Так, в апреле 2020 года Селена Гомес подала иск против разработчика мобильной игры *Clothes Forever – Styling Game*, где пользователи могли почувствовать себя стилистами. Причиной иска стало использование изображений знаменитостей, включая саму Гомес, как в игровом процессе, так и в рекламе приложения. Певица потребовала от разработчиков компенсацию в размере 10 миллионов долларов [3].

В силу отсутствия единого международного стандарта, подходы к регулированию виртуальных образов существенно различаются в зависимости от юрисдикции. Во многих странах нормы, регулирующие использование изображения гражданина, четко прописаны в гражданском кодексе или других актах гражданского законодательства. Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации содержится отдельная статья 152.1, посвященная охране изображения гражданина. Данная статья предусматривает, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина. После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей. А также предусмотрены случаи, когда такое согласие не требуется: 1) использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах; 2) изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях,

спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования; 3) гражданин позировал за плату [5].

В большинстве стран основным инструментом защиты виртуальных образов выступает авторское право. Оригинальные элементы виртуальных образов, такие как дизайн персонажей, 3D-модели, анимация, сценарии и другие творческие произведения, могут охраняться авторским правом как произведения искусства, дизайна или аудиовизуальные произведения. Это позволяет авторам и правообладателям контролировать использование, воспроизведение, распространение и переработку их творений в виртуальном пространстве.

В дополнение к авторскому праву, виртуальные образы могут быть защищены правом на товарный знак, если они используются для продвижения товаров или услуг. Регистрация виртуального образа в качестве товарного знака предотвращает его несанкционированное использование в коммерческих целях и защищает репутацию бренда.

Законы о защите данных и конфиденциальности также играют важную роль в регулировании виртуальных образов. Сбор, хранение и использование личных данных, таких как биометрические данные и сканы лица, для создания и идентификации виртуальных образов должны осуществляться в соответствии с требованиями законодательства о защите данных.

В некоторых странах, таких как США, существует право на публичность, которое позволяет знаменитостям контролировать использование их имени, изображения и подобию в коммерческих целях. Это право может быть применено и к виртуальным образам, если они тесно связаны с узнаваемой личностью.

Так, в США в основном полагаются на существующие законы об авторском праве от 1976 года, товарных знаках от 2003 года и праве на публичность. Суды часто применяют эти законы к новым технологиям и виртуальным объектам. Европейский Союз руководствуется Директивами ЕС об авторском праве (Директива ЕС об авторском праве 2019 год), товарных знаках (Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2015/2436 от 16 декабря 2015 г. о сближении права государств-членов ЕС в отношении товарных знаков) и защите персональных данных. Более сильный акцент на защите данных и конфиденциальности по сравнению с США. А в Японии сильная защита авторских прав на виртуальных персонажей, которые часто являются ключевыми элементами японской поп-

культуры. Также есть законы о защите чести и достоинства в онлайн-среде. Также в Японии использование изображения, голоса или имени человека требует его согласия. Однако, существует исключение для публичных фигур, таких как музыканты и артисты, поскольку их публичная деятельность подразумевает негласное согласие на использование их образов. Фактически, считается, что они выдали своего рода «лицензию» на использование их образов в связи с их известностью.

В Республике Беларусь, несмотря на активное внедрение цифровых технологий, отсутствует специализированное законодательство, регулирующее правоотношения, связанные с созданием, использованием и защитой виртуальных образов. Но следует отметить, что ранее в Гражданском кодексе БССР от 1964 года статья 509 «Охрана интересов гражданина, изображенного в произведении изобразительного искусства» регулировала использование изображений людей [6]. Согласно этой статье, опубликование, воспроизведение и распространение произведения изобразительного искусства, содержащего изображение другого лица, требовало его согласия, а после его смерти – согласия супруга и детей. Исключением являлись случаи, когда это делалось в государственных или общественных интересах, либо, когда изображенное лицо позировало за вознаграждение. На данный момент в современном Гражданском кодексе Республики Беларусь отсутствует похожая норма, в связи с этим возникает вопрос о возможности применения существующих норм гражданского, авторского и смежного права для защиты прав и законных интересов субъектов, связанных с виртуальными образами.

Так, согласно пункту 9 статьи 10 Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» не допускается использование образов граждан Республики Беларусь в рекламе без их согласия или согласия их законных представителей, если иное не предусмотрено данным Законом или Президентом Республики Беларусь.

Помимо Закона о рекламе требования о необходимости получения согласия на распространение изображения гражданина в средствах массовой информации содержатся также в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ).

В частности, подпунктом 4.7 пункта 4 статьи 34 Закона о СМИ на журналиста возложена обязанность получать согласие физических лиц на проведение аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемок, за исключением их проведения в местах, открытых для массового посещения, на массовых мероприятиях, а также случая, предусмотренного статьей 40 Закона [7].

Статьей 40 Закона о СМИ устанавливаются правила распространения в средствах массовой информации информационных сообщений и материалов, подготовленных с использованием аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки физического лица.

Помимо прочего, изображение гражданина, будучи одновременно персональными данными и информацией о его частной жизни, подпадает под действие законодательства, регулирующего порядок обработки персональных данных. Это означает, что использование и распространение изображения гражданина должно осуществляться с соблюдением требований, установленных для защиты персональной информации. Так, на сегодняшний день данные нормы закреплены в Законе Республики Беларусь от 7 мая 2021 № 99-З «О защите персональных данных». Согласно ст. 1 данного Закона персональные данные – это любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано.

Кроме того, отдельные вопросы, касающиеся также обращения с персональными данными и их защиты, и отдельные нормы, касающиеся оборота информации, в данном случае личной, закреплены в Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации». Так, в ст. 17 Закона «Об информации, информатизации и защите информации» персональные данные, а также информация о частной жизни физического лица отнесены к категории информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, а в ст. 18 закреплён правовой режим такой информации [8].

Однако, существующие правовые механизмы не всегда позволяют эффективно защитить права на виртуальные образы. Отсутствие специализированного законодательства, сложность идентификации правонарушителей в виртуальном пространстве, трансграничный характер нарушений и трудности доказывания – все это создает серьезные препятствия для защиты прав.

Список использованных источников

1. Как «Изгой-один» вернул нам старых знакомых. – URL: <https://www.centax.ru/publications/1095-how-rogue-one-brought-back-familiar-faces> (дата обращения: 21.04.2024).
2. Голографический Тупак Шакур выступил на фестивале Coachella. – URL: <https://tech.onliner.by/2012/04/17/tupac-shakur> (дата обращения: 21.04.2024).
3. Селена Гомес подала в суд на авторов приложения за сходство героини с ней. – URL: <https://ria.ru/20200416/1570104470.html> (дата обращения: 21.04.2024).

4. Изображение гражданина в сети Интернет: объект правовой охраны или общедоступная информация? // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 21.04.2025).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации : 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 октября 1994 г. : в ред. Федер. закона от ред. от 13 декабря 2024 г. № 459-ФЗ: с изм. и доп. вступ. в силу с от 13 января 2025 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025).
6. Об утверждении Гражданского кодекса Белорусской ССР : Закон Белорус. ССР, 11 июня 1964 г. // Собр. законов, указов Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорус. ССР. – 1964. – № 17. – Ст. 183.
7. О средствах массовой информации : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З : в ред. от 30 июня 2023 г. № 274-З : с изм. и доп. от 06.07.2023 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 25.04.2025).
8. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З : в ред. от 10 октября 2022 г. № 209-З: с изм. и доп. от 12.10.2022 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 25.04.2025).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРАВОВЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В.А. Давыдова

*студентка 2 курса финансово-экономического факультета,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
v.a.davydova@students.psu.by*

Д.А. Ткаченко

*студент 2 курса финансово-экономического факультета,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
d.a.tkachenko@students.psu.by*

Э.Н. Воронько

*старший преподаватель кафедры экономики,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
e.voronko@psu.by*

Аннотация. В статье рассматривается, как защита интеллектуальной собственности в электронной коммерции Беларуси приобретает всё большее значение на фоне цифровизации. Рост интернет-торговли сопровождается увеличением числа нарушений прав ИС, особенно товарных знаков и ПО. В ответ государство усиливает законодательство, внедряет цифровые технологии защиты и развивает международное сотрудничество. Это помогает укрепить правовую безопасность и конкурентоспособность бизнеса.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, цифровизация, интернет-торговля, киберпреступность, международное сотрудничество, товарный знак, авторское право.

Annotation. The article discusses how the protection of intellectual property in e-commerce in Belarus is becoming increasingly important against the background of digitalization. The growth of online commerce is accompanied by an increase in the number of IP rights violations, especially of trademarks and software. In response, the state is strengthening legislation, introducing digital protection technologies and developing international cooperation. This helps to strengthen legal security and business competitiveness.

Keywords: intellectual property, digitalization, online commerce, cybercrime, international cooperation, trademark, copyright.

Понятие «интеллектуальная собственность» (далее ИС) впервые было закреплено в международных правовых документах в 1967 году – в Сток-

гольмской конвенции, положившей начало деятельности Всемирной организации интеллектуальной собственности [1, с. 13].

Современная экономика Республики Беларусь активно интегрируется в глобальную цифровую среду, где значительное место занимает электронная коммерция. По данным Белстата, объём интернет-торговли в Беларуси в 2022 году составил около 3,8 миллиардов белорусских рублей, что примерно 6% от общего розничного товарооборота страны на тот момент. К 2023 году данный показатель вырос до 8,1% (объём интернет-торговли в Беларуси составил 5,8 млрд рублей, что на 2 процентных пункта больше, чем в 2022 году). За первый квартал 2024 года объём интернет-продаж уже превысил 800 млн бел.руб., что свидетельствует о продолжающемся росте сектора [2]. Это увеличение связано как с ростом числа онлайн-платформ и магазинов, так и с развитием электронных платежных систем и логистических решений для онлайн-торговли. В связи с этим, защита интеллектуальной собственности в интернете становится неотъемлемой частью правового регулирования в сфере цифровой экономики. Интеллектуальная собственность, включая товарные знаки, авторские права и патенты, играют ключевую роль в защите интересов бизнеса, ведь онлайн-платформы становятся основной ареной для конкуренции.

В последние годы в Республике Беларусь усиливается внимание к вопросам правовой охраны интеллектуальной собственности, особенно в условиях активного развития электронной коммерции. По данным Национального центра интеллектуальной собственности, только в 2023 году в стране было зарегистрировано 2 262 товарных знаков и 154 объекта авторского права, включая программное обеспечение и цифровой контент. Это свидетельствует о повышенном интересе со стороны бизнеса к защите своих нематериальных активов, поскольку по сравнению с 2022 годом количество регистраций увеличилось на 3,8% и 13,8% соответственно. Такой рост объясняется не только расширением цифровых платформ и онлайн-услуг, но и улучшением правовой осведомлённости предпринимателей, а также стремлением обеспечить конкурентные преимущества на рынке. Аналитики прогнозируют, что данная тенденция сохранится, и до конца 2025 года ежегодный прирост числа регистраций будет составлять около 5-7%, чему способствует цифровизация бизнес-процессов и государственная поддержка инновационной деятельности [3].

В таблице 1 представлена динамика показателей интернет-торговли и регистрации товарных знаков.

Таблица 1. – Динамика показателей интернет-торговли и регистрации товарных знаков в Республике Беларусь

Год	Объём интернет-торговли (млрд. бел.руб.)	Количество зарегистрированных товарных знаков
2020	2,3	
2021	2,5	3 120
2022	3,8	2 552
2023	5,8	2 262
2024		2419

Источник: составлена автором на основе источников [2], [3].

С развитием электронной коммерции защита прав владельцев интеллектуальной собственности (ИС) в интернете становится всё более значимой. Нарушения авторских прав, незаконное использование товарных знаков и распространение контрафактного программного обеспечения остаются распространёнными явлениями в цифровом пространстве. По данным Верховного Суда Республики Беларусь, в 2023 году было рассмотрено 148 дел, связанных с интеллектуальной собственностью, из которых 119 касались авторского права и смежных прав, а 29 – промышленной собственности, включая товарные знаки и патенты [5]. Эти показатели свидетельствуют о сохраняющейся актуальности проблем в сфере ИС. Особую обеспокоенность вызывает киберсквоттинг – практика регистрации доменных имён, имитирующих известные бренды, с целью последующей перепродажи или недобросовестного перенаправления интернет-трафика. Хотя официальная статистика по числу таких правонарушений в Беларуси за 2023–2024 годы отсутствует, проблема активно поднимается экспертами в сфере интеллектуальной собственности. Согласно общим данным по странам ЕАЭС, в 2023 году было зафиксировано 4667 нарушений прав на объекты ИС, значительная часть которых связана с интернет-пространством, включая злоупотребления доменными именами. Подобные действия создают репутационные риски для брендов и мешают развитию электронной торговли, особенно для представителей малого и среднего бизнеса, не обладающих ресурсами для системной правовой защиты в сети [7].

Динамика преступности в области интеллектуальной собственности представлена в таблице 2.

Таблица 2. – Динамика преступности в сфере интеллектуальной собственности в Республике Беларусь

Год	Общее количество киберпреступлений	Основные виды правонарушений	Изменение по сравнению с предыдущим годом
2020	25 575	Мошенничество, фишинг, киберсквоттинг, распространение контрафактного ПО	
2021	15 503	Мошенничество, фишинг, незаконное использование товарных знаков	–39%
2022	13 541	Мошенничество, фишинг, киберсквоттинг	–13%
2023	13 130	Мошенничество, фишинг, киберсквоттинг, незаконное использование ИС	–3%

Источник: составлено автором на основе источника [6].

Как видно из таблицы 2, количество преступлений в сфере ИС в Беларуси стабильно снижается, что свидетельствует об эффективных методах защиты цифрового бизнеса.

Важным аспектом борьбы с правонарушениями является совершенствование законодательства и внедрение современных инструментов мониторинга. В последние годы в Беларуси были приняты ряд важных законодательных инициатив, направленных на укрепление правовой основы для защиты ИС, что также способствует улучшению бизнес-климата. Так, с 2011 года действует Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», который предусматривает более строгие меры по борьбе с нарушением прав на товарные знаки и авторские права в интернете. Этот закон усиливает ответственность за размещение контрафактных товаров на онлайн-платформах и создаёт правовую основу для более оперативного реагирования в случае нарушения прав интеллектуальной собственности [8]. В 2023 году на его основе было возбуждено 48 административных производств против онлайн-продавцов, распространявших нелегальную продукцию, что на 60% больше, чем в 2022 году. Ожидается, что подобные меры и в дальнейшем будут способствовать сокращению числа правонарушений [5].

Не менее важным шагом является развитие и внедрение современных информационных технологий, обеспечивающих высокую степень защиты ИС в интернете. В 2023 году в Беларуси было зарегистрировано 42 новых

проекта по внедрению цифровых механизмов защиты интеллектуальной собственности, включая автоматические системы мониторинга платформ электронной торговли, обновлённые DRM-сервисы и блокчейн-сертификаты подлинности. В 2023 году около 32% белорусских компаний, работающих в сфере электронной коммерции, внедрили элементы блокчейн-решений для фиксации прав собственности на цифровые объекты. Это на 7% больше по сравнению с 2022 годом [4].

Криптографические технологии продолжают занимать лидирующие позиции среди средств защиты ИС. В 2023 году уже 38% компаний использовали криптографические протоколы, включая шифрование данных, многофакторную аутентификацию и цифровые подписи, для защиты своих продуктов и клиентских данных. Рост популярности объясняется увеличением количества кибератак: по данным CERT.BY, в 2023 году зафиксировано более 8 тысяч инцидентов, связанных с утечкой конфиденциальной информации – на 18% больше, чем в 2022 году. Особое внимание уделяется цифровым правовым маркерам (DRM). В 2023 году они использовались уже 27% белорусских компаний в сфере мультимедиа, электронного обучения и SaaS. Такие маркеры позволяют контролировать доступ к контенту, предотвращать несанкционированное копирование и защищать программные продукты. Государство оказывает поддержку внедрению этих технологий через субсидии в рамках государственной программы о цифровом развитии.

Необходимо подчеркнуть важность международного сотрудничества, которое обеспечивает эффективную трансграничную охрану ИС. Беларусь активно участвует в международных соглашениях и инициативах, направленных на укрепление правовой и технологической защиты ИС. Беларусь является членом Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) с 26 апреля 1970 года и участвует в 19 многосторонних международных конвенциях в области ИС, действующих под эгидой ВОИС. Среди ключевых соглашений [9]:

1. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS).
2. Парижская конвенция по охране промышленной собственности, Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений.
3. Договор о патентной кооперации (РСТ).
4. Мадридская система международной регистрации товарных знаков.
5. Гаагская система международной регистрации промышленных образцов.

В 2021 году Беларусь присоединилась к Женевскому акту Гаагского соглашения, что позволило белорусским заявителям подавать международные заявки на промышленные образцы напрямую в ВОИС. Максимальный срок охраны промышленного образца в Беларуси составляет 15 лет [10].

Также Беларусь является активным участником Евразийской патентной организации с 1995 года. В 2023 году наблюдался рост евразийских патентов на изобретения на 28% и промышленных образцов на 33% в Беларуси. Национальный центр интеллектуальной собственности (НЦИС) Беларуси активно сотрудничает с ЕАПО в рамках различных инициатив, включая создание единого евразийского реестра и участие в пилотных проектах по стандартизации передачи данных о патентах на фармацевтические изобретения [11].

С 2016 года в Беларуси при поддержке ВОИС развивается сеть Центров поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ), предоставляющих доступ к патентной информации, обучению и коммерциализации инноваций. В 2024 году представители Беларуси приняли участие в региональной встрече по развитию сети ЦПТИ в Центральной Азии, где обсуждались перспективы расширения регионального сотрудничества и интеграции деятельности ЦПТИ с технопарками [12].

Таким образом, в условиях цифровизации экономики защита интеллектуальной собственности становится ключевым фактором успешного развития электронной коммерции в Беларуси. Совершенствование законодательства, внедрение современных технологий и повышение правовой грамотности участников рынка позволяют эффективно противодействовать нарушениям и укреплять доверие потребителей. Комплексный подход к охране ИС обеспечивает конкурентоспособность белорусского бизнеса на внутреннем и международном уровне.

Список использованных источников

1. Основы управления интеллектуальной собственностью : электронный учебно-методический комплекс / авт. сост.: Л. И. Дроздович, Т. В. Сергиевич, Ю. В. Мелешко, Е. И. Бахматова. – 2019. – 295 с. – URL: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/63830/Osnovy_upravleniya_intellektualnoj_sobstvennostyu.pdf?sequence=1&isAllowed=y&ysclid=m98ivzsbx1950421069 (дата обращения: 23.04.2025).
2. Объём интернет-торговли в Республике Беларусь в 2023–2024 гг. // Белстат : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 23.04.2025).
3. Годовые отчеты Национального центра интеллектуальной собственности // НЦИС : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: <https://ncip.by/izdaniya-i-publikatsii/godovoy-otchet/?ysclid=ma42y0dnop243053023> (дата обращения: 23.04.2025).

4. Итоги деятельности НЦИС за 2023 год // НЦИС : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: <https://ncip.by> (дата обращения: 23.04.2025).
5. О результатах работы судебной коллегии по делам ИС Верховного Суда РБ за 2023 год // Верховный Суд РБ : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://www.court.gov.by/ru/justice/press_office/798f1ff920ca4e72.html (дата обращения: 23.04.2025).
6. Беларусь в цифрах. Статистический справочник 2024 // Белстат : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://www.court.gov.by/ru/justice/press_office/798f1ff920ca4e72.html (дата обращения: 25.04.2025).
7. В ВОИС представлен комплексный обзор нарушений прав ИС в ЕАЭС // ЕЭК : [сайт]. – URL: https://eec.eaeunion.org/be/news/v-vois-predstavlen-kompleksnyy-obzor-narusheniy-prav-intellektualnoy-sobstvennosti-v-eaes/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.04.2025).
8. Закон об авторском праве и смежных правах // Министерство юстиции РБ : [сайт]. – URL: <https://minjust.gov.by/> (дата обращения: 25.04.2025).
9. Информация по странам: Беларусь – URL: https://www.wipo.int/directory/ru/detail.s.jsp?country_code=BY (дата обращения: 26.04.2025).
10. Беларусь присоединилась к Женевскому акту о правовой охране промышленных образцов // ГКНТ : [сайт]. – 2021. – URL: https://www.gknt.gov.by/news/2021/dlya_belorusov_poyavitsya_novaya_vozmozhnost_okhrany_svoikh_dizaynerskikh_resheniy_zarubezhom/ (дата обращения: 26.04.2025).
11. Евразийская патентная организация // НЦИС : [сайт]. – 2024. – URL: <https://ncip.by/o-centre/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/evraziyskaya-patentnaya-organizatsiya/?ysclid=ma3rdvz7vu936295146> (дата обращения: 27.04.2025).
12. Центры поддержки технологий и инноваций // ЦПТИ : [сайт]. – URL: <https://ecpti.ru> (дата обращения: 28.04.2025).

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ГОЛОСА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА⁵

А.А. Дыев

*студент 3 курса юридического факультета,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
a.a.dyev@students.psu.by*

Аннотация. *Автором рассматривается голос в качестве объекта права в гражданско-правовом контексте. Предлагается авторское понятие голоса как объекта права. Проводится анализ юридической практики по вопросам правовой охраны голоса при его генерации искусственным интеллектом. Основной акцент сделан на правовую защиту голоса при создании объектов интеллектуальной собственности с помощью искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *голос, право, нематериальное благо, создание объектов интеллектуальной собственности, искусственный интеллект.*

Annotation. *In this article, the author considers voice as an object of civil law. The author proposes his own concept of voice as an object of law. Also author carries out the analysis of legal practice on the legal protection of voice when it is generated by artificial intelligence. The author pays attention to the use of voice for Intellectual property objects created using artificial intelligence.*

Keywords: *voice, law, intangible benefit, creation of intellectual property objects, artificial intelligence.*

Голос в физиологическом смысле представляет собой тоны, издаваемые живыми организмами при прохождении струи воздуха через гортань [1, с. 106]. Процесс образования голоса обеспечивается голосовым аппаратом человека, который состоит из гортани, диафрагмы, легких, бронхов, трахеи, верхнего и нижнего резонаторов, губ, зубов, языка, твердого и мягкого нёба [2, с. 188–189]. Уникальность человеческого голоса обусловлена анатомическими особенностями организма, например, такими как размер, форма горла и рта, строение голосовых связок, а также приобретенными привычками человека (громкость, манера, скорость речи) [3, с. 528].

Вопрос о признании голоса объектом права и наделения его соответствующим охранным статусом встаёт особенно остро в условиях развития искусственного интеллекта (далее – ИИ). С помощью ИИ создаются объекты

⁵ Статья подготовлена в рамках реализации гранта БРФФИ Г25ИИ М-025 Конституционные права и свободы личности в условиях использования технологий искусственного интеллекта: способы реализации и защиты.

интеллектуальной собственности, для озвучивания которых не требуется задействование истинного обладателя голоса, поскольку технические возможности ИИ позволяют полноценно воспроизводить уникальный звуковой тон голоса человека. В такой ситуации возникает риск использования голоса человека без его воли как для получения выгоды, так и в преступных целях. По данной проблематике в научных работах приводили свои позиции многие правоведы. Широко представлены источники в некотором отношении родственной белорусской юридической науке российской правовой доктрины. А. Г. Матвеев и Е. Ю. Мартянова в 2023 году отметили о частном и публичном характере проблемы, предложили вариант её решения посредством законодательного закрепления голоса в качестве нематериального блага, с указанием на то, что использовать голос человека в объектах интеллектуальной собственности правомерно при получении согласия гражданина на использование его голоса; наряду с этим было предложено запретить имитацию голоса, а также запретить использование голоса человека в качестве биометрических персональных данных в случае, если на его основе был создан синтетический голос [4, с. 130].

В 2024 году М. Д. Чернякова заявила о наиболее эффективной на её взгляд правовой защите голоса в Российской Федерации – в качестве нематериального блага. Также были сделаны выводы о необходимости перед законодательным закреплением проверить выработанные доктринально и в процессе законодательной инициативы принципы регулирования по данному вопросу в рамках саморегулирования крупнейших игроков на рынке технологий ИИ [5]. А. Р. Будник в своём исследовании 2025 года заявил о необходимости правовой детализации категории «голос» для выработки качественных механизмов охраны и защиты голоса, провёл системный анализ (в т. ч. экспериментальным путём) феномена просодии (особенностей произношения – прим. авт.) как юридически значимого параметра. Тем самым он конкретизировал знания о голосе, существенные для его законодательного закрепления в качестве объекта права [6].

П. В. Бахметьевым был проведён сравнительно-правовой анализ подходов законодательных органов зарубежных государств к данной проблеме [7]. Также следует отметить о том, что некоторые авторы, среди которых, например, В. И. Коннова, среди прочего говорят о голосе как о средстве индивидуализации [8]. На наш взгляд, следует уточнить терминологию в данном вопросе в целях достижения точности получаемых знаний и законодательных формулировок в дальнейшем. В отношении средств индивидуализации физических лиц, выражаем согласие позиции О. С. Болотаевой, в том, что

по своей сути это биометрические персональные данные [9]. В соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь, средства индивидуализации предназначены для выделения юридического лица. Создавать новую правовую категорию «средства индивидуализации физических лиц» считаем нецелесообразным во избежание дублирования функции категории «биометрические персональные данные». К слову, учитывая сущность голоса, о которой указано ранее, а также неисчерпывающий перечень биометрических персональных данных в соответствующем Законе Республики Беларусь [10] в теории позволяют рассматривать голос человека в данном качестве.

Основываясь на проведённом анализе работ названных авторов, следует заметить, что в научном сообществе существует три основных подхода к закреплению голоса в качестве объекта права, правовой регламентации его использования и охраны.

1. Голос человека – нематериальное благо. Голос человека исходя из своей характеристики удовлетворяет всем присущим нематериальным благам признакам: он неотчуждаем, не может быть точно представлен в имущественном эквиваленте, принадлежит человеку от рождения. Более того, голос является уникальным. Исходя из положений статьи 151 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), нематериальным благам присуща принадлежность конкретному гражданину от рождения. К слову, перечень нематериальных благ, нормативно закреплённый в статье 151 ГК, не является исчерпывающим [11]. Следовательно, основываясь на непосредственной врожденной связи голоса с конкретным лицом (субъектом), а также вытекающей из этой непосредственной связи неотчуждаемости человеческого голоса, на наш взгляд, видится вполне возможным рассматривать голос человека как нематериальное благо, принадлежащее гражданину от рождения, неотчуждаемое и непередаваемое иным способом. Видится возможность доктринально рассмотреть вопрос о наделении голоса как уникального тона, издаваемого определенным лицом, статусом объекта личного неимущественного права.

2. Голос человека – объект биометрических персональных данных. Из факта неотчуждаемой и непередаваемой иным способом принадлежности голоса от рождения, а также из ранее упомянутой уникальности человеческого голоса ввиду анатомических причин и приобретённых привычек, вытекает возможность заявить об идентификации конкретного лица по его голосу. Исходя из положений Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных», биометрическими персональными данными признаётся

информация, характеризующая физиологические и биологические особенности человека, которая используется для его уникальной идентификации. Видится возможность признания голоса объектом биометрических персональных данных [4, с. 127].

3. Голос человека рассматривается как инструмент для создания объектов интеллектуальной собственности, объектов смежных прав в рамках исполнения. Голос человека, поскольку он не является результатом творческого труда, не может быть признан объектом интеллектуальной собственности. Но при этом, голос используется в качестве инструмента для создания объектов интеллектуальной собственности. Некоторые правоведы в контексте синтеза голоса при помощи ИИ рассматривают возможность защиты не самого голоса, а исполнения конкретным голосом. Во время записи голосов актеров озвучки одновременно создаются несколько объектов интеллектуальной собственности – исполнение, автором которого и является актер, а также звуковая фиксация исполнения – фонограмма [12]. Поскольку исполнение и фонограмма защищены законодательством об авторском праве и смежных правах, видится возможной такая линия правовой защиты голоса. Исходя из положений ГК, статьёй 995 определены исполнение и фонограмма как объект интеллектуальной собственности, статья 996 гарантирует исполнителю право на исполнение и иные связанные с ним имущественные права [11]. Возникает вопрос в части использования голоса для синтеза речи или вокала при помощи ИИ: является ли синтез голоса из фонограммы (записи голоса) нарушением исключительного права на исполнение, или же это следует считать обработкой (переработкой)? Авторское право на переработанные материалы закреплено статьёй 992 ГК.

Также следует отметить, что голос может использоваться и для создания средств индивидуализации. Существует практика регистрации голоса в качестве товарного знака [4, с. 129]. Зарегистрированные в России товарные знаки № 389027, 484953 содержат голосовые элементы [17].

Выражая согласие с позицией А. Г. Матвеева и Е. Ю. Мартыановой о тенденции к коммерциализации нематериальных благ [4, с. 120], считаем необходимым разработать нормативное регулирование в части использования нематериальных благ для коммерческого использования, применения для объектов интеллектуальной собственности, в том числе с использованием ИИ. На наш взгляд, требуется прямо предусмотреть в законодательстве механизм предоставления согласия для использования голоса в объектах интеллектуальной собственности с прямо указанным целевым назначением и существенными условиями (например, роялти за использование голоса для голосовых моделей с ИИ) для недопущения нарушения воли

субъекта права на голос, поскольку далее рассматриваемые ситуации могли бы не произойти при условии наличия такого механизма. Учитывая диспозитивный характер гражданского права, в таком согласии можно было бы предусмотреть любые условия, не противоречащие законодательству.

Актуальность вопроса о наделении голоса статусом объекта гражданских прав и соответствующей правовой охраной, возможностями защиты подтверждают следующие резонансные ситуации из юридической практики, свидетельствующие о появлении общественной потребности в пополнении законодательного регулирования по данным вопросам.

Одна из ситуаций, когда учёные-правоведы столкнулись с требованием общества в правовой защите голоса, была забастовка гильдии киноактёров США в 2023 году. Фабула состоит в следующем: в последний момент, в почти уже согласованные контракты актёров озвучки, студиями было предложено добавить положения, позволяющие использовать записи их голоса пожизненно. Причём им было предложено за небольшую в сравнении с их обычным заработком плату записывать образцы мимики, лица и голоса для неограниченного использования этих записей студиями для генерации цифровых моделей актёров в дальнейшем. Также во время забастовки, пока многие работники киноиндустрии испытывали финансовые трудности в силу простоя, компания Realeyes, занимающаяся исследованиями внимания аудитории, предлагала актерам за относительно небольшое вознаграждение записать обучающее видео для искусственного интеллекта компании якобы в научно-исследовательских целях. О том, что заказчик у проекта совсем другой – корпорация Meta, а при помощи отснятого материала будут создаваться цифровые аватары, согласившиеся узнавали уже на съёмках [13]. Забастовка увенчалась для актёров успехом, с учётом особенностей англосаксонской прецедентной правовой системы [8, с. 153–154]. На данном примере помимо угрозы голосу как предполагаемому объекту гражданских прав, права на исполнение и имущественным правам, связанным с исполнением, представляется возможным усмотреть угрозу принципам добросовестности и разумности участников гражданского правоотношения, поскольку, на наш взгляд, действия фигурирующих в данном прецеденте организаций, противоречит данным принципам.

Подобная ситуация, вызвавшая общественный резонанс в Российской Федерации, произошла в августе 2023 года. На интернет-платформе для онлайн-петиций Change.org было опубликовано обращение «Просим защитить наши голоса от воровства и мошенничества!» [14]. Автор данной петиции – Алена Андропова, российская актриса озвучивания и дубляжа, ра-

диоведущая. В 2019 году она заключила договор с банком «Тинькофф», по которому голосом Андроновой были записаны аудиоматериалы для голосового помощника, а впоследствии неустановленными лицами при помощи искусственного интеллекта банка «Тинькофф» были созданы материалы порнографического характера с её голосом, что причинило значительный ущерб её чести, достоинству и деловой репутации. Павел Дорофеев, коллега Андроновой, актёр озвучки, попал в такую же ситуацию после взаимодействия с этим же контрагентом. Его голос таким же образом использовался неустановленными лицами в преступных целях, что также нанесло существенный ущерб его чести, достоинству, доброму имени и деловой репутации. Ни Андропова, ни Дорофеев не могут контролировать то, что озвучивается при помощи их голосовых моделей. При этом плохая работа синтеза речи также подрывает их деловую репутацию, поскольку рядовым слушателям кажется, что созданный аудиоматериал – не результат синтеза речи искусственным интеллектом, а работа ненадлежащего качества, выполненная физическими лицами, действительными обладателями голоса [15].

В вышеназванной петиции Андропова обосновывала и заявляла требования о внесении изменений в законодательство Российской Федерации в целях обеспечения правовой защиты голоса как личного нематериального блага [14]. Также Андропова обратилась с исковым заявлением за судебной защитой, призывая суд обратиться к аналогии закона в части правовой защиты голоса, связывая правовую природу голоса с правовой природой законодательно охраняемого в Российской Федерации изображения гражданина [8, с. 154]. Данная ситуация, к слову, стала одной из предпосылок к написанию некоторых из указанных выше научных работ. Помимо обозначения угроз голосу как нематериальному благу, объекту биометрических персональных данных, праву авторства на исполнение, действия пострадавших по защите своих прав указывают на возможный путь для законодателя при регламентации вопросов правовой охраны голоса.

Подобные инциденты в Республике Беларусь зарегистрированы не были. Но стоит отметить, что развитие информационных технологий ИИ предоставляет криминальным элементам широкий спектр возможностей совершения противоправных действий. Известно о применении в отношении граждан Республики Беларусь мошеннических схем с моделированием голоса представителей власти, руководителей по месту работы потерпевших, родственников и знакомых потерпевших лиц, что, помимо создания общественной опасности, подрывает доверие к органам власти, дискредитирует лиц, которые являются действительными обладателями голоса, при-

чиняет ущерб деловой репутации организаций. По официальным сообщениям Следственного комитета Республики Беларусь, подделка голосов в настоящее время не носит массового характера в Беларуси [16].

Подводя итоги, считаем возможным предоставить основанное на систематизированной в данном исследовании информации определение понятия голоса как объекта права.

Голос человека – неотчуждаемо принадлежащий конкретному человеку от рождения издаваемый звуковой тон, обеспеченный голосовым аппаратом человека, анатомическими особенностями которого в совокупности с привычками человека обусловлена его тоновая уникальность, позволяющая индивидуализировать личность в обществе.

Голос человека может быть рассмотрен как нематериальное благо. Принимая за основу полученную в ходе исследования информацию, видится возможность доктринально рассмотреть вопрос о наделении голоса как уникального тона, издаваемого определенным лицом, статусом объекта личного неимущественного права.

Учитывая сущность голоса, о которой указано ранее, а также неисчерпывающий перечень биометрических персональных данных в соответствующем Законе Республики Беларусь, голос человека может быть рассмотрен в качестве объекта биометрических персональных данных.

Голос человека, поскольку он не является результатом творческого труда, не может быть признан объектом интеллектуальной собственности. В то же время голос может быть рассмотрен как инструмент для создания объектов интеллектуальной собственности, объектов смежных прав в рамках исполнения. Существует возможность защиты не самого голоса, а исполнения конкретным голосом. Возникает вопрос в части использования голоса для синтеза речи или вокала при помощи ИИ: является ли синтез голоса из фонограммы (записи голоса) нарушением исключительного права на исполнение, или же это следует считать обработкой (переработкой)? Также следует отметить, что голос может использоваться и для создания средств индивидуализации.

Исходя из тенденции к коммерциализации нематериальных благ, считаем необходимым предложить разработку нормативного регулирования в части использования нематериальных благ для коммерческого использования, применения для объектов интеллектуальной собственности, в том числе с использованием ИИ. На наш взгляд, требуется прямо предусмотреть в законодательстве механизм предоставления согласия для использования голоса в объектах интеллектуальной собственности с прямо указанным целевым назначением и существенными условиями.

Основываясь на анализе юридической практики, заявляем о том, что отсутствие гарантий защиты и понятного механизма правовой охраны голоса в контексте его использования для объектов интеллектуальной собственности, в т. ч., созданных при помощи ИИ потенциально несёт угрозу принципам добросовестности и разумности участников гражданского правоотношения, правам интеллектуальной собственности (как имущественным, так и неимущественным) а также, угрозу таким нематериальным благам, как: голос человека, честь, достоинство личности и деловая репутация. Изученные примеры указывают на возможный путь для законодателя при регламентации вопросов правовой охраны голоса. В Республике Беларусь, по официальным сообщениям Следственного комитета Республики Беларусь, подделка голосов в настоящее время не носит массового характера. Тем не менее, помимо создания общественной опасности, такие действия, очевидно, подрывают доверие к органам власти, дискредитируют лиц, которые являются действительными обладателями голоса, причиняют ущерб деловой репутации организаций.

Таким образом, безусловно, требуется дальнейшее рассмотрение проблематики правового регулирования в сфере использования голоса человека. Необходимо заблаговременно проработать механизм правовой охраны голоса человека в целях недопущения инцидентов, подобных рассмотренным в настоящем исследовании. Для этого требуется проработка проблемных вопросов учёными-правоведами с последующим внесением соответствующих предложений органам законодательной инициативы.

Список использованных источников

1. Тарханов, И. Р. Голос, в физиологическом смысле // Энциклопедический словарь : [в 86 т.] / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. – СПб., 1893. – Т. 9. – С. 106–107.
2. Степанова, Ю. Е. Основы фониатрии (лекция) / Ю. Е. Степанова // *Consilium Medicum*. – 2023. – № 3. – С. 187–193.
3. Масленников, Е. А. Идентификация по голосу. Скрытые возможности / Е. А. Масленников, А. Ю. Пенигин // *Теория и практика современной науки*. – 2018. – № 5(35). – С. 526–529.
4. Матвеев, А. Г. Гражданско-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании / А. Г. Матвеев, Е. Ю. Мартыанова // *Ex Jure*. – 2023. – № 3. – С. 118–131.
5. Чернякова, М. Д. Правовая охрана голоса в условиях развития искусственного интеллекта // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. – 2024. – № 2(44). – С. 283-293. – DOI: 10.58741/23134852_2024_2_19.

6. Будник, А. Р. Просодия как элемент правовой охраны голоса гражданина / А. Р. Будник // Труды по Интеллектуальной Собственности. – 2025. – Вып. 53 (№ 2). – С. 49–66.
7. Бахметьев, П. В. Охрана индивидуального голоса человека: отечественный и зарубежный опыт / П. В. Бахметьев // Право и практика. – 2023. – № 4. – С. 184–188.
8. Коннова, В. И. Голос как нематериальное благо и личное неимущественное право человека: правовая защита в условиях глобальной цифровизации. / В. И. Коннова // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 35 – С. 149–159.
9. Болотаева, О. С. Биометрические персональные данные как средства индивидуализации физического лица. / О. С. Болотаева // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 8(236). – С. 245–247.
10. О защите персональных данных : Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г., № 99-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 01.06.2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.10.2024).
11. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 07 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.10.2024).
12. Правовая охрана голоса в условиях развития искусственного интеллекта // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. – URL: <https://www.garant.ru/article/1716671> (дата обращения: 29.09.2025).
13. Актеры против нейросетей: как искусственный интеллект угрожает системе звезд в кино // Кинопоиск : [сайт]. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4008668/> (дата обращения: 01.05.2025).
14. Просим защитить наши голоса от воровства и мошенничества! // Change.org : [сайт]. – URL: <https://www.change.org/p/просим-защитить-наши-голоса-от-воровства-и-мошенничества> (дата обращения: 30.04.2025).
15. «У нас воруют голоса»: актёры дубляжа из России запустили петицию против нелегального ИИ-синтеза // Dtf.ru : [сайт]. – URL: <https://dtf.ru/life/2074536-u-nas-voruyut-golosa-aktery-dublyazha-iz-rossii-zapustili-peticiyu-protiv-nelegalnogo-ii-sinteza> (дата обращения: 30.04.2025).
16. «Звонят с белорусских номеров, подделывают голоса близких». Как меняются схемы мошенников рассказали в Следственном комитете // Следственный комитет Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://sk.gov.by/special/ru/news-ru/view/zvonjat-s-belorusskix-nomerov-poddelyvajut-golosa-blizkix-kak-menjajutsja-sxemy-moshennikov-rasskazali-v-14539/> (дата обращения: 29.04.2025).
17. Реестр товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации // ФИПС : [сайт]. – URL: <https://www1.fips.ru/registers-web/action> (дата обращения: 29.09.2025).

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Д.В. Иванова

кандидат юридических наук, доцент, ведущий специалист отдела права
промышленной собственности и договоров управления правового и кадрового
обеспечения, Национальный центр интеллектуальной собственности,
divliv@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена этико-правовым проблемам, возникающим в связи с использованием искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности. Объектом исследования является этическая сторона соответствующих отношений. Предлагается при определении концепции закона о технологиях искусственного интеллекта и соответственно конструировании правовых норм с целью урегулирования отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности, принимать во внимание те этические проблемы, которые уже существуют или могут выявиться позднее.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, объект интеллектуальной собственности, право промышленной собственности, этика, этика искусственного интеллекта.

Abstract. The article is devoted to the ethical and legal problems arising in connection with the use of artificial intelligence in the field of intellectual property law. The object of the study is the ethical side of the relevant relations. It is proposed that when defining the concept of the law on artificial intelligence technologies and, accordingly, constructing legal norms in order to regulate relations related to the use of artificial intelligence in the field of intellectual property, take into account those ethical problems that already exist or may emerge later.

Keywords: artificial intelligence, copyright, ethics, ethics of artificial intelligence, industrial property law, intellectual property, intellectual property object.

Исследование проблематики правового регулирования отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ) в сфере интеллектуальной собственности (далее – ИС), влечет необходимость анализа в том числе вопросов междисциплинарного характера. В частности, в публикациях нередко поднимаются этико-правовые проблемы применения ИИ. В настоящее время в Республике Беларусь начата работа по подготовке проекта закона об ИИ, в ходе которой будет решаться множество принципиальных вопросов, касающихся урегулирования соответствующих общественных отношений.

Этика представляет собой философскую дисциплину, которая исследует нравственность и мораль, включая вопросы добра, зла, совести, долга, чести, достоинства и иных ценностей. Другими словами, это моральные принципы, которым должен следовать субъект, независимо от места или времени.

Этику, связанную с ИИ, можно разделить на два направления: этику субъектов, создающих и использующих соответствующие технологии, и этику самого ИИ.

«Этика ИИ рассматривается главным образом как направление научных исследований, оформляющееся в XXI в. и объединяющее как ученых, работающих в области ИИ, так и философов. Это направление охватывает не только вопросы, касающиеся поведения и нравственного сознания людей, создающих и использующих системы ИИ, но также вопросы «поведения» таких систем» [1, с. 69]. Так, появилось понятие «ИИ, заслуживающий доверия» («доверительный искусственный ИИ»), которое относится и к деятельности людей, и к работе систем ИИ.

В ряде стран и регионов разработаны акты, в которых содержатся этические принципы. Субъекты готовы их соблюдать при осуществлении деятельности в сфере ИИ. В частности, в конце 2021 г. рядом российских компаний, вошедших в Альянс в сфере ИИ, был подписан «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта» [2]. В частности, он содержит рекомендательные принципы и правила для создания среды доверенного развития технологий ИИ. Названный кодекс не определяет этику ИИ, он призван организовывать взаимоотношения людей.

В «Этическом руководстве по искусственному интеллекту, заслуживающему доверия», подготовленном в Европейском союзе, заслуживающий доверия ИИ характеризуется как обладающий рядом следующих свойств:

- 1) ИИ должен соответствовать правовым нормам;
- 2) ИИ должен соответствовать этическим принципам и ценностям;
- 3) ИИ должен быть надежным в техническом и социальном плане [3].

Подобный документ – Рекомендацию об этических аспектах искусственного интеллекта – 23 ноября 2021 г. приняла в рамках своего мандата и с рекомендацией добровольного применения ЮНЕСКО. Под этичным применением ИИ в данном акте понимается систематическое нормативное осмысление этических аспектов ИИ на основе эволюционирующей комплексной, всеобъемлющей и многокультурной системы взаимосвязанных ценностных установок, принципов и процедур, способное ориентировать общества в вопросах ответственного учета известных и неизвестных последствий применения ИИ-технологий для людей, сообществ, окружающей

природной среды и экосистем, а также служить основой для принятия решений, касающихся применения или отказа от применения технологий на основе ИИ. Этические принципы в данной рекомендации выступают в качестве гибкой основы для нормативной оценки, а также методического руководства в вопросах применения технологий на основе ИИ, рассматривая человеческое достоинство, благополучие человека и недопущение нанесения вреда как целевой ориентир и уходя корнями в этику науки и технологии [4].

Характеризуя деятельность субъектов, в частности физических лиц, как в сфере создания технологий ИИ, так и в сфере их применения, следует отметить влияние профессиональной подготовки специалистов на такую деятельность. Предполагается усвоение в процессе обучения не только непосредственных знаний (технических, юридических, музыкальных, филологических и т. д.), «но в неразрывной взаимосвязи с этим – ценностных ориентиров, образцов поведения, одобряемого профессиональным сообществом, а также знакомство с поучительными примерами того, «как не следует делать», с примерами поведения предосудительного» [1, с. 81]. Для этого важно, чтобы профессиональное сообщество сформировалось и вместе с ним сформировались ценности такого сообщества, что уже представляет собой проблему в рассматриваемой сфере. Ранее уже приводились подобные примеры, в частности «В. Г. Горохов рассматривал вопрос о «наноэтике» (возникший в связи с развитием нанотехнологий и перспективами нанотехнонауки) и приходил к выводу, что в этой междисциплинарной области нет сложившегося профессионального сообщества, а действие рыночных механизмов ведет скорее к демонтажу ранее созданных социальных институтов, чем к возникновению новых» [1, с. 82]. Мы согласны с тем, что сюда можно относить и профессиональное создание результата интеллектуальной деятельности посредством использования ИИ.

Дополнительно отметим, что ученые обращают внимание на следующий этический эффект, возникающий в случае, если при этом мы выберем концепцию закрепления в таких случаях авторства за этим физическим лицом. Р. Эббот писал: «Разрешение же физическим лицам присваивать себе авторство изобретений, которые созданы не их целенаправленным трудом, а ИИ, обесценивает значение изобретательской деятельности людей [5], которые своим собственным самостоятельным творческим трудом создают изобретения, справедливо претендуя на защиту личных неимущественных прав» [цит. по 6, с. 88]. «В результате этого заслуги человека, который просто переложил решение поставленной задачи на ИИ, будут приравниваться к заслугам изобретателя, который действительно изобрел что-то новое» [5].

Аналогичный процесс протекает в сфере авторского права. Так, в своих аналитических материалах одна из крупнейших в музыкальной индустрии компаний Universal Music Group (UMG) отметила значительный рост использования ИИ для создания музыкальных треков, которые в том числе имитируют уникальный стиль и голос исполнителей. Существуют сообщества, которые обучают необходимым для этого навыкам. Кроме того, уже действуют инструменты, которые посредством ИИ автоматически клонируют голоса. «С августа 2023 года число сгенерированных при помощи ИИ загрузок на создаваемые самими пользователями платформы, которые затрагивают права UMG, выросло на 175%. До настоящего момента причина отправки примерно 47% уведомлений заключалась в том, что оригинальную запись UMG можно было выявить в используемой вокальной или инструментальной партии; остальные произведения нарушали авторское право на музыкальное/литературное произведение, право на товарный знак или право на публичность» [7].

Чаще всего, в юридических исследованиях вопрос авторства в отношении результатов интеллектуальной деятельности изучается только с позиции противопоставления «человек – ИИ». Однако, обращая внимание на последние философские теории, следует особо отметить значение философского течения трансгуманизма. «В целях самосохранения человечеству сегодня следует задуматься об этических аспектах создания ИИ и роботов-андроидов». «Наряду с постлюдьми (особенности этого вида представлены в публикациях различным образом в соответствии с видением авторов) постчеловеческое будущее будет представлено роботами-андроидами, которые де-факто являясь машинами, де-юре будут такими же постлюдьми со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями» [8, с. 19].

«...«постчеловек» – это потомок человека, технологически усовершенствованный до такой степени, что он уже не является человеком как таковым. Предполагается изменение как физических качеств человека, таких, как выносливость, так и психических (миметических), например, способность контролировать эмоции. Умственные и физические качества постчеловека, такие, как память, интеллект, сила, здоровье, продолжительность жизни, существенно превосходят качества современных людей. Постчеловек может быть полностью синтетическим существом, и система ИИ в этом смысле – первый кандидат на роль постчеловека» [9, с. 23]. В том числе тело может быть усовершенствовано с помощью имплантантов, а также генетического вмешательства.

Данный исход будет являться не только результатом той позиции, которую займет человек (государство) как законодатель. Но и то, о чем мы как юристы иногда забываем, а именно изменение самого человека, как с физической, так и социальной точки зрения, и, как следствие, постановка вопроса о возможных изменениях в его правовом статусе. В рамках рассматриваемой проблематики это может означать в том числе практически равный правовой статус как в качестве правообладателя, так и автора.

В дальнейшем в сфере ИС самым простым представляется трансляция на «действия» ИИ соблюдения этических норм классическими субъектами права ИС – авторами, правообладателями и т. д. Дискуссии на эту тему в научных философских и технических исследованиях продолжаются.

Интересной представляется позиция А. В. Разина: «Этика непосредственно начинается тогда, когда появляется способность реагировать на собственные ошибки, осуществлять рефлекссию поведения, учитывая при этом мнения других людей. Такая же принципиальная возможность ошибки должна быть заложена и в работу ИИ, чтобы можно было говорить о его этике в собственном смысле слова. Должны быть также выполнены условия коммуникации машин, их взаимных оценок и наличия у них феноменального опыта» [цит. по 1, с. 71].

В этой связи возникают вопросы установления определенных ограничений (свобода воли, ответственность и проч. [1, с. 71]), однако чрезмерность этических ограничений ИИ может нанести не меньше вреда, чем их полное отсутствие.

В документе 16-й сессии Консультативного комитета по защите прав ВОИС 31.01–02.02.2024) «ИИ и защита прав ИС» представлены доклады трех представителей частного сектора (Countercheck, UMG и Mercado Libre), посвященные опыту применения технологии ИИ для защиты прав ИС [7]. В частности, в одном из докладов, с одной стороны, изложены перспективы использования ИИ для защиты прав ИС, такие как применение усовершенствованных механизмов выявления контента, нарушающего права авторов, распознавания образцов и более оперативного обнаружения фактов злоупотребления товарными знаками. С другой стороны, указан ряд серьезных препятствий для использования ИИ: затраты, отсутствие прозрачности, проблемы, связанные с обменом данными, и этические проблемы, такие как автоматизированные системы по борьбе с пиратством, которые малопонятны и зависят от закодированных автоматических правил, использующих динамические, потенциально непредсказуемые и непрозрачные алгоритмы принятия решения. Выражены опасения, с которыми нельзя не согласиться, что негибкий процесс принятия решений с помощью ИИ может привести к чрезмерно усердной блокировке законного контента.

Этические пределы возможности использования ИИ для защиты прав ИС связаны также с недостаточными объемами или неполнотой массивов обучающих данных, на основе которых осуществляется принятие решений. Кроме того, невозможно избежать необъективности, которой отличается человек, косвенно управляющий этим процессом, и которая способна привести к неверным решениям [7].

Таким образом, в рамках планируемой в настоящее время в Республике Беларусь разработки законопроекта об ИИ следует принять во внимание уже названные и прогнозируемые этико-правовые проблемы, возникающие при использовании ИИ в сфере ИС.

Список использованных источников

1. Алексеева, И. Ю. Этика искусственного интеллекта как прикладная этика / И. Ю. Алексеева // Философия и общество. – 2024. – № 3. – С. 69–85.
2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 30.04.2025).
3. Ethics guidelines for trustworthy AI // European Commission. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 30.04.2025).
4. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта // UNESCO. UNESDOC (Digital Library). – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 30.04.2025).
5. Эббот, Р. Проект «Искусственный изобретатель» / Р. Эббот // Журнал ВОИС. – 2019. – № 6. – URL: <https://www.wipo.int/ru/web/wipo-magazine/articles/the-artificial-inventor-project-41111> (дата обращения: 30.04.2025).
6. Шахназаров, Б. А. Применение технологий искусственного интеллекта при создании вакцин и иных объектов интеллектуальной собственности (правовые аспекты) / Б. А. Шахназаров // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 7. – С. 76–90.
7. Искусственный интеллект и защита прав интеллектуальной собственности // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/enforcement/ru/wipo_ace_16/wipo_ace_16_15.pdf (дата обращения: 30.04.2025).
8. Крайнов, А. Л. Ценности постчеловеческого будущего: проблема выбора / А. Л. Крайнов // Известия Саратовского университета. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, Вып. 1. – С. 16–20.
9. Летов, О. В. Трансгуманизм и этика / О. В. Летов // Вестник культурологии. – 2008. – № 4. – С. 18–30.

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ БРЕНДА ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОГО НЕМАТЕРИАЛЬНОГО АКТИВА ОРГАНИЗАЦИИ

Ю.Г. Иванцова

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры современных технологий образования взрослых, Институт повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
bonchuk_julia@mail.ru

Т.Г. Хатеневич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации и правового обеспечения агробизнеса, Гродненский государственный аграрный университет,
tx16101979@gmail.com

Аннотация. В статье подчёркивается, что успешный бренд, который воспринимается положительно покупателями, может стать основой финансового успеха организации. При этом в Республике Беларусь отсутствует легальное определение категории «бренд». В заключении определяются ключевые элементы бренда, включая права интеллектуальной собственности и средства индивидуализации, которые формируют общее восприятие товара на рынке.

Ключевые слова: бренд, объекты интеллектуальной собственности, товарная марка, товарный знак и знак обслуживания.

Abstract. The article emphasizes that a successful brand, perceived positively by consumers, can become the foundation for a company's financial success. However, in the Republic of Belarus, there is no legal definition for the category of "brand." In conclusion, corresponding findings are made, and the key elements of a brand are identified, including intellectual property rights and means of individualization that shape the overall perception of a product in the market.

Keywords: brand, intellectual property objects, trade mark, trademark, and service mark.

Создание узнаваемого и эффектного бренда является одним из необходимых условий сохранения конкурентоспособности товаров на рынке в условиях растущей конкуренции между отечественными и иностранными производителями. Однако этого недостаточно в современных реалиях затоваренности рынков и особой избирательности покупателей. Конечная цена продукта зачастую также не представляет собой главный критерий выбора торговой марки потребителями, поэтому организации стремятся соответствовать не только новым требованиям конкретного покупателя, но и общества в целом. Одним из действенных инструментов повышения финансового состояния товаропроизводителей выступает создание и поддержание позитивного этоса бренда.

Зачастую в научной литературе понятие бренда отождествляют с понятием товарного знака и знака обслуживания (далее – товарный знак), торговой марки; они упоминаются как синонимы [1]. Данное представление имеет право на существование, однако, как правило, только если торговая марка коммерчески успешна, приобрела известность, завоевала доверие покупателей, может привлечь к себе еще большее число лояльных потребителей, то ее принято называть брендом. Бренд трактуется как «раскрученная» торговая марка (торговый знак). При этом этос бренда – это то, каким воспринимают бренд его реальные и потенциальные потребители. Главный инструмент, которым пользуется организация для формирования положительного этоса – ее статус в обществе. В данном случае огромное значение играют репутация, аккумулированное за продолжительное время представление покупателей о товаропроизводителе, достижения и роль организации в решении социальных проблем, взаимодействие организации с местным сообществом.

На самом деле категория «бренд» скорее экономическая, понятие товарного знака имеет юридическое значение. «Товарный знак» и «бренд» тождественными не являются и отличаются весьма существенно. Понятие товарного знака и знака обслуживания сформулировано в ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-XII «О товарных знаках и знаках обслуживания» как обозначение, способствующее отличию товаров, работ и (или) услуг одного лица от однородных товаров других лиц [2]. В ч. 2 указанного Закона определено, что в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные обозначения, включая имена собственные, цвет, сочетания цветов, буквенные, цифровые, изобразительные, объёмные обозначения, включая форму товара или его упаковку, а также комбинации таких обозначений. Товарный знак может быть зарегистрирован в любом цвете или цветовом сочетании.

К элементам бренда помимо товарного знака и знака обслуживания относят «авторское право и смежные права» (например, собственники бренда имеют исключительное право на использование своих произведений, что подразумевает защиту рекламных материалов (видеороликов, фотографий, рисунков и пр.)), «коммерческую тайну» [3]. К составляющим бренда можно ещё отнести объекты права промышленной собственности, а также средства индивидуализации товаропроизводителей (например, изобретение, полезная модель, промышленный образец, секреты производства (ноу-хау), фирменное наименование, географическое указание и пр.). Потребитель может видеть не все элементы бренда, однако они обеспечивают производство товара

определённого качества и/или с определёнными характеристиками. Таким образом, элементы бренда должны рассматриваться в широком смысле, включая авторские и смежные права, объекты права промышленной собственности, средства индивидуализации товаропроизводителей.

Бренд рассматривается как способ индивидуализации своей деятельности для привлечения и закрепления потребителей и защиты имиджа от конкурентов [4]. Другое определение бренда – нематериальный рыночный актив организации, представляющий собой устойчивую совокупность впечатлений, мнений и ассоциаций, отражающую воспринимаемые характеристики организации и ее товара, складывающуюся у потребителя в цельный образ субъективного представления о них и повышающую степень известности и уровень потребительской лояльности к ним [5].

К нематериальным активам организации относятся патенты, деловая репутация организации, авторские права, особые права, субсидии, привилегии и преимущества, и пр., которые принадлежат организации и которые могут принести выгоду в будущем, способствуя увеличению доходов предприятия. Нематериальный актив должен приносить своему владельцу определённые измеримые экономические выгоды. Согласно международным стандартам отчётности требуется соблюдение трех основополагающих признаков нематериального актива: идентифицируемость, подконтрольность организации, способность приносить экономические выгоды.

Перечень нематериальных активов в организации приводится в п. 7 Инструкции по бухгалтерскому учёту нематериальных активов в бюджетных организациях, утверждённой постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 30 апреля 2012 г. № 25 «О некоторых вопросах бухгалтерского учёта» (далее – Инструкция). При этом в п. 8 рассматриваемой Инструкции закреплено, что «к нематериальным активам не относятся: ... товарные знаки и знаки обслуживания, за исключением полученных при совершении сделки по приобретению предприятия как имущественного комплекса ...» [7]. В соответствии с п. 8 Инструкции, товарные знаки и знаки обслуживания исключены из перечня нематериальных активов, поскольку их учёт и оценка имеют особые требования. Эти объекты часто требуют отдельного учёта, поскольку они могут передаваться, лицензироваться или продаваться. При этом исключение для товарных знаков и знаков обслуживания, полученных в результате приобретения предприятия как имущественного комплекса, обусловлено тем, что в таком случае они становятся частью общей стоимости активов, входящих в состав приобретаемого бизнеса.

Таким образом, бренд выступает в качестве одного из важных нематериальных активов. Феномен бренда становится в последнее время объектом исследования в рамках различных экономических наук (маркетинг, менеджмент, экономическая теория). Организации формируют бренд-концепции товаров. Эффективная правовая защита бренда как нематериального актива организации требует законодательного закрепления не только понятия «бренд», но и чёткого определения его элементов. При этом элементы бренда должны рассматриваться в широком смысле, включая объекты авторских и смежных прав, права промышленной собственности, а также средства индивидуализации товаропроизводителей.

Список использованных источников

1. Довбыш, В. Е. Правовая защита бренда / В. Е. Довбыш // Новая наука: стратегии и векторы развития. – 2015. – № 5. – С. 112–115.
2. О товарных знаках и знаках обслуживания : Закон Респ. Беларусь от 5 февр. 1993 г. № 2181-XII : с изм. и доп. // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 23.05.2025).
3. Игнатенко, О. В. Защита бренда и его элементов / О. В. Игнатенко // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 23.05.2025).
4. Тихонова, К. А. Правовая защита бренда / К. А. Тихонова // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2021. – № 2. – С. 363–366.
5. Челяби, В. В. Общая характеристика бренда как нематериального актива / В. В. Челяби // Транспортное дело России. – 2011. – № 9. – С. 175–176.
6. Отличие понятий «бренд» и «товарный знак» // Верховный Суд Республики Беларусь : [сайт]. – URL: https://court.gov.by/ru/sup_court/int_prop/vopros/answers/b3dbb0444f030032.html (дата обращения : 05.05.2025).
7. О некоторых вопросах бухгалтерского учёта: постановление Министерства финансов Респ. Беларусь от 30 апреля 2012 г. № 25 : с изм. и доп. // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 23.05.2025).

БЕЛАРУСКАЯ І ЗАМЕЖНАЯ ПРАКТЫКІ ПРЫЦЯГНЕННЯ ДА КРЫМІНАЛЬНАЙ АДКАЗНАСЦІ ЗА ЎЧЫНЕННЕ МАХЛЯРСТВАЎ І КАРУПЦЫЙНЫХ ЗЛАЧЫНСТВАЎ У СФЕРЫ РАСПРАЦОЎКІ І ЎДАСКАНАЛЬВАННЯ ПРАГРАМНАГА ЗАБЕСПЯЧЭННЯ

П.А. Капіца

*начальнік вучэбнага аддзела, Інстытут павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі
Следчага камітэта Рэспублікі Беларусь*

Анацыя. У публікацыі прааналізаваны беларускі і замежны досвед прыцягнення да крымінальнай адказнасці за ўчыненне махлярстваў і карупцыйных злачынстваў у сферы распрацоўкі і ўдасканальвання праграмнага забеспячэння. Прыведзены шэраг прыкладаў з правапрымяняльнай практыкі Беларусі, Расіі, краін Еўрапейскага саюза і ЗША. Вызначаны агульныя трэндны ва ўчыненні злачынстваў, падабенства ў лініі паводзін абвінавачваных незалежна ад месца ўчынення злачынства.

Ключавыя словы: махлярства, карупцыя, праграмае забеспячэнне, следчая практыка.

Abstract. The publication analyzes the Belarusian and foreign experience of criminal prosecution for fraud and corruption crimes in the field of software development and improvement. A number of examples from the law enforcement practice of Belarus, Russia, the European Union and the USA are given. The general trends in the commission of crimes, similarities in the line of behavior of the accused, regardless of the place of the crime, are identified.

Keywords: fraud, corruption, software, investigative practice.

Сфера распрацоўкі і ўдасканальвання праграмнага забеспячэння (далей – РПЗ) высока запатрабаваная. На лічбавізацыю суб’ектамі гаспадарання, у тым ліку дзяржаўнымі, выдаткуюцца значныя аб’ёмы грашовых сродкаў. Імі могуць завалодаць нядобрасумленныя распрацоўшчыкі праграмнага забеспячэння і асобы, якія ім садзейнічаюць.

Пра ўчыненне махлярства магчыма сцвярджаць, калі нядобрасумленны распрацоўшчык праграмнага забеспячэння загадзя не збіраўся якасна выконваць свае абавязкі або выконваць іх увогуле, уступіў у грамадзянска-прававыя адносіны з заказчыкам і завалодаў яго грашовымі сродкамі. У адрозненне ад махлярстваў у сферы РПЗ, пры ўчыненні раскраданняў шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі ў злачынную дзейнасць уцягнуты службовыя асобы арганізацыі-заказчыка, а таксама іншыя службовыя асобы, упаўнаважаныя ўплываць на прыняцце рашэнняў аб фінансаванні РПЗ.

Грамадская небяспека гэтых злачынстваў заключаецца не толькі ў прычыненні матэрыяльнай шкоды, але і ў тым, што іх учыненне цягне за сабой тэхналагічнае адставанне нашай краіны ад іншых. Гэтымі акалічнасцямі вызначаецца актуальнасць процідзеяння махлярствам і карупцыйным злачынствам у сферы РПЗ.

У крыміналістычнай літаратуры магчыма сустрэць шэраг прац і публікацый, прысвечаных процідзеянню раскраданням і карупцыі. Сярод іх, на наш погляд, цікавасць уяўляюць працы такіх навукоўцаў, як А.У. Башан [1], Р.А. Васілевіч [2], С.Л. Гамко [3], Ю.Ф. Камянецкі [4], С.В. Шпак [5]. Прац, якія змяшчаюць навукова абгрунтаваныя парады па процідзеянні махлярствам і карупцыі менавіта ў сферы РПЗ, не выяўлена. Гэта вызначае навуковую навізну стварэння рэкамендацый па процідзеянні злачынствам тыпу, які разглядаецца.

З мэтай распрацоўкі аптымальных рэкамендацый па процідзеянні злачыннасці ў сферы РПЗ неабходна перш за ўсё звярнуцца да айчынай правапрымяняльнай практыкі.

Падчас даследавання выяўлены і прааналізаваны наступныя крымінальныя справы, звязаныя з наўмысным невыкананнем абавязкаў па РПЗ:

– крымінальная справа № 2-15/6, разгледжаная Мінскім гарадскім судом у 2016 г. Згодна з матэрыяламі справы, 4 службовыя асобы ўстановы адукацыі Б. у перыяд з красавіка 2008 г. па снежань 2010 г., дзейнічаючы ў складзе злачыннай групы, насуперак інтарэсам службы, стварылі шэраг часовых навуковых калектываў і пад выглядам выканання заданняў ДПНД «Металургія» выдалі раней распрацаванае для іншага заказчыка праграмнае забеспячэнне за новы праграмны прадукт, зарэгістравалі правы інтэлектуальнай уласнасці на гэты прадукт не на ўстанову адукацыі Б., а на фізічных асоб з ліку злачыннай групы, што пацягнула за сабой цяжкія наступствы ў выглядзе нямэтавага выкарыстання выдаткаваных дзяржавай грашовых сродкаў у асабліва буйным памеры на агульную суму 4973,6 базавых велічынь [6];

– крымінальная справа № 1-593/20, разгледжаная судом Фрунзенскага раёна г. Мінска ў 2020 г. Паводле матэрыялаў справы, П. – дырэктар УП «М.» – атрымаў грошы з інавацыйнага фонду Мінскага гарадскога выканаўчага камітэта для стварэння гіпабаракамеры і праграмнага забеспячэння блока кіравання да яе. Па ўмовах выдаткавання грашовых сродкаў, вынікі работ павінны былі захоўвацца і выкарыстоўвацца непасрэдна ва УП «М.». Ні гіпабаракамера, ні праграмнае забеспячэнне фактычна не ствараліся. Аднак паводле дакументаў, якія складаў і ўласнаручна падпісваў П.,

да стварэння праграмага забеспячэння прыцягваўся праграміст – «падстаўная» асоба, не апавешчаная аб злачынным характары дзейнасці П., ад імя якой апошні атрымліваў грошы [7].

Акрамя згаданых крымінальных спраў даследаваны прыгавор суда Маскоўскага раёна г. Мінска па справе № 102У23279, вынесены ў 2024 г. у адносінах да С. і Б. Шэраг эпизодаў махлярстваў, учыненых абвінавачванымі, не быў звязаны з завалоданнем маёмасцю шляхам падману пад выглядам РПЗ. С. і Б. падманвалі контрагентаў паводле прынцыпу «фінансвай піраміды» пры выпуску каштоўных папер. Для гэтага даследавання цікавасць уяўляе пэўная акалічнасць спосабу ўчынення злачынства. Так, з мэтай завышэння памеру актываў створанага С. і Б. для злачыннай дзейнасці ЗАТ Н. абвінавачваныя накіравалі ў Дэпартамент па каштоўных паперах Міністэрства фінансаў Рэспублікі Беларусь несапраўдныя звесткі. Паводле звестак, ЗАТ Н. валодала нематэрыяльным актывам – мабільным дадаткам N., які каштаваў 176 265 долараў ЗША. У сапраўднасці праграмага забеспячэння не існавала. Для абгрунтавання наяўнасці «актыву» махляры заключылі фіктыўны дагавор са знаёмым распрацоўшчыкам праграмага забеспячэння, а таксама атрымалі ў спецыяліста па ацэнцы кошту аб'ектаў інтэлектуальнай уласнасці заключэнне ацэнкі кошту мабільнага дадатку N. на згаданую суму. Падача непраўдзівых звестак дазволіла С. і Б. атрымаць права на выпуск аблігацый на суму 320 000 долараў ЗША. Аблігацыі махляры рэалізоўвалі падманутым інвестарам [8].

Падчас расследавання ўсіх узгаданых крымінальных спраў і судовага разгляду абвінавачваныя адмаўляліся прызнаваць віну ва ўчыненні злачынства. Яны настойвалі на правамернасці сваіх дзеянняў.

Відавочна, што ў Беларусі практыка расследавання махлярстваў і карупцыйных злачынстваў у сферы РПЗ толькі складваецца. Таму магчыма звярнуцца да замежнага досведу прыцягнення асоб да крымінальнай адказнасці за ўчыненне гэтых злачынстваў.

Магчымасць даследаваць непасрэдна матэрыялы дасудовага крымінальнага спарваводства і прыгаворы судаў замежных краін па аб'ектыўных прычынах адсутнічае. Адпаведных навуковых публікацый і аглядаў практыкі не выяўлена. Аднак звесткі аб досведзе прыцягнення да адказнасці за ўчыненне махлярстваў і карупцыйных злачынстваў за мяжой можна знайсці на разнастайных інтэрнэт-рэсурсах. Перш за ўсё, на парталах навін.

Спачатку варта апісаць шэраг прыкладаў з Расійскай Федэрацыі, прававая сістэма якой вельмі падобная да беларускай. Перадавы досвед расійскіх калег пры неабходнасці магчыма аператыўна інтэграваць у айчынную следча-судовую практыку.

У красавіку 2023 г. былы начальнік упраўлення інфармацыйных тэхналогій Федэральнай мытнай службы Ш. быў асуджаны ў Маскве за злоўжыванне службовымі паўнамоцтвамі. Ш. з карыслівых пабуджэнняў арганізаваў прыёмку фактычна нераспрацаванай аўтаматычнай інфармацыйнай сістэмы і зацвердзіў адпаведны акт. Нядобрасумленны распрацоўшчык праграмага забеспячэння завалодаў бюджэтнымі грашовымі сродкамі на суму 440 млн расійскіх рублёў. Ш. сваю віну адмаўляў, тлумачычы, што ні да прыёмкі, ні да эксплуатацыі праграмага забеспячэння дачынення не меў [9].

Былы міністр інфарматызацыі Тульскай вобласці К. і прадпрымальнік Ч. у маі 2023 г. былі асуджаныя па справе аб растраце ў асабліва буйным памеры (каля 70 млн расійскіх рублёў). К. паўплываў на спрыяльнае вырашэнне пытання аб прызнанні арганізацыі-распрацоўшчыка пад кіраўніцтвам Ч. пераможцам канкурэнтнай працэдуры. У выніку распрацоўшчык перадаў заказчыку стары праграмы прадукт, які ствараўся раней для іншага контрагента. Бок абароны настойваў на нявінаватасці К. і Ч., паколькі фактычна камп'ютарная праграма функцыянавала [10].

У Санкт-Пецярбургу у кастрычніку 2023 г. асуджаны за махлярства дырэктар ІТ-арганізацыі Б., які разам з саўдзельнікамі з 2003 па 2018 гг. раскрададалі сродкі, якія накіроўваліся з бюджэту Санкт-Пецярбурга на фінансаванне дзяржаўнай палітыкі ў сферы інфарматызацыі. Б. складаў фінансава-гаспадарчыя дакументы, арганізаваў заключэнне дагавораў і падпісанне фіктыўных актаў здачы-прыёмкі работ. Абвінавачваны віну прызнаў і пайшоў на дасудовае пагадненне са следствам. Іншыя фігуранты справы віну не прызналі. У адносінных да іх матэрыялы вылучаны ў асобнае справаводства [11].

У сакавіку 2025 г. у Маскве суд вынес прыгавор па крымінальнай справе у адносінных да былога кіраўніка ўпраўлення Расрэстру Б. і кіраўнікоў юрыдычных асоб – распрацоўшчыкаў праграмага забеспячэння. Паводле звестак следства Б. забяспечыў перамогу адпаведных юрыдычных асоб у канкурэнтнай працэдуры. Абавязацельствы па распрацоўцы праграмага забеспячэння належным чынам выкананы не былі. Бюджэту прычыненая шкода на суму 410 млн расійскіх рублёў. Абвінавачваныя прызнаць віну адмовіліся. Тлумачылі, што праграмае забеспячэнне працуе [12].

Раскраданні, учыненыя пад выглядам стварэння праграменных прадуктаў, мелі месца і на тэрыторыі іншых краін.

Шырокую вядомасць з-за маштабаў прычыненай шкоды (не меней за 4 млрд еўра) у інтэрнэт-крыніцах набыло махлярства, якое ўчынялася на тэрыторыі Еўрапейскага саюза, Вялікабрытаніі, ЗША і іншых краін у 2014 – 2017 гг. ураджэнкай Балгарыі І. і яе саўдзельнікамі. Махляры разгарнулі

шырокую кампанію па рэкламаванні нібыта створанай новай крыптавалюты OneCoin. У сапраўднасці ніякай крыптавалюты не распрацоўвалася. Злачынная арганізацыя прыцягвала сродкі пацярпелых і працавала паводле прынцыпу «фінансавай піраміды», калі грошы старым інвестарам часткова вярталіся за кошт унёскаў новых. Балгарка І. да цяперашняга часу знаходзіцца ў міжнародным вышуку. Яе затрыманыя саўдзельнікі спачатку адмаўлялі факт учынення злачынства, аднак затым прызналі віну [13].

У 2023 г. органы фінансавай паліцыі Нідэрландаў пачалі дасудовае крымінальнае справаводства ў адносінах да С. Паводле звестак праваахоўных органаў С. завалодаў грашыма інвестараў пад выглядам распрацоўкі «рэвалюцыйнага» медыцынскага праграмнага забеспячэння, якое нібыта змагло б аналізаваць вынікі рэнтгенаўскіх даследаванняў пры дапамозе штучнага інтэлекту. Пасля затрымання ў верасні 2024 г. у Рыме, дзе падазраваны вёў «шыкоўнае жыццё», С. адмаўляў факт махлярства.

Ён паведаміў, што праграмнае забеспячэнне пэўным чынам працуе, а грошы інвестараў ён не патраціў на асабістыя патрэбы, а ўклаў іх у крыптавалюту [14].

Падводзячы вынікі, неабходна адзначыць наступнае:

– праблема процідзеяння махлярствам і карупцыйным злачынствам у сферы РПЗ актуальная не толькі для Рэспублікі Беларусь. Яна мае міжнароднае значэнне. Нядобрасумленныя распрацоўшчыкі праграмнага забеспячэння і карумпіраваныя службовыя асобы рэалізавалі свае злачынныя схемы ў розных дзяржавах;

– у беларускай правапрымяняльнай практыцы мелі месца і махлярствы, і карупцыйныя злачынствы ў сферы РПЗ. Гэта адпавядае выяўленым міжнародным трэндам;

– адметнай рысай паводзін раскрадальнікаў падчас расследавання і судовага разгляду крымінальных спраў, незалежна ад краіны прыцягнення да адказнасці, выступала тое, што абвінавачваныя, як правіла, адмаўлялі факт учынення злачынства. Яны імкнуліся пераканаць следства і суд, што дагаворныя абавязацельствы па стварэнні праграмных прадуктаў выконваліся належным чынам. На нашу думку, гэта абумоўлена спецыфікай сферы РПЗ, складанасцю даказвання някаснасці камп’ютарных праграм і намеру абвінавачваных на ўчыненне злачынства.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Противодействие коррупции : учеб. пособие / А.В. Башан [и др.] ; под общ. ред. А.В. Башана ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2022. – 164 с.

2. Василевич, Г. А. Противодействие коррупции : учеб. пособие / Г. А. Василевич, Д. Г. Мороз. – Минск : Издательский центр БГУ, 2020. – 202 с.
3. Гамко, С. Л. Положительный опыт расследования получения взяток в криптовалюте / С. Л. Гамко, А. М. Макович // Предварительное расследование. – 2024. – № 2. – С. 62–66.
4. Каменецкий, Ю. Ф. Расследование хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере : монография : в 2 ч. / Ю. Ф. Каменецкий, В. П. Шие-нок. – Минск : СтройМедиаПроект, 2019. – Ч. 2: Следственная деятельность. – 281 с.
5. Шпак, С. В. Опровержение защитной версии обвиняемого по уголовному делу о хищении путем злоупотребления служебными полномочиями в форме незаконного премирования / С. В. Шпак // Предварительное расследование. – 2022. – № 1. – С. 77–81.
6. Архив Минского городского суда за 2016 г. – Уголовное дело № 2-15/6.
7. Архив суда Фрунзенского района г. Минска за 2020 г. – Уголовное дело № 1-593/20.
8. Приговор суда Московского района г. Минска от 28 мая 2014 г. № 102У23279 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 27.03.2025).
9. Бывший генерал ФТС Шашаев осужден на пять лет за злоупотребление полномочиями // Коммерсантъ : [сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5913557> (дата обращения: 01.04.2025).
10. Приговор оформили через электронную регистратуру // Коммерсантъ : [сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6000485> (дата обращения: 01.04.2025).
11. В Петербурге главу фирмы осудили условно за хищение 245 млн рублей на IT-госконтрактах // ТАСС : [сайт]. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19054301> (дата обращения: 01.04.2025).
12. Айтишники оцифровали себе срок // Коммерсантъ : [сайт]. – URL: www.kommersant.ru/doc/7583590#:~:text=Басманный%20суд%20признал%20Александра%20Бибикова,%20половиной%20до%20семи%20лет (дата обращения: 01.04.2025).
13. Болгарское поле чудес. Как «криптокоролева» Ружа Игнатова обманула весь мир // Аргументы и факты : [сайт]. – URL: https://www.aif.ru/amp/money/mymoney/bolgarskoe_pole_chudes_kak_kriptokoroleva_ruzha_ignatova_obmanula_ves_mir (дата обращения: 01.04.2025).
14. Ontwikkelaar van medische software verdacht van milioenenzwendel // Computable : [сайт]. – URL: <http://computable.nl/2025/02/05/ontwikkelaar-van-medische-software-verdacht-van-milioenenzwendel/> (toegangsdatum: 01.04.2025).

ПРОБЛЕМА АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОПРЕДЕЛЕНИИ АВТОРСТВА НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, СОЗДАННЫЕ ПРИ ПОМОЩИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Д.А. Куршук

студент 4 курса юридического факультета,
Белорусский государственный университет, kursukdenis@gmail.com

Аннотация. В статье отражены основные проблемы в определении авторства при определении человека как автора объекта интеллектуальной собственности, созданных при помощи искусственного интеллекта. Актуальность темы обусловлена резким возрастанием применения использования искусственного интеллекта при создании объектов интеллектуальной собственности. В статье присутствует анализ научной литературы; законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран; имеются предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, авторское право, искусственный интеллект, совершенствование законодательства, объекты интеллектуальной собственности.

Annotation. The article describes the main problems in determining authorship when defining a person as the author of an intellectual property object created using artificial intelligence. The relevance of the topic is due to the increase in the use of artificial intelligence in the creation of intellectual property objects. The article contains an analysis of scientific literature; legislation of the Republic of Belarus and foreign countries; there are proposals for improving the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: intellectual property law, copyright law, artificial intelligence, improvement of the legislation, intellectual property objects.

Актуальность темы статуса объектов интеллектуальной собственности, созданных с помощью искусственного интеллекта, обусловлена стремительным развитием технологий и их внедрением в различные сферы жизни. Так искусственный интеллект позволяет создавать такие объекты как музыкальные произведения; произведения прикладного дизайна; компьютерные программы и иные объекты интеллектуальной собственности. В связи с этим возникает правовая неопределённость: в частности, кто является автором объекта, созданного при помощи искусственного интеллекта.

В научной литературе сложились определённые подходы [1, с. 240], основные из которых: машиноцентрический (автором является модель искусственного интеллекта); гибридного авторства (автором являются одновременно модель искусственного интеллекта и физическое лицо); «нулевого авторства» (объект не имеет автора и переходит в общественное достояние); антропоцентрический подход.

При антропоцентрическом подходе предполагается, что автором объекта, созданного искусственным интеллектом, является исключительно физическое лицо, при этом есть два подхода:

1. Автор – пользователь модели искусственного интеллекта.
2. Автор – программист (создатель) модели искусственного интеллекта.

Если говорить о первом подходе, то возможно отметить, что юниты искусственного интеллекта изначально создаются разработчиками для определённых, вполне конкретных прагматических целей.

Такие авторы как Гённач Гюркайнак, Иллай Йылмаз, Тюркер Дойгун и Экин Инс отмечают, что «юниты искусственного интеллекта разрабатываются и обучаются с конкретными целями и/или практическими задачами, которые, как представляется, невозможно достичь и/или выполнить при помощи обычной вычислительной техники. Иными словами, юниты искусственного интеллекта создавались и создаются в качестве более умных инструментов для человечества» [1, с. 197].

Одно из мнений заключается в том, что произведения, созданные юнитом искусственного интеллекта, должны предоставляться его разработчикам «независимо от того, у кого в собственности находится сам этот юнит искусственного интеллекта, поскольку разработчик является первичным источником создания относительно соответствующего юнита искусственного интеллекта, принимая во внимание, что его программное оснащение написано этим лицом и что такое присвоение станет стимулом для разработчиков и дальше продолжать работать над технологией разработки юнитов искусственного интеллекта» [1, с. 200].

Вполне согласуется с этим подходом позиция В.Н. Синельниковой и О.В. Ревинского, считающих, что «компьютерные программы или иные инновационные технологии являются лишь инструментом получения новых результатов, права на которые должны принадлежать разработчикам программ» [2].

Возможно обозначить, что такой подход невозможно определить как «справедливый» в полной мере по отношению к пользователю модели искусственного интеллекта, который также вкладывает усилия и ресурсы в его создание. При признании программиста (правообладателя) автором объекта авторского права, созданного при помощи искусственного интеллекта, также может возникнуть проблема, что пользователи перестанут пользоваться искусственным интеллектом в силу отсутствия заинтересованности в этом, так как в любом случае авторство не будет принадлежать им.

Недостаток данного подхода заключается и в возможности программиста получить бесконечное количество объектов авторского права, защищённых авторским правом в случае создания модели искусственного интеллекта, направленной исключительно на создание объектов авторского права. По сути, будет создана «монополия» правообладателя искусственного интеллекта на объекты авторского права. Представляется невозможным реализация данного подхода без введения какого-либо «ограничителя», коим может выступать пользователь искусственного интеллекта.

Что касается автора как пользователя искусственного интеллекта, то он будет рассматриваться как физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение (согласно статье 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах»).

Как отмечает П.М. Морхат, «юнит искусственного интеллекта презюмируется и позиционируется просто как инструмент человека (например, его пользователя) в создании результатов интеллектуальной деятельности, соответственно пользователь юнита искусственного интеллекта (или иной человек) признаётся как правообладатель в отношении создаваемых юнитом искусственного интеллекта или с его участием результатов интеллектуальной деятельности» [1, с. 199].

Интеллектуальная деятельность физического лица при работе с искусственным интеллектом заключается в следующем: автор формулирует запрос (путём описания пространства, объектов, стиля и т.п.), имея представление об итоговом результате. Искусственный интеллект при этом является лишь инструментом воплощения задумки автора в заранее определённой автором форме. Иными словами, сам пользователь определяет элементы и какими они должны быть в работе, созданной искусственным интеллектом.

Так как существует конфликт между программистом (создателем) модели искусственного интеллекта и пользователем в определении автора результата деятельности искусственного интеллекта, то в доктрине предлагается: «Предусмотреть, что авторство в отношении и исключительное право на результат работы генеративного искусственного интеллекта может быть определено в соответствии с пользовательским соглашением по использованию платформы, на которой размещен соответствующий генеративный искусственный интеллект» [3, с. 83].

Разумность данного подхода объясняется так: «Он не противоречит действующему законодательству: творческий вклад в генерацию контента присутствует в любом случае, так что результат работы генеративного ИИ должен признаваться защищаемым объектом интеллектуальной собствен-

ности. При этом предусматриваются свобода воли сторон и высокая степень усмотрения разработчика ИИ на установление авторства, что представляется справедливым: им были затрачены существенные денежные, временные и иные ресурсы для создания системы искусственного интеллекта» [3, с. 83–84].

Резюмируя указанное ранее, возможно сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь:

1. По примеру п.3 ст.9 закона Великобритании «Об авторском праве» от 1988 года внести в пункт 1 статьи 8 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» подпункт 1-2 следующего содержания: «При создании объекта интеллектуальной собственности с помощью компьютерных технологий (в том числе, искусственного интеллекта), автором считается физическое лицо, которое предприняло необходимые меры для создания произведения, если иное не предусмотрено пользовательским соглашением по использованию платформы, на которой размещён соответствующий генеративный искусственный интеллект».

2. Внести в статью 8 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» пункт 4 следующего содержания: «Авторство и исключительное право на результат работы генеративного искусственного интеллекта может быть определено в соответствии с пользовательским соглашением по использованию платформы, на которой размещен соответствующий генеративный искусственный интеллект».

3. По примеру пп.1 п.1 ст.15 проекта Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» внести в пункт 1 статьи 8 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» подпункт 1-3 следующего содержания: «Правообладатель вправе осуществлять меры по защите своих прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные с использованием систем искусственного интеллекта».

Список использованных источников

1. Морхат, П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы / П. М. Морхат. – М., 2018. – 420 с.
2. Синельникова, В. Н. Права на результаты искусственного интеллекта / В. Н. Синельникова, О. В. Ревинский // Копирайт. – 2017. – № 4. – С. 17–27.
3. Аналитический доклад «Правовые проблемы использования искусственного интеллекта» / А.В. Минбалеев, М.Б. Добробаба, А.А. Ефремов [и др.]. – Москва : МГЮА, 2024. – 101 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТА ПРАВА ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Д.Д. Ландо

кандидат юридических наук, доцент, начальник юридического отдела,
ООО «ЛЕКСПАТЕНТ», Минск, Республика Беларусь, office@lexpatent.by,
доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права
юридического института, Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы, Москва, Российская Федерация, lando_dd@pfur.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных проблем использования объектов промышленной собственности в Республике Беларусь. Автор акцентирует внимание на изменении исчисления льготного срока неиспользования товарных знаков, особенностях применения норм о принудительных и открытых лицензиях, отдельных аспектах правового регулирования участия в государственных закупках.

Новизна исследования заключается в оценке норм законодательства с точки зрения формирования правоприменительной практики. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования изложенных выводов для совершенствования национального законодательства и выработки единообразных судебных подходов.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, использование изобретения, неиспользование товарного знака, открытая лицензия, право промышленной собственности, принудительная лицензия.

Abstract. The article is devoted to the analysis of current issues related to the use of industrial property objects in the Republic of Belarus. The author focuses on changes in the calculation of the grace period for non-use of trademarks, the peculiarities of applying the rules on compulsory and open licenses, certain aspects of legal regulation of participation in public procurement. The novelty of the research lies in the assessment of legislative provisions from the perspective of shaping law enforcement practice. The practical significance of the article consists in the possibility of using the conclusions to improve national legislation and to develop uniform judicial approaches.

Keywords: intellectual property, use of invention, trademark non-use, open license, industrial property law, compulsory license.

Согласно ч. 2 п. 1 ст. 983 Гражданского кодекса Республики Беларусь лицо, обладающее исключительным правом, вправе использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым не противоречащим закону способом, а также разрешать или запрещать его использование другим лицам. Перечисленные в норме правомочия имеют ключевое значение для понимания сути интеллектуальной собственности, что предопределяет важность рассмотрения различных аспектов использования объектов права промышленной собственности.

В 2025 году в Республике Беларусь активизировался процесс формирования судебной практики по делам, которые подтверждают, что использование изобретения, товарного знака – это не только право, но и обязанность правообладателя. Примерами возможных негативных последствий неиспользования указанных объектов являются принудительная лицензия и досрочное прекращение правовой охраны. К сожалению, доступ к решениям судов в настоящее время существенно ограничен, что затрудняет всесторонний анализ судебной практики, но позволяет сфокусироваться на отдельных вопросах правоприменения.

В 2024 году 3 из 19 дел с вынесением судебного постановления касались досрочного прекращения в Республике Беларусь правовой охраны товарного знака [1]. Полагаем, что нарабатанная практика рассмотрения дел данной категории позволяет делать обобщения на уровне постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларуси. При этом важно отразить особенности исчисления срока неиспользования в отношении международных регистраций товарных знаков, действующих в Республике Беларусь, а также изменение подхода к определению срока льготного неиспользования товарного знака. После вступления в силу Закона Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» в зависимости от даты регистрации товарного знака судом обоснованно, на наш взгляд, применялся либо пятилетний, либо трехлетний срок неиспользования. Затем подход изменился. Простое цитирование измененного 31 марта 2010 г. п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2005 г. № 9 «О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении гражданских дел, связанных с защитой права на товарный знак и знак обслуживания» нельзя признать достаточным основанием для изменения практики правоприменения. В указанном постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь должно появиться обоснование такого изменения или, как минимум, констатация распространения трехлетнего срока неиспользования на все товарные знаки независимо от даты их регистрации.

Обращения в суд с требованием о предоставлении принудительной простой (неисключительной) лицензии на использование определенных объектов право промышленной собственности, право на которые принадлежит другому лицу, достаточно редки. Соглашаясь с мнением о том, что нарушитель исключительного права не должен оправдывать свои действия желанием получить принудительную лицензию [2], отметим, что такие попытки предпринимаются. Поэтому если по каким-то причинам полноценное при-

существование правообладателя на рынке не представляется возможным, стоит задуматься о вариантах предоставления права использования объекта права промышленной собственности по классическому лицензионному договору, а также на основании открытой лицензии.

Открытые лицензии становятся все более популярными в Беларуси. Во многом это объясняется тем, что при опубликовании заявления об открытой лицензии патентные пошлины за поддержание в силе патента на изобретение, патента на полезную модель, патента на промышленный образец, патента на сорт растения уплачиваются в размере 50 процентов от установленного размера патентных пошлин начиная с года, следующего за годом публикации такого заявления (п. 4 ст. 297 Налогового кодекса Республики Беларусь).

В силу п. 1 ст. 37 Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» от 16 декабря 2002 г. опубликованное в официальном бюллетене сообщение об открытой лицензии, содержащее *условия о предмете, цене и сроке* лицензионного договора, является публичной офертой. На практике ни форма заявления об открытой лицензии, ни публикуемое предложение открытой лицензии [3, с. 21] не отражают цену и срок лицензионного договора. Фактически благодаря публикации заинтересованные лица получают только сведения об объекте, патентообладателе и адресе для переписки. Таким образом, можно поставить под сомнение транспарентность размещаемой информации и выполнения требования п. 2 анализируемой нормы (лицо, желающее использовать указанные изобретение, полезную модель, промышленный образец, вправе требовать от патентообладателя заключения с ним лицензионного договора *на условиях, соответствующих указанным в сообщении об открытой лицензии*).

Возможность региональной охраны изобретений и промышленных образцов актуализирует вопрос о применении норм об открытой лицензии в случае выдачи евразийских патентов. Сама по себе формулировка Закона «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» не создает никаких препятствий для подачи заявления о предоставлении открытой лицензии на основании евразийского патента. Специалисты ГУ «Национальный центр интеллектуальной собственности» подтверждают возможность опубликования такого предложения в соответствующем официальном издании. Но основания для снижения размера пошлины за поддержание евразийского патента в силе на территории Республики Беларусь в данном случае отсутствуют.

При рассмотрении дел судебной коллегией по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь в ряде случаев особое значение приобретает характер использования объекта права промышленной собственности. В силу абз. 4 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2005 г. № 9 «О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении гражданских дел, связанных с защитой права на товарный знак и знак обслуживания» в делах о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака льготный срок возможного неиспользования объекта прерывается при условии реального характера использования. Подобные требования отсутствуют применительно к иным категориям дел и иным объектам права промышленной собственности.

Есть основания предположить, что в 2025 году может начаться формирование новых подходов к пониманию такой формы использования запатентованных объектов, как предложение к продаже продукта, в котором применен такой объект. По факту выигрыша электронного аукциона и заключения с победителем аукциона договора на поставку продукта, в котором использовано изобретение, патентообладателем предпринимались усилия в судебном порядке предупредить ввоз через доказывание факта использования изобретения в форме предложения к продаже. И если в 2018 году при аналогичных вводных суд установил факт нарушения патента в форме предложения к продаже, то в 2025 году суд констатировал, что в такой ситуации имеет место введение в гражданский оборот не реального, а виртуального продукта, что не является нарушением исключительного права на изобретение. Если такой подход не обусловлен частным случаем в современных условиях торговли, его целесообразно отразить в тексте постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О применении законодательства при рассмотрении гражданских дел по спорам, связанным с созданием, правовой охраной и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов» от 23 декабря 2021 г. № 10.

Список использованных источников

1. Информация о результатах работы судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь за 2024 год // Верховный Суд Республики Беларусь : [сайт]. – URL: https://court.gov.by/ru/sup_court/int_prop/itogy/f63991f68983405c.html (дата обращения: 20.06.2025).
2. Принудительное лицензирование на объекты промышленной собственности // Верховный Суд Республики Беларусь : [сайт]. – URL: https://court.gov.by/ru/sup_court/int_prop/vopros/answers/a682ef7b45cb6fca.html/ (дата обращения: 20.06.2025).
3. Официальный бюллетень «Изобретения. Полезные модели. Промышленные образцы. Топологии интегральных микросхем» государственного учреждения «Национальный центр интеллектуальной собственности». – 2025. – № 1. – 23 с.

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

С.С. Лосев

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права,
Белорусский государственный университет,
sergei_losev@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты определения пределов осуществления исключительных прав в отношении объектов права интеллектуальной собственности. Автор рассматривает проблематику ограничения исключительных авторских и смежных прав, исчерпания исключительных прав, а также применения принудительных лицензий в целях противодействия злоупотреблениям со стороны патентообладателей. Автор приходит к выводам о целесообразности использования элементов доктрины *fair use* в отечественном институте авторского права и смежных прав, необходимости системного пересмотра норм законодательства в целях перехода к международному режиму исчерпания исключительных прав, а также о необходимости дальнейшего развития института принудительных лицензий в патентном праве.

Ключевые слова: гражданское право, право интеллектуальной собственности, исключительное право, ограничения исключительного права, исчерпание исключительного права, злоупотребление исключительным правом, авторское право и смежные права, патентное право.

Abstract. This article examines key aspects of determining the limits of exclusive rights to intellectual property. The author examines the issues of limiting exclusive copyright and related rights, exhaustion of exclusive rights, and the use of compulsory licenses to combat abuses by patent holders. The author concludes that it is appropriate to incorporate elements of the fair use doctrine in the domestic copyright and related rights system, that a systematic review of legislation is necessary to transition to an international regime of exhaustion of exclusive rights, and that the institution of compulsory licenses in patent law needs to be further developed.

Keywords: civil law, intellectual property law, exclusive right, limitations of exclusive right, exhaustion of exclusive right, abuse of exclusive right, copyright and related rights, patent law.

По своей сути любое исключительное право является легальной монополией, предоставляемой лицу для обеспечения его имущественного интереса. Однако современные исследователи все чаще обращают внимание на то, что права интеллектуальной собственности – это не только защищаемые законом частные права; объекты интеллектуальной собственности обладают социально-экономической, культурной либо научной ценностью,

в связи с чем возможность доступа к ним представляет собой признаваемый и охраняемый общественный интерес [1, с. 3]. Поэтому монополия субъекта исключительного права не должна быть безгранична – для достижения баланса интересов обладателей исключительных прав и интересов третьих лиц, общества в целом и государства вводятся ограничения этих прав, обеспечивающие для творца лишь ограниченную монополию на результат труда [2, с. 208-209], а основной проблемой права интеллектуальной собственности становится поиск и законодательное закрепление баланса частных интересов правообладателей и интересов третьих лиц, включая интересы общества в целом.

Как было отмечено в заявлении Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, «... в конечном счете, интеллектуальная собственность представляет собой социальный продукт и имеет социальную функцию. Защита интеллектуальной собственности должна служить цели обеспечения благосостояния человека, а свое правовое выражение данная цель находит в международных инструментах по защите прав человека» [3]. К их числу относятся Всеобщая декларация прав человека (1948), которая закрепляет право каждого человека свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами (ст.27(1)), и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), в котором упоминается право каждого человека на пользование результатами научного прогресса и их практического применения (ст.15(1)). Тем самым на уровне основополагающих международных правовых актов декларируется необходимость поиска **баланса интересов** обладателей прав интеллектуальной собственности и общества, заинтересованного в получении доступа к достижениям науки и культуры, в том числе охраняемым в качестве объектов интеллектуальной собственности.

Проблематика баланса интересов занимает особое место в доктрине права интеллектуальной собственности. Как отмечает Е. Б. Леанович, с самого зарождения права интеллектуальной собственности было очевидно, что введение монополии в пользу одного лица должно осуществляться на основе баланса интересов творца и пользователя; однако современный мир заставляет расширять количество заинтересованных сторон и, учитывая наличие особых, конкурирующих интересов, отнести к ним государство, правообладателей, авторов и пользователей [4, с. 12-13].

Чаще всего в качестве инструмента достижения баланса интересов правообладателей и пользователей рассматривают устанавливаемые зако-

нодателем *ограничения исключительного права*, суть которых состоит в предоставлении заинтересованным лицам возможности использования охраняемых объектов интеллектуальной собственности без согласия правообладателя и выплаты вознаграждения либо без согласия, но с выплатой вознаграждения.

Однако к вопросу баланса интересов нужно подходить шире, включая в него также такие аспекты как определение содержания исключительного права, вопрос о соотношении исключительного права и права собственности на материальные объекты, в которых воплощены объекты интеллектуальной собственности, а также проблемы злоупотребления исключительным правом.

Как отмечает в своей диссертации А. С. Ворожевич, границы исключительных прав должны «пролагаться» ровно в том месте, где исключительное право перестает служить целям инновационного и научно-культурного развития и начинает, напротив, мешать, блокировать его; при этом найти подобный баланс, по мнению автора, крайне сложно [1, с. 5]. Данный автор предлагает рассматривать границы исключительного права как правовой институт, разделяющий сферу контроля правообладателя и сферу свободного использования объекта (его отдельных элементов) всеми иными лицами. При этом действия правообладателя «внутри» подобных границ представляют собой осуществление его права, а за их рамками любые иные лица могут использовать объект интеллектуальных прав без согласия на то правообладателя, и у таких лиц не возникает самостоятельного субъективного права на объект интеллектуальных прав сложно [1, с. 14].

Традиционным инструментом определения границ осуществления исключительного права и достижения баланса интересов является *ограничение исключительного права*. Основопологающая норма содержится в ст.983 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК): ограничения исключительного права путем предоставления возможности использования объекта интеллектуальной собственности без согласия (разрешения) обладателя исключительного права допускается в случаях, пределах и порядке, установленных законом. Конкретные ограничения исключительных прав в отношении отдельных объектов интеллектуальной собственности закреплены в законах Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», «О патентах на сорта растений», «О правовой охране топологий интегральных микросхем».

Безусловно, для институтов авторского права и смежных прав, с одной стороны, и патентного права, с другой, проблематика ограничения исключительного права имеет свою специфику. При этом следует отметить, что наибольшее значение ограничения исключительного права имеют именно для авторского права и смежных прав.

В Беларуси, как и в других государствах, принадлежащих к континентальной правовой семье и следующих концепции *droit d'auteur*, ограничения исключительного права на произведение подчиняются принципу *numerous clausus*, т. е. определены исчерпывающим образом и, как правило, толкуются ограничительно. Следствием такого подхода является то, что появление новых технологий использования произведений требует внесения изменений в законодательство для закрепления новых допускаемых ограничений исключительного авторского права, характерных для таких новых способов использования.

В законодательстве государств англосаксонской правовой семьи, следующих концепции *copyright*, ограничения исключительных прав в основном реализуются в рамках доктрины добросовестного использования (*fair use*) [5, с. 20]. Как отмечает В. О. Калятин, доктрина *fair use*, сформулированная судебной практикой, в максимально упрощенном виде предусматривает возможность свободного использования объектов авторского права в случае, если такое использование является разумным [6, с. 137].

В качестве тенденции, присущей развитию национальных законодательств стран мира, применяющих «закрытую» систему ограничений исключительного авторского права, можно назвать стремление как законодателя, так и суда придать этой системе большую гибкость. В этой связи проф. П. Сиригелли отмечает, что «... истина, возможно, находится между двумя подходами», что может выражаться в системе, которая является *a priori* закрытой, но при этом дополнена возможностью проявления определенной гибкости с использованием критерия «добросовестное поведение». При этом, допуская возможность для суда в определенных случаях выходить за рамки, установленные законом, необходимо предложить суду четкий критерий, позволяющий оценивать правомерность несанкционированного использования охраняемого произведения за пределами законодательно определенных границ допускаемого свободного использования [7]. В этой связи концептуальным направлением развития отечественного законодательства об авторском праве и смежных правах видится внедрение элементов доктрины *fair use*, когда приведенный в законе перечень случаев допускаемого свободного

использования будет определен как открытый указанием на возможность свободного использования в иных случаях, когда такое использование обусловлено общественным интересом, носит некоммерческий характер и признается добросовестным.

На сегодняшний день универсальным критерием для решения вопроса о допустимости установления новых ограничений исключительного авторского и смежного права, прямо не названных в международных договорах, является «трехступенчатый тест», предусмотренный нормами Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (1886 г.), Договором ВОИС по авторскому праву (1996 г.), а также Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (1994 г.). При этом особое значение применение «трехступенчатого теста» приобретает в связи с решением вопроса о допускаемых ограничениях исключительного авторского права (смежных прав) при использовании объектов в цифровой среде, поскольку действующие в настоящее время международные договоры не содержат норм, специально посвященных таким ограничениям. В качестве возможной области практического применения «трехступенчатого теста» в отечественном законодательстве может стать установление дополнительного ограничения исключительного права на сообщение для всеобщего сведения произведений и объектов смежных прав в целях обеспечения доступа к охраняемым объектам в рамках образовательного процесса.

Еще одним аспектом определения пределов осуществления исключительного права является его *исчерпание*. Вопрос о соотношении исключительного права на объект интеллектуальной собственности и права собственности на материальный объект, в котором воплощен объект интеллектуальной собственности, всегда был предметом научной дискуссии. Однако в наши дни справедливо говорить уже не о соотношении, а о коллизии указанных прав. Как отмечает В. О. Калятин, классическое понимание права собственности базируется на восприятии его как наиболее абсолютного права, предоставляющего правообладателю максимально возможный контроль над объектом. При формировании конструкции права на результаты интеллектуальной деятельности ставилась цель добиться того же. Сочетание функционального совпадения двух рассматриваемых прав с разнонаправленностью векторов вещного и интеллектуального правоотношения с неизбежностью приводит к конфликту двух прав в случае принадлежности исключительного права на произведение и вещного права на носитель произведения разным лицам [8, с. 55-56]. При этом по мнению В. О. Калятина при

конфликте права собственности с исключительным правом последнее будет иметь существенное преимущество [8, с. 61]. Аналогичную позицию занимает российский правовед Н. А. Кастерин, отмечая, что «... российский правопорядок ставит интеллектуальные права выше вещных прав, делает интеллектуальные права сильнейшими из всех видов субъективных прав, снабжая их беспрецедентными средствами защиты, хоть и формально не провозглашая очевидного приоритета» [9, с. 112].

Данное утверждение справедливо и в отношении белорусского законодательства. В ст.984 ГК закреплён фундаментальный принцип, продублированный в ряде специальных законов применительно к отдельным объектам интеллектуальной собственности: исключительное право на объект интеллектуальной собственности действует независимо от права собственности на материальный объект, в котором такой объект интеллектуальной собственности выражен (применен). Однако системный анализ норм законодательства позволяет говорить о существенном дисбалансе между правами вещными и правами исключительными. Согласно норме п.2 ст.210 ГК собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству ... и не ущемляющие прав и защищаемых законом интересов других лиц; согласно норме абз.2 п.1 ст.983 ГК лицо, обладающее исключительным правом, вправе использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым не противоречащим закону способом, а также разрешать или запрещать его использование другим лицам. Как видно из сравнения приведенных норм, законодатель, устанавливая в качестве предела осуществления права собственности необходимость учета прав других лиц, не делает этого в отношении исключительного права, делая акцент на законодательном определении границ исключительного права.

Именно для определения границы между исключительным правом и правом собственности был создан институт исчерпания исключительного права. Обобщая доктринальные положения, исчерпание исключительного права можно определить следующей формулой: «Если право собственности на товар, в котором выражен результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, переходит к другому лицу (товар поступает в гражданский оборот), исключительное право на объект, выраженный в этом товаре, считается реализованным, «исчерпанным», т.е. прекращается. Иными словами, товар ... поступает в свободный гражданский оборот; об-

ладатель исключительного права не может потребовать запретить или ограничить дальнейший гражданский оборот этого товара либо обусловить его выплатой какого-либо вознаграждения» [10, с. 37].

Как отмечают исследователи, доктринальное учение об исчерпании исключительных прав было разработано немецким цивилистом Йозефом Колером в конце XIX в. и стало применяться судебной-правовой практикой при разрешении коллизий, связанных с интересами владельцев прав интеллектуальной собственности и интересами торговых организаций. Его суть состояла в том, что исключительные права подлежат исчерпанию (прекращению), если товар, в отношении которого действуют патентные или авторские права, либо на котором размещен товарный знак, введен в оборот либо самим правообладателем, либо третьим лицом, действующим с его согласия [11, с. 44]. Отправным для оформления доктрины исчерпания прав на товарный знак послужило вынесенное в 1902 г. решение немецкого суда по делу *Kölnisch Wasser*. Из решения суда следовало, что исключительные права на товарный знак не должны создавать монополии для правообладателя в отношении продвижения товара в хозяйственном обороте; в противном случае была бы сведена на нет идея свободной конкуренции на товарных рынках и существенным образом ограничено свободное перемещение товаров [11, с. 33-34].

Как отмечает проф. О. А. Городов, доктрина исчерпания исключительных прав стала тем инструментом, который позволил снять или, по меньшей мере, смягчить имеющие место противоречия как между монопольным характером исключительного права и принципом свободы перемещения товаров на территории одного государства (национальный аспект), так и между территориальным характером действия исключительного права и международными экономическими требованиями свободной торговли (международный аспект). В условиях глобализации международной торговли значение доктрины исчерпания исключительных прав, выбор масштаба и объема прав, подлежащих исчерпанию на ее основе, обретают особое значение, поскольку с опорой на них осуществляется реализация государственной политики по отношению к феномену так называемого параллельного импорта и формирование национальных подходов к юридической оценке актов недобросовестной конкуренции [12, с. 17-18].

Следует отметить, что вопросы исчерпания исключительного права актуальны не только в отношении товарных знаков. Как отмечается в обзоре «Ограничения и исключения из патентных прав: исчерпание патент-

ных прав», подготовленном Постоянным комитетом ВОИС по патентному праву на основании проведенного опроса 76 государств, участвующих в работе комитета, около трети государств применяют международный режим исчерпания. При этом цель государственной политики в части исчерпания патентных прав заключается в «достижении надлежащего баланса прав» (США), «обеспечении баланса между владельцами прав интеллектуальной собственности и потребителем» (Бутан), «установлении ограничений на осуществление прав промышленной собственности в целях достижения баланса в системе и стимулирования конкуренции» (Чили), а также «диверсификации источников товаров по конкурентным ценам» (Вьетнам) [13].

Как отмечают специалисты, в настоящее время на международном уровне нет унифицированного подхода в вопросе исчерпания исключительных прав. Страны мира свободны в выборе подходов и установлении их собственных норм в отношении исчерпания исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, включая товарные знаки, в соответствии со своими экономическими и политическими интересами [14]. Действующее для государств-членов ВТО Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС) в статье 6 «Исчерпание прав» предусматривает, что «... ничто в настоящем Соглашении не должно использоваться для решения вопроса об исчерпании прав интеллектуальной собственности» [15]. Еще более четко данное правило было сформулировано в Дохийской декларации о ТРИПС и охране общественного здоровья – согласно п.5(d) декларации каждый член ВТО свободен в установлении режима исчерпания прав интеллектуальной собственности [16]. Иными словами, вопрос определения принципа исчерпания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности – национальный, региональный или международный – отдан на усмотрение национального законодателя. При этом, по мнению международных экспертов, режим международного исчерпания, не предполагающий каких-либо различий в отношении стран, в отношении которых происходит первое введение товара, содержащего объект интеллектуальной собственности, в гражданский оборот в наибольшей степени соответствует правилам ВТО, – международный режим исчерпания не устанавливает барьеров торговле, в связи с чем полностью соответствует цели либерализации торговли, предусмотренной ГАТТ [17].

Следует отметить, что выбор применимого режима исчерпания права основан, в первую очередь, не на правовой, а на экономической составляю-

щей; при этом каждое государство, исходя из своих национальных интересов, само определяет, какой режим оно устанавливает. В то же время, как отмечают исследователи, «... глобализация торговли и более широкое распространение товаров в последние годы, похоже, подталкивает страны к общему признанию теории международного исчерпания права на товарные знаки и параллельного ввоза товаров с такими товарными знаками» [18, с. 41]. Как отмечает проф. Ш. Гхош, доктрина исчерпания прав дискуссионна отчасти потому, что признает ограничения прав обладателя интеллектуальной собственности. Обладателями прав интеллектуальной собственности в основном являются большие компании, имеющие политическое и экономическое влияние, в то время как пользователи товаров, содержащих права интеллектуальной собственности, рассредоточены, а их политическое и экономическое влияние обычно слабее. Вследствие политического давления на законодательные и судебные органы происходит ограничение принципа исчерпания прав в виде установления требований к объему применения доктрины исчерпания прав через такие меры как определение того, кто является законным покупателем и какие сделки составляют продажу; географического охвата применения доктрины исчерпания прав, ограничивающего ее применение к продажам, осуществленным полностью в границах какого-либо государства [19, с. 28].

Нормы об исчерпании исключительного права предусмотрены законодательством Беларуси в отношении большинства объектов права интеллектуальной собственности. При этом белорусский законодатель в отношении большинства объектов устанавливает национальный режим исчерпания исключительного права, означающий, что исключительное право на объект интеллектуальной собственности, воплощенный в вещи, позволяет его обладателю контролировать нахождение такой вещи в гражданском обороте и, в первую очередь, не допускать ее ввоза на территорию Беларуси; вещь становится полностью подконтрольной собственнику только после того, как она будет введена в гражданский оборот на территории Республики Беларусь с согласия обладателя исключительного права. Нарушение данного правила превращает легально произведенный товар в контрафактный и является основанием для прекращения права собственности на него (подп.10¹ п.2 ст.236 ГК).

Экономические санкции, введенные в отношении Республики Беларусь рядом недружественных государств, а также бойкот рядом зарубежных правообладателей белорусского рынка обусловили необходимость принятия

временного закона – Закона Республики Беларусь от 3 января 2023 г. № 241-3 «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности» (далее – Закон № 241-3). Ст.3 Закона № 241-3 предусматривает установление в отношении товаров, включенных в специально формируемые перечни, международного режима исчерпания исключительных прав в отношении всех объектов интеллектуальной собственности, содержащихся в таких товарах после правомерного введения товаров в гражданский оборот на территории любого государства. Срок действия Закона № 241-3 заканчивается 31 декабря 2026 г.

Однако помимо проблем, обострившихся в контексте санкционного давления, и решаемых путем принятия чрезвычайного и временного закона, нельзя не обращать внимание на внутренние проблемы, которые и ранее были присущи отечественному законодательству в вопросе соотношения исключительного права и права собственности. Наиболее сложной видится проблема исчерпания исключительного права в отношении компьютерных программ. Закрепленный в норме п.2 ст.16 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» принцип национального исчерпания исключительного авторского права, определяемый формулой «если экземпляры введены с разрешения правообладателя в гражданский оборот на территории Республики Беларусь посредством их продажи или иной передачи права собственности», нивелируется специальной нормой п.2 ст.13 Закона, признающей за правообладателем в отношении компьютерной программы исключительное право разрешать запуск и работу с ней (использование заложенных в компьютерную программу функциональных возможностей), а предусмотренная нормой п.3 этой же статьи возможность лица, правомерно владеющего экземпляром компьютерной программы, осуществлять указанные действия, ограничивается формулировкой «... на условиях, установленных правообладателем».

Из приведенных норм следует, что переход права собственности на вещь, содержащую в себе компьютерную программу, не прекращает контроль правообладателя в отношении использования такой программы; поэтому в отсутствие у нового собственника лицензионных отношений с правообладателем последний может потребовать прекращения использования программы, что может сделать невозможным использование самой вещи. Белорусский законодатель установил абсолютный приоритет интересов правообладателя компьютерной программы над интересами собственника вещи. С развитием техники все больше вещей содержат в себе предустановлен-

ное программное обеспечение, без которого такие вещи не могут быть использованы по своему назначению, вопрос исчерпания исключительного права на компьютерные программы приобретает особую актуальность.

Решение обозначенных проблем видится в **системном пересмотре норм законодательства Беларуси, посвященных исчерпанию исключительного права**. Опуская долгие рассуждения о достоинствах и недостатках известных мировой практике режимов исчерпания исключительного права (национальный, региональный и международный), можно сделать вывод о том, что именно международный режим исчерпания обеспечивает наиболее оптимальный баланс интересов собственника вещи и обладателя исключительного права на объект интеллектуальной собственности, воплощенный в ней. При этом в основу норм об исчерпании исключительного права должен быть положен очень простой принцип: «исключительное право на объект интеллектуальной собственности, воплощенный в вещи с согласия правообладателя, не может препятствовать собственнику вещи в ее использовании в соответствии с назначением вещи».

Еще одним аспектом определения пределов осуществления исключительного права является применение правовых мер, призванных корректировать порядок осуществления исключительного права в случаях, когда действия (бездействие) его обладателя может квалифицироваться как злоупотребление правом. Одним из первых инструментов, призванных противодействовать злоупотреблению правом, стал **институт принудительных лицензий**, получивший развитие преимущественно в рамках патентного права. Именно предотвращение злоупотреблений со стороны патентообладателя было названо в качестве цели для выдачи принудительных лицензий в норме статьи 5(2) Парижской конвенции по охране промышленной собственности (1883). Как отмечают современные правоведы, главное назначение принудительных лицензий состоит в пресечении попыток патентообладателя воспрепятствовать своим исключительным правом развитию соответствующих сфер науки, техники ... либо блокировать деятельность конкурентов в этих сферах [20, с. 57].

Как мы отметили выше, основой для формирования института принудительных лицензий стали нормы ст.5А(2) Парижской конвенции по охране промышленной собственности (1883 г.), которые предоставляют государствам-участникам право принять законодательные меры, предусматривающие выдачу принудительных лицензий, для предотвращения злоупотреблений, которые могут возникнуть в результате осуществления исключитель-

ного права, предоставляемого патентом. Следует особо отметить, что Парижская конвенция не ограничивает участвующие в ней государства в целях, для которых может использоваться механизм принудительного лицензирования. Как отмечает д-р Г. Боденхаузен, «... к другим случаям таких злоупотреблений можно отнести случаи, когда обладатель патента, хотя и использует его в конкретной стране, отказывается предоставить лицензии на разумных условиях и тем самым тормозит развитие промышленности, или же устанавливает чрезмерно высокие цены на свою продукцию» [21, с. 87].

В настоящее время более 150 государств мира предусматривают в своем законодательстве возможность предоставления принудительных лицензий [22]. При этом следует привести слова проф. К. Виссера о том, что термин «принудительная лицензия» используется как общий термин, охватывающий различные виды недобровольного разрешения на осуществление прав патентообладателя [23, с. 10].

В 2014 г. Институт Макса Планка в Мюнхене собрал более сорока ведущих мировых ученых в области права интеллектуальной собственности и конкуренции из 25 стран мира и подготовил совместную декларацию, в которой изложил основные вызовы, вставшие перед законодателями и правоприменителями. В данной декларации, которая получила название «Декларация о патентной охране: законодательный суверенитет в условиях ТРИПС» (далее – Декларация о патентной охране), отмечается, что, «... поскольку патентное законодательство является элементом инновационной системы, оно должно быть адаптировано к потребностям инновационного развития конкретных государств, в том числе к конкретным условиям рыночной конкуренции в них». В целях обеспечения эффективной работы патентной системы как инструмента стимулирования инноваций патентная охрана должна предоставляться в зависимости от текущих социально-экономических условий функционирования рынка и в том объеме, который конкретно необходим для работы данного рынка с учетом всех выгод и потерь от введения патентной охраны». Более того, по мнению авторов Декларации о патентной охране, «... страны должны иметь свободу усмотрения в построении той системы патентной охраны, которая в наибольшей степени отвечает их технологическим возможностям, равно как и социальным, экономическим и культурным потребностям и приоритетам». Одним из инструментов балансирования работы патентной системы авторы Декларации называют ***институт принудительного лицензирования***, отмечая, что принудительное лицензирование обеспечивает эффективность работы

инновационных рынков путем снижения рисков использования патентов как барьеров для изобретательства и инноваций [24].

В исследовании, подготовленном по заказу Комитета по патентному праву ВОИС, приводится развернутый перечень оснований, в силу которых в странах мира могут выдаваться принудительные лицензии, а именно: 1) неиспользование или недостаточное использование запатентованного изобретения; 2) невозможность использования зависимого патента; 3) осуществляемая патентообладателем антиконкурентная практика и /или недобросовестная конкуренция; 4) чрезвычайное положение в стране или обстоятельства крайней необходимости, требующие использования запатентованного объекта; 5) необходимость обеспечения общественного интереса; 6) общественное некоммерческое использование; 7) невозможность патентообладателя удовлетворить потребности рынка на разумных условиях; 8) при использовании патента не удовлетворены разумные потребности общества; 9) необходимость предоставления принудительных лицензий в отношении фармацевтических продуктов на производство или экспорт в страны с недостаточными или отсутствующими производственными мощностями в фармацевтическом секторе; 10) принудительное перекрестное лицензирование в случае взаимной зависимости между сортами растений и запатентованными изобретениями [22].

Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» предусматривает возможность предоставления трех видов принудительных лицензий: 1) в связи с продолжительным неиспользованием (недостаточным использованием) изобретения, полезной модели, промышленного образца; 2) для использования зависимого изобретения (полезной модели); 3) в целях обеспечения национальной безопасности, обороны государства, охраны и защиты жизни и здоровья людей (ст.38 Закона).

Насколько данных норм достаточно для обеспечения баланса интересов всех участников отношений, связанных с использованием защищенных патентами решений: правообладателей, иных участников рынка, потребителей товаров (работ, услуг), в которых реализованы запатентованные решения, лиц, осуществляющих научные исследования и т.п.? Принудительная лицензия, которая может быть выдана по истечении трехлетнего периода неиспользования защищенного патентом решения, не применима в ситуации, когда необходимо обеспечить доступ к определенным технологиям или обеспечить национальный рынок определенными товарами,

в том числе в контексте противодействия вводимым в отношении Беларуси секторальным санкциям. Новый вид принудительных лицензий, целью предоставления которых названо «обеспечение национальной безопасности, обороны государства, охрана и защита жизни и здоровья людей» (п.3 ст.38 Закона «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы»), как представляется, может быть применен только в особой ситуации, примером которое может быть недавняя пандемия COVID-19.

Очевидно, что белорусскому законодательству не достает более гибкого инструмента для обеспечения баланса интересов патентообладателей и третьих лиц. В этой связи стоит обратить особое внимание на такой вид принудительных лицензий, упоминавшихся выше, как принудительные лицензии, выдаваемые *в связи с осуществлением патентообладателем антиконкурентной практики*. Отметим, что данный вид принудительных лицензий известен законодательству ряда государств, участвующих совместно с Беларусью в процессе евразийской интеграции: Патентный закон Республики Казахстан в числе возможных оснований для предоставления судом принудительных лицензий называет предоставляемых в ситуации злоупотребления патентообладателем своими исключительными правами, содействия или непрепятствования злоупотреблению такими исключительными правами другим лицом с его согласия; Закон Республики Армения «О патентах» называет, в числе прочего, возможность предоставления принудительных лицензий в связи с недобросовестным осуществлением патентных прав, в том числе ограничением конкуренции.

Возможность ограничения прав патентообладателей в контексте государственного антимонопольного регулирования прямо признается на уровне глобальных международных соглашений. Действующее для государств-членов ВТО Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности в статье 40 предусматривает, что «... ничто в настоящем Соглашении не препятствует членам указывать в своем законодательстве виды лицензионной практики или условия, которые в отдельных случаях могут являться злоупотреблением правами интеллектуальной собственности, оказывая неблагоприятное воздействие на конкуренцию на соответствующем рынке. ... член может в соответствии с другими положениями настоящего Соглашения принимать надлежащие меры, чтобы предотвращать или контролировать такую практику».

В уже упоминавшемся исследовании, подготовленном для Комитета по патентному праву ВОИС, отмечается, что принудительное лицензиро-

вание в связи с антиконкурентной практикой патентообладателя может основываться как на общем запрете антиконкурентных действий, так и на совершении патентообладателем конкретных действий, таких как необоснованное завышение цены, применение преференциального режима в отношении цен и условий продажи, необеспечение внутреннего рынка запатентованным продуктом, необоснованное прекращение производства запатентованного продукта, осуществление прав способом, который отрицательно влияет на передачу технологий. В числе стран, законодательство которых прямо предусматривает возможность принудительного лицензирования в целях пресечения антиконкурентной практики, названы Аргентина, Бразилия, Канада, Саудовская Аравия, Филиппины, Чили и др. [22, с. 14].

Включение в патентное законодательство Беларуси норм, предусматривающих названное основание для предоставления принудительных лицензий, потребует *корректировки антимонопольного законодательства*. Как отмечают исследователи, антимонопольное регулирование и защита исключительных прав исторически развивались как две независимые отрасли права. Однако в большинстве как развитых, так и развивающихся государств за последние 20 лет произошел практически полный отказ правовой доктрины от идеи несовместимости данных отраслей права: конкурентного права, которое ограничивает монополию в интересах защиты конкуренции, и права интеллектуальной собственности, которое представляет собой разрешенную государством «искусственную монополию». Более того, данные отрасли с точки зрения современной доктрины должны находиться в отношении комплиментарности, поскольку санкционированные государством исключительные права защищают только правовую монополию, тогда как рыночной конкуренции препятствует деятельность экономических монополий, которая регулируется средствами конкурентного права. ... Конкурентное право и право интеллектуальной собственности различаются по предметным сферам и методам регулирования, однако существует цель, которая их объединяет: и право интеллектуальной собственности, и антимонопольное право должны обеспечить инновационное экономическое развитие [25, с. 215].

В этой связи следует обратить внимание на норму ст.20 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», согласно которой запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов не распространяется «... на соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении прав исполь-

зования результата интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации юридического лица, товаров». Приведенная норма представляет собой так называемый «иммунитет», не допускающий применения мер антимонопольного регулирования в отношении, в первую очередь, лицензионной практики патентообладателей, ограничивающих возможности других участников рынка, заинтересованных в получении права на использование защищенных патентами решений, заведомо неприемлемыми условиями лицензий.

В зарубежной практике в последнее десятилетие сформировалась так называемая «концепция FRAND» (*Fair, Reasonable and Non-Discriminatory*) – справедливый, разумный и недискриминационный), предполагающая, что обладатели патентов, имеющих критическое влияние на отдельные области техники и технологий, не могут злоупотреблять своими правами, устанавливая неприемлемые условия лицензии или отказываясь от ее предоставления другим участникам рынка [26]. Механизмом имплементации «концепции FRAND» в отечественную правоприменительную практику, как представляется, может стать включение в патентное законодательство Республики Беларусь норм, предусматривающих возможность предоставления принудительной лицензии в административном порядке на основании решения антимонопольного органа, признающего лицензионную политику патентообладателя антиконкурентной, с одновременным исключением из патентного законодательства существующего иммунитета.

Список использованных источников

1. Ворожевич, А. С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты : дисс. ... докт. юрид. наук / Ворожевич Арина Сергеевна; Моск. гос. ун-т. – Москва : МГУ, 2021. – 546 с.
2. Микрюков, В. А. Ограничения и обременения гражданских прав / В. А. Микрюков. – М.: Статут, 2007. – 255 с.
3. Human Rights and Intellectual Property. Statement of Committee on Economic, Social and Cultural Rights. United Nations. Document № C.12/2001/15 [Electronic resource] // United Nations. The Office of the High Commissioner for Human Rights. – URL: <https://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/docs/statements/E.C.12.2001.15HRIntel-property.pdf> (date of access: 19.08.2025).
4. Леанович, Е. Баланс интересов как основа развития права интеллектуальной собственности / Е. Леанович // Журнал международного права и международных отношений. – 2013. – № 1. – С. 11-17.
5. Лепаж, Анн. Обзор изъятий и ограничений авторского права в цифровой среде / Анн Лепаж // Авторское право. Бюллетень UNESCO. – Том XXXVII. – 2003. – № 1. – С. 3-27.

6. Калятин, В. О. О некоторых тенденциях развития концепции «добросовестного использования» в современном авторском праве стран «общего права» / В. О. Калятин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – С. 134-142.
7. Exceptions and Limits to Copyright and Neighboring Rights / WCT-WPTT/IMP/1 [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. – URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/wct_wppt_imp/wct_wppt_imp_1.pdf (date of access : 19.08.2025).
8. Калятин, В. О. О соотношении исключительного права с правом собственности в современном информационном обществе / В. О. Калятин // Закон. – 2018. – № 5. – С. 54-62.
9. Кастерин, Н. А. Конкуренция вещных и интеллектуальных прав: в поисках баланса / Н. А. Кастерин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2022. Вып. 3(37). – С. 111-117.
10. Гаврилов, Э. Принцип исчерпания исключительного права и его толкование в постановлении Конституционного Суда РФ / Э. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2018. – № 5. – С. 36-46.
11. Пирогова, В. В. Исчерпание исключительных прав и параллельный импорт / В. В. Пирогова. – М.: Статут, 2008. – 155 с.
12. Городов, О. А. К доктрине исчерпания исключительного права / О. А. Городов // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2013. – № 6. – С. 17-25.
13. Ограничения и исключения из патентных прав: исчерпание патентных прав [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности / Постоянный комитет по патентному праву / SCP/21/7. – URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/ru/scp_21/scp_21_7.pdf (дата обращения: 30.08.2025).
14. Сесицкий, Е. Исчерпание прав на товарные знаки и параллельный импорт [Электронный ресурс] / Е. Сесицкий, Е. Шехтман // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2025.
15. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : [подписано в г. Марракеше 15.04.1994 г.] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. – URL: www.wipo.int/wipolex/en/other_treaties/details.jsp?treaty_id=231 (дата обращения: 30.08.2025).
16. Declaration on the TRIPS agreement and public health / WT/MIN (01) DEC/2 [Electronic resource] // World Trade Organization. – URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min01_e/mindecl_trips_e.htm (date of access : 30.08.2025).
17. Jerome H. Reichman [и др.] The WTO Compatibility of a Differentiated International Exhaustion Regime [Electronic resource] // Евразийская экономическая комиссия. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/Documents/WTO%20Compatibility%20of%20Exhaustion%20Regimes_EEC_SkHSEreport.pdf (дата обращения: 30.08.2025).
18. Прищепова, Е. Е. Гибкий подход к применению международного принципа исчерпания права на товарный знак / Е. Е. Прищепова // ИС. Промышленная собственность. – 2020. – № 9. – С. 41-48.
19. Гхош, Ш. Имплементация доктрины исчерпания прав: выводы, основанные на национальном опыте / Гхош Шубха // Торговая политика. – 2015. – № 3. – С. 26-52.

20. Зенин, И. А. Исключительное интеллектуальное право (право интеллектуальной собственности) как предмет гражданского оборота // Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды) : Сборник научных трудов / И. А. Зенин. – М.: Статут, 2015. – 525 с.
21. Боденхаузен, Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности : комментарий / Г. Боденхаузен ; пер. с фр. Тумановой Н. Л. ; под ред. Богуславского М. М. – Москва : Прогресс, 1977. – 306 с.
22. Draft reference document on the exception regarding compulsory licensing / Standing Committee on the Law of Patents. Thirtieth Session. Geneva, June 24 to 27, 2019 [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. – URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/en/scp_30/scp_30_3-main1.pdf (date of access: 31.08.2025).
23. Patent exceptions and limitations in the health context by Coenraad Visser / SCP/15/3. Experts' Study on Exclusions from Patentable Subject Matter and Exceptions and Limitations to the Rights [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. – URL: https://www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsp?doc_id=154817 (date of access: 31.08.2025).
24. Declaration on Patent Protection. Regulatory Sovereignty under TRIPS [Electronic resource] // Max Planck Gesellschaft. – URL: <https://www.mpg.de/8132986/patent-declaration.pdf> (date of access: 31.08.2025).
25. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; ФАС России; под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова и Е.А.Войниканис. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. – 391 с.
26. Ménière, Y. Fair, Reasonable and Non-Discriminatory (FRAND) Licensing Terms. Research Analysis of a Controversial Concept [Electronic resource] // European Commission. JRC Publications Repository. – URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC96258> (date of access: 02.09.2025).

ПАТЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПОЛЕЗНОЙ МОДЕЛИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

К.М. Мехмонов

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Гражданское право»,
Ташкентский государственный юридический университет*

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правового регулирования института полезной модели в Республике Узбекистан в контексте реализации Стратегии «Узбекистан–2030». Рассматриваются условия патентоспособности полезной модели, особенности процедур подачи, экспертизы и выдачи патента, а также механизмы защиты прав патентообладателей. Особое внимание уделено критериям новизны и промышленной применимости, которые отличают полезную модель от изобретения. Автор анализирует изменения в законодательстве, включая цифровизацию патентных процедур и введение специализированных уголовно-правовых механизмов охраны интеллектуальной собственности. Делается вывод о том, что институт полезной модели является эффективным инструментом стимулирования инновационной активности, поддержки малого и среднего предпринимательства и формирования конкурентоспособной экономики знаний в Узбекистане.*

Ключевые слова: *полезная модель, патентоспособность, новизна, промышленная применимость, интеллектуальная собственность, патентное право, Республика Узбекистан, инновации, предпринимательство.*

Abstract. *The article examines the legal regulation of utility models in the Republic of Uzbekistan within the framework of the “Uzbekistan–2030” Strategy. It explores the conditions of patentability, the specific features of application, examination and patent granting procedures, as well as mechanisms for protecting the rights of patent holders. Particular attention is given to the criteria of novelty and industrial applicability, which distinguish utility models from inventions. The author analyzes recent legislative reforms, including the digitalization of patent procedures and the introduction of specialized criminal law mechanisms for the protection of intellectual property. The study concludes that the institution of utility models serves as an effective tool for fostering innovation, supporting small and medium-sized enterprises, and building a competitive knowledge-based economy in Uzbekistan.*

Keywords: *utility model, patentability, novelty, industrial applicability, intellectual property, patent law, Republic of Uzbekistan, innovation, entrepreneurship.*

В контексте современного этапа развития правовой доктрины Республики Узбекистан и практики правоприменения в сфере охраны интеллектуальной собственности особую актуальность приобретает комплексное исследование института полезной модели как особого объекта патентного права. Обеспечение эффективного функционирования механизма правовой охраны полезных моделей представляет собой одну из ключевых задач

правовой политики государства в контексте стимулирования инновационной деятельности, содействия техническому прогрессу и укрепления конкурентоспособности национальной экономики. Полезная модель, представляя собой техническое решение, обладающее относительной новизной и промышленной применимостью, занимает промежуточное положение между изобретением и рационализаторским предложением, что обуславливает необходимость детального правового регулирования условий ее патентоспособности, порядка получения правовой охраны и механизмов защиты прав патентообладателей.

I. Правовая основа охраны полезных моделей в Республике Узбекистан. Правовой фундамент института охраны полезных моделей в Республике Узбекистан представляет собой иерархически структурированную систему нормативно-правовых актов, центральное место в которой занимает Закон Республики Узбекистан от 6 мая 1994 года № 1062-ХП «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах», функционирующий в настоящее время в редакции Закона Республики Узбекистан от 29 августа 2002 года № 397-П с последующими изменениями и дополнениями. Особую значимость для правоприменительной практики имеют Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента Республики Узбекистан на полезную модель, утвержденные приказом директора Государственного патентного ведомства Республики Узбекистан от 29 апреля 2004 года № 1343, детализирующие процедурные аспекты получения правовой охраны. Существенный вклад в совершенствование нормативно-правовой базы в рассматриваемой сфере внес Закон Республики Узбекистан от 2 февраля 2022 года № ЗРУ-749 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с совершенствованием законодательства об объектах интеллектуальной собственности», а также Закон Республики Узбекистан от 16 января 2024 года № ЗРУ-896, внесший последние корректировки в правовой режим полезных моделей и отражающий современные тенденции развития патентного права.

II. Понятие полезной модели в законодательстве Республики Узбекистан. Легальная дефиниция полезной модели, закрепленная в статье 7 Закона Республики Узбекистан «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах», характеризует данный объект интеллектуальной собственности как техническое решение в любой области, относящееся к продукту (в частности, устройству, веществу, штамму микроорганизма, культуре клеток растений или животных) или к способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств). Эво-

люция данного определения нашла свое отражение в редакции Закона Республики Узбекистан от 14 сентября 2017 года № ЗРУ-446, существенно расширившей категориальный аппарат путем включения в него новых видов технических решений, которые могут получить охрану в качестве полезных моделей. Теоретико-правовое осмысление законодательной дефиниции полезной модели позволяет сформулировать вывод о ее комплексном характере, объединяющем как материальные объекты (устройства, вещества, штаммы микроорганизмов, культуры клеток), так и алгоритмизированные процессы воздействия на материальные объекты. Такой подход законодателя обеспечивает широкие возможности для получения правовой охраны различных технических решений, что способствует стимулированию инновационной активности и развитию технического творчества.

III. Условия патентоспособности полезной модели. Новизна. Критерий новизны полезной модели, являясь конститутивным элементом ее патентоспособности, получил детальную регламентацию в законодательстве Республики Узбекистан и предполагает отсутствие в уровне техники сведений о совокупности существенных признаков, характеризующих заявленное техническое решение. При этом законодатель устанавливает территориальные границы определения уровня техники, ограничивая его сведениями, ставшими общедоступными в Республике Узбекистан о средствах того же назначения, что и заявленная полезная модель, а также сведениями об их применении. Данный подход принципиально отличается от определения уровня техники для изобретений, где релевантными признаются сведения, ставшие общедоступными в мире до даты приоритета, что свидетельствует о более мягком характере требования новизны для полезных моделей и направлено на стимулирование патентования технических решений, обладающих относительной новизной в национальном контексте. Особую практическую значимость имеет положение, закрепленное в части пятой статьи 7 Закона (в редакции от 16 января 2024 года № ЗРУ-896), согласно которому публичное раскрытие информации, относящейся к полезной модели, автором, заявителем или любым лицом, получившим от них прямо или косвенно эту информацию, не влияет на новизну полезной модели при условии подачи заявки на выдачу патента в Министерство не позднее шести месяцев с даты раскрытия информации, при этом бремя доказывания данного факта возлагается на автора или заявителя.

Промышленная применимость. Второй обязательный критерий патентоспособности полезной модели – промышленная применимость – представляет собой комплексную правовую характеристику, предполагаю-

щую принципиальную возможность использования технического решения в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и других отраслях экономической деятельности. Концептуальное содержание данного критерия раскрывается через совокупность двух взаимосвязанных аспектов: техническую осуществимость полезной модели, означающую объективную возможность ее воспроизведения с помощью существующих технических средств и технологий, и функциональную пригодность, то есть способность технического решения выполнять заявленную функцию и достигать указанного технического результата. Установление факта промышленной применимости полезной модели осуществляется экспертизой на основе анализа представленных заявителем материалов, включая описание, формулу, чертежи и иные графические материалы, с точки зрения достаточности раскрытия сущности технического решения для его практической реализации специалистом в соответствующей области техники без проведения дополнительных изобретательских изысканий.

IV. Объекты, не охраняемые в качестве полезных моделей. Законодательство Республики Узбекистан устанавливает исчерпывающий перечень объектов, которые не могут получить правовую охрану в качестве полезных моделей, что имеет принципиальное значение для определения границ патентоспособности и предотвращения необоснованной монополизации определенных видов интеллектуальной деятельности. В соответствии с нормативным положением, закрепленным в статье 7 Закона «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах» путем отсылки к части девятой статьи 6 данного Закона, в качестве полезных моделей не охраняются научные теории и математические методы; методы организации и управления хозяйством; условные обозначения, расписания, правила; правила и методы выполнения умственных операций; алгоритмы и программы для вычислительных машин; проекты и схемы планировки сооружений, зданий, территорий; решения, касающиеся только внешнего вида изделий, направленные на удовлетворение эстетических потребностей; топологии интегральных микросхем; сорта растений и породы животных; а также решения, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали. Теоретико-правовое обоснование данных исключений базируется на комплексе доктринальных положений, включающих необходимость обеспечения свободы научной и творческой деятельности, предотвращение создания препятствий для общественного развития, а также разграничение сфер действия различных институтов права интеллектуальной собственности.

V. Отличия полезной модели от изобретения. Сравнительно-правовой анализ институтов полезной модели и изобретения в законодательстве Республики Узбекистан позволяет выявить ряд принципиальных различий, имеющих существенное значение для формирования патентной стратегии субъектов инновационной деятельности. Фундаментальное отличие заключается в различных требованиях к патентоспособности: для полезной модели установлены два критерия (новизна и промышленная применимость), в то время как для изобретения предусмотрены три критерия (новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость), что свидетельствует о более высоких требованиях к творческому характеру изобретения. Территориальное ограничение уровня техники для полезных моделей сведениями, ставшими общедоступными в Республике Узбекистан, в отличие от мирового уровня техники для изобретений, значительно упрощает процедуру установления новизны и повышает вероятность получения правовой охраны. Существенные различия наблюдаются также в сроке действия исключительного права: патент на полезную модель действует в течение пяти лет с возможностью продления на три года, тогда как патент на изобретение – двадцать лет с возможностью продления в определенных случаях на срок до пяти лет. Процедурные аспекты получения правовой охраны также демонстрируют значимые отличия: процесс получения патента на полезную модель является менее длительным и трудоемким, занимая в среднем 1-2 года, в то время как для изобретения этот срок составляет 2-5 лет, что обусловлено отсутствием необходимости проведения экспертизы на изобретательский уровень и более простой процедурой проверки новизны.

VI. Процедура экспертизы заявки на полезную модель. Подача заявки. Процедура подачи заявки на выдачу патента на полезную модель, регламентированная законодательством Республики Узбекистан, представляет собой комплексное процессуальное действие, инициирующее административно-правовую процедуру предоставления правовой охраны техническому решению. В соответствии с нормативными положениями, заявка подается в Агентство по интеллектуальной собственности при Министерстве юстиции Республики Узбекистан (в настоящее время функции переданы соответствующему Государственному учреждению) уполномоченным субъектом, обладающим правом на получение патента – автором полезной модели, работодателем в предусмотренных законом случаях, их правопреемником или лицом, получившим соответствующее право в порядке уступки. Принципиальное значение имеет соблюдение требования единства полезной модели, согласно которому заявка должна относиться к одной полезной

модели или группе полезных моделей, связанных между собой настолько, что они образуют единый творческий замысел, что обеспечивает целостность объекта правовой охраны и способствует эффективному проведению экспертизы заявки. Комплект документов, представляемых заявителем, включает заявление о выдаче патента, описание полезной модели, формулу полезной модели, чертежи и иные графические материалы, если они необходимы для понимания сущности полезной модели, а также документ, подтверждающий уплату установленной пошлины, или документ, подтверждающий основания для освобождения от уплаты пошлины либо уменьшения ее размера.

Формальная экспертиза. Формальная экспертиза заявки на полезную модель представляет собой первичный этап официального рассмотрения материалов заявки уполномоченным государственным органом, осуществляемый в течение двух месяцев с даты поступления заявки и направленный на проверку соблюдения формальных требований к представленным документам. В рамках данной процедуры экспертиза осуществляет комплексную проверку наличия необходимых документов, соответствия их формы и содержания установленным нормативным требованиям, правильности классификации полезной модели по Международной патентной классификации, соблюдения принципа единства полезной модели, а также проверку правильности уплаты пошлины. Особое значение на данном этапе имеет предварительная оценка соответствия заявленного решения категории объектов, охраняемых в качестве полезных моделей, что позволяет на ранней стадии выявить заявки, не подлежащие дальнейшему рассмотрению в связи с несоответствием объекта охраны установленным законом требованиям. По результатам формальной экспертизы заявителю направляется уведомление о результатах проверки, которое может содержать либо подтверждение соответствия заявки установленным требованиям, либо указание на выявленные недостатки с предложением представить отсутствующие или исправленные документы в установленный срок, либо информацию о том, что заявленное решение не относится к объектам, охраняемым в качестве полезных моделей.

Экспертиза заявки на полезную модель. Экспертиза заявки на полезную модель по существу, регламентированная статьей 22 Закона Республики Узбекистан «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах» (в редакции от 16 января 2024 года № ЗРУ-896), представляет собой ключевой этап процедуры патентования, в рамках которого осуществляется комплексная оценка патентоспособности заявленного тех-

нического решения. Данная стадия экспертизы инициируется на основании ходатайства заявителя, которое должно быть подано в течение трех месяцев с даты получения положительного решения формальной экспертизы, что свидетельствует о диспозитивном характере данной процедуры и предоставляет заявителю возможность самостоятельно определять целесообразность ее проведения. В ходе экспертизы по существу осуществляется всесторонняя проверка соответствия заявленного объекта условиям патентоспособности, установленным статьей 7 Закона, включая новизну и промышленную применимость. Для определения новизны полезной модели экспертизой проводится информационный поиск по общедоступным в Республике Узбекистан источникам, содержащим сведения о средствах того же назначения, что и заявленная полезная модель, а оценка промышленной применимости базируется на анализе возможности осуществления полезной модели в том виде, как она охарактеризована в формуле, с использованием описанных в заявке или известных до даты приоритета средств и методов. По результатам экспертизы принимается мотивированное решение о выдаче патента или об отказе в его выдаче, которое может быть обжаловано заявителем в установленном законом порядке.

Регистрация и выдача патента. Заключительная стадия процедуры предоставления правовой охраны полезной модели – регистрация и выдача патента – имеет конститутивное значение для возникновения исключительного права на данный объект интеллектуальной собственности. В соответствии с нормативными положениями, закрепленными в статье 24 Закона «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах» (в редакции от 16 января 2024 года № ЗРУ-896), после принятия решения Государственным учреждением о выдаче патента Министерство производит государственную регистрацию полезной модели в Государственном реестре полезных моделей, что представляет собой внесение сведений о полезной модели и ее правообладателе в официальную базу данных, имеющую правоустанавливающее значение. Регистрация осуществляется при условии представления заявителем документа, подтверждающего уплату установленной пошлины за выдачу патента, и включает внесение в Государственный реестр информации о названии полезной модели, сведений о патентообладателе и авторе (если последний не отказался быть упомянутым в качестве такового), даты приоритета и даты регистрации полезной модели, а также других сведений, относящихся к регистрации полезной модели и предусмотренных нормативными правовыми актами. На основании регистрации выдается патент на полезную модель, представляющий собой официальный

документ, удостоверяющий приоритет, авторство и исключительное право на полезную модель, а сведения о выдаче патента публикуются в официальном бюллетене, что обеспечивает информирование заинтересованных лиц о факте предоставления правовой охраны.

VII. Правовая охрана полезной модели. Срок действия патента.

Темпоральный аспект правовой охраны полезной модели, регламентированный законодательством Республики Узбекистан, характеризуется установлением определенного срока действия исключительного права, предоставляемого патентом. В соответствии с нормативными положениями, патент на полезную модель действует в течение пяти лет с даты подачи заявки в уполномоченный государственный орган, что обеспечивает патентообладателю временную монополию на использование запатентованного технического решения. Данный срок представляет собой компромисс между интересами патентообладателя, заинтересованного в максимально длительном периоде исключительного использования полезной модели, и общественными интересами, связанными с обеспечением свободного доступа к техническим решениям для стимулирования дальнейшего инновационного развития. Законодательством предусмотрена возможность продления срока действия патента на полезную модель по ходатайству патентообладателя на три года, что позволяет увеличить общий срок правовой охраны до восьми лет и предоставляет дополнительные возможности для коммерциализации технического решения. Процедура продления срока действия патента регламентируется соответствующими нормативными правовыми актами и предполагает подачу патентообладателем ходатайства о продлении в уполномоченный государственный орган до истечения первоначального пятилетнего срока с уплатой установленной пошлины.

Объем правовой охраны. Объем правовой охраны, предоставляемой патентом на полезную модель, имеет фундаментальное значение для определения границ исключительного права патентообладателя и представляет собой совокупность существенных признаков технического решения, на которые распространяется правовая монополия. В соответствии с законодательством Республики Узбекистан, объем правовой охраны полезной модели определяется ее формулой, представляющей собой логическое определение полезной модели совокупностью всех ее существенных признаков, необходимых и достаточных для достижения указанного технического результата. Формула полезной модели имеет правовое значение как документ, определяющий границы исключительного права, и техническое значение как характеристика сущности технического решения, что обу-

сравнивает предъявление к ней особых требований в отношении ясности, точности и полноты изложения. Для целей толкования формулы полезной модели при определении объема правовой охраны могут использоваться описание и чертежи, что позволяет учитывать контекстуальные особенности технического решения и способствует более точному определению границ исключительного права. Практическое значение установления объема правовой охраны проявляется при разрешении споров о нарушении исключительного права, когда необходимо определить, воспроизводит ли оспариваемый объект все существенные признаки полезной модели, указанные в формуле, или их эквиваленты, известные до даты приоритета полезной модели.

Право на получение патента. Институт права на получение патента на полезную модель в законодательстве Республики Узбекистан представляет собой комплекс правовых норм, определяющих субъектный состав лиц, уполномоченных инициировать процедуру патентования и приобретать исключительное право на полезную модель. В соответствии с нормативными положениями, право на получение патента принадлежит автору полезной модели, то есть физическому лицу, творческим трудом которого создано соответствующее техническое решение. Законодательством также предусмотрены случаи, когда право на получение патента принадлежит работодателю автора, в частности, если полезная модель создана работником в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя либо с использованием опыта, материальных, технических или иных средств работодателя (служебная полезная модель). Право на получение патента может переходить к правопреемникам указанных лиц в порядке универсального правопреемства, а также может быть передано другому лицу в порядке сингулярного правопреемства на основании договора об уступке права на получение патента. Определение уполномоченного субъекта имеет принципиальное значение для установления правообладателя и решения вопросов, связанных с распоряжением исключительным правом, включая предоставление лицензий, уступку патента, получение компенсации за нарушение прав и иные юридически значимые действия.

Исключительное право на полезную модель. Исключительное право на полезную модель, являющееся центральным элементом правового режима данного объекта интеллектуальной собственности, представляет собой абсолютное субъективное право патентообладателя, обеспечивающее ему юридическую монополию на использование запатентованного технического решения. Содержание данного права включает правомочие на использование полезной модели по своему усмотрению любым не противоречащим

закону способом, а также правомочие запрещать использование полезной модели другими лицами без согласия патентообладателя. В соответствии с законодательством Республики Узбекистан, использованием полезной модели признается введение в гражданский оборот продукта, изготовленного с применением запатентованной полезной модели, а также применение способа, охраняемого патентом на полезную модель. Исключительное право имеет территориальный характер, действуя в пределах Республики Узбекистан, и временной характер, ограничиваясь сроком действия патента. Законом предусмотрены определенные ограничения исключительного права, в том числе случаи, когда использование полезной модели не признается нарушением прав патентообладателя, например, применение полезной модели в конструкции или при эксплуатации транспортных средств иностранных государств, временно или случайно находящихся на территории Республики Узбекистан, проведение научного исследования продукта или способа, в которых использована полезная модель, и некоторые другие случаи, установленные законодательством.

VIII. Нарушение прав патентообладателя и ответственность. Институт защиты прав патентообладателя полезной модели в законодательстве Республики Узбекистан представляет собой комплексную систему материально-правовых и процессуальных норм, направленных на предотвращение и пресечение неправомерного использования запатентованного технического решения, а также на возмещение убытков, причиненных таким использованием. В соответствии с нормативными положениями, нарушением исключительного права патентообладателя признается несанкционированное изготовление, применение, импорт, предложение к продаже, продажа, иное введение в гражданский оборот или хранение с этой целью продукта или изделия, содержащего соответствующую запатентованную полезную модель. Юридическая квалификация деяния как нарушения прав патентообладателя основывается на установлении факта использования всех существенных признаков полезной модели, указанных в независимом пункте формулы, или их эквивалентов, без получения соответствующего разрешения правообладателя. Законодательством Республики Узбекистан предусмотрены различные меры ответственности за нарушение прав патентообладателя, включая гражданско-правовую ответственность в форме возмещения убытков, взыскания компенсации, изъятия и уничтожения контрафактных товаров, а также административную ответственность. В соответствии с Законом от 2 февраля 2022 года № ЗРУ-749, несанкционированное использование запатентованного объекта промышленной собственности влечет нало-

жение административного штрафа на юридические лица в размере от ста до двухсот базовых расчетных величин, что представляет собой существенную санкцию, направленную на предотвращение нарушений в данной сфере.

IX. Международное сотрудничество в области охраны полезных моделей. Правовая система Республики Узбекистан в сфере охраны полезных моделей функционирует не изолированно, а в контексте глобальной системы охраны промышленной собственности, что обуславливает необходимость участия государства в международных соглашениях в данной области. Республика Узбекистан является участницей ряда фундаментальных международных договоров, регулирующих вопросы охраны промышленной собственности, в том числе Парижской конвенции по охране промышленной собственности, устанавливающей базовые принципы охраны промышленной собственности, включая принцип национального режима и право конвенционного приоритета; Договора о патентной кооперации (РСТ), обеспечивающего единую процедуру подачи заявок на патенты для их последующей регистрации в странах-участниках договора; Евразийской патентной конвенции, создающей региональную патентную систему на пространстве Евразийского региона. Участие Республики Узбекистан в данных международных соглашениях создает правовую основу для получения охраны полезных моделей за пределами национальной юрисдикции и обеспечивает защиту прав иностранных патентообладателей на территории страны, что способствует интеграции Узбекистана в глобальное инновационное пространство, привлечению иностранных инвестиций и технологий, а также развитию международного технологического сотрудничества. Особое значение имеет соблюдение международных стандартов правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, что является важным фактором повышения инвестиционной привлекательности страны и стимулирования экономического развития.

Заключение. Проведенное комплексное исследование института патентоспособности полезной модели в законодательстве Республики Узбекистан позволяет сформулировать ряд теоретических выводов и практических рекомендаций, имеющих значение для совершенствования правового регулирования в данной сфере. Анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей условия патентоспособности полезной модели, процедуру получения правовой охраны и механизмы защиты прав патентообладателей, свидетельствует о системном характере правового регулирования, учитывающего как национальные особенности, так и международные стандарты в области охраны промышленной собственности. Законодательство Республики Узбекистан устанавливает упрощенные критерии патентоспособ-

ности полезной модели по сравнению с изобретением, что создает благоприятные условия для охраны технических решений, обладающих относительной новизной и имеющих практическое значение для развития различных отраслей экономики.

Правовой режим полезной модели, характеризующийся сокращенным сроком охраны, упрощенной процедурой патентования и территориально ограниченным критерием новизны, представляет собой оптимальный баланс между интересами создателей технических решений, заинтересованных в получении правовой охраны с минимальными временными и финансовыми затратами, и общественными интересами, связанными с обеспечением доступа к инновационным разработкам для стимулирования технологического прогресса. Особую ценность данный институт представляет для малых и средних предприятий, не обладающих значительными ресурсами для проведения фундаментальных исследований и создания изобретений высокого уровня новизны, но способных разрабатывать технические усовершенствования, имеющие практическое значение для конкретных отраслей производства.

Проведенный анализ позволяет выявить определенные направления совершенствования законодательства Республики Узбекистан в сфере правовой охраны полезных моделей. В частности, представляется целесообразным дальнейшее развитие механизмов защиты прав патентообладателей, включая совершенствование процедуры рассмотрения споров о нарушении патентных прав, расширение возможностей досудебного урегулирования конфликтов, а также уточнение методики определения размера убытков, причиненных нарушением исключительного права на полезную модель. Важным направлением развития законодательства является также совершенствование процедуры экспертизы заявок на полезные модели с целью повышения ее эффективности и сокращения сроков рассмотрения.

Значительный потенциал для развития системы охраны полезных моделей в Республике Узбекистан связан с цифровизацией процедур подачи и рассмотрения заявок, создания электронных сервисов для мониторинга патентного делопроизводства, а также с формированием общедоступных баз данных запатентованных полезных моделей, что будет способствовать повышению информированности общества о правовой охране технических решений и стимулировать инновационную активность. Целесообразно также расширение образовательных программ в области правовой охраны интеллектуальной собственности, направленных на повышение уровня патентной грамотности изобретателей, предпринимателей и специалистов в различных технических областях.

В целом, правовой институт полезной модели в законодательстве Республики Узбекистан представляет собой эффективный инструмент стимулирования инновационной деятельности, обеспечивающий баланс частных и публичных интересов в сфере технического творчества. Дальнейшее совершенствование данного института будет способствовать развитию национальной инновационной системы, повышению конкурентоспособности отечественной продукции на внутреннем и международном рынках, а также интеграции Республики Узбекистан в глобальное технологическое пространство.

Список использованных источников

1. Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах : Закон Республики Узбекистан от 6 мая 1994 года № 1062-ХП (в ред. Закона Республики Узбекистан от 29 августа 2002 года № 397-П) с последующими изменениями и дополнениями // Lex.UZ : Национальная база данных законодательной информации Республики Узбекистан (дата обращения: 01.03.2025).
2. Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента Республики Узбекистан на полезную модель: утв. приказом директора Государственного патентного ведомства Республики Узбекистан от 29 апреля 2004 года № 1343 // Lex.UZ : Национальная база данных законодательной информации Республики Узбекистан (дата обращения: 01.03.2025).
3. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с совершенствованием законодательства об объектах интеллектуальной собственности : Закон Республики Узбекистан от 2 февраля 2022 года № ЗРУ-749 // Lex.UZ : Национальная база данных законодательной информации Республики Узбекистан (дата обращения: 01.03.2025).
4. Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах : Закон Республики Узбекистан от 16 января 2024 года № ЗРУ-896 // Lex.UZ : Национальная база данных законодательной информации Республики Узбекистан (дата обращения: 01.03.2025).
5. Гражданский кодекс Республики Узбекистан // Lex.UZ : Национальная база данных законодательной информации Республики Узбекистан (дата обращения: 01.03.2025).
6. Парижская конвенция по охране промышленной собственности // WIPO : [сайт]. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_201.pdf (дата обращения: 01.03.2025).
7. Договор о патентной кооперации (PCT) // WIPO : [сайт]. – URL: <https://www.wipo.int/ru/web/treaties/registration/pct/index> (дата обращения: 09.03.2025).
8. Евразийская патентная конвенция // ЕАПВ : [сайт]. – URL: <https://www.eapo.org/documents/obshhie-voprosy-funkczionirovaniya-eapo/evrazijskaya-patentnaya-konvencziya/> (дата обращения: 01.03.2025).

МЕНЕДЖМЕНТ КАЧЕСТВА ПАТЕНТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ОРГАНИЗАЦИИ

А.Н. Махонь

*кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Техническое регулирование и товароведение», Витебский государственный технологический университет,
anmakhon@mail.ru*

И.С. Карпушенко

*старший преподаватель кафедры «Техническое регулирование и товароведение»,
Витебский государственный технологический университет,
karinstep@rambler.ru*

Аннотация. *Статья рассматривает вопросы применения методов менеджмента качества для процесса оказания услуг по проведению патентных исследований. В публикации представлены результаты функционального моделирования, выполненного в рамках научно-исследовательской работы обучающихся Витебского государственного технологического университета.*

Ключевые слова: *информационно-патентные услуги, патентные исследования, менеджмент качества, процессы, функциональное моделирование.*

Annotation. *The article examines the issues of applying quality management methods to the process of providing patent research services and presents the results of functional modeling performed as part of the research work of university students.*

Keywords: *information and patent services, patent research, quality management, processes, functional modeling.*

Согласно СТБ 1180 «Патентные исследования. Содержание и порядок проведения» патентные исследования – это исследования технического уровня и тенденций развития объектов техники, их патентоспособности, патентной чистоты, конкурентоспособности на основе патентной и другой информации.

По своему характеру и содержанию патентные исследования относятся к прикладным научно-исследовательским работам и являются составной частью обоснования принимаемых субъектами хозяйствования решений, связанных с созданием, производством, реализацией, совершенствованием, использованием, снятием с производства и утилизацией объектов техники. Патентные исследования проводят как в виде самостоятельной научно-исследовательской работы, так и в составе работ субъекта хозяйствования.

В зависимости от практической потребности патентные исследования проводят заказчик (основной потребитель), исполнитель научно-исследовательских работ, изготовитель (поставщик) и иные участники гражданского оборота при решении вопросов правовой охраны объектов промышленной собственности. Необходимость привлечения третьих лиц к проведению патентных исследований определяет исполнитель работы. Участие третьих лиц в проведении патентных исследований оформляют договором (контрактом).

Патентно-информационные услуги в Республике Беларусь предоставляют различные организации, например, такие как Республиканская научно-техническая библиотека, Национальный центр интеллектуальной собственности, региональные отделения Белорусской торгово-промышленной палаты, межрегиональный центр патентных услуг «БелИнтелПат» и другие. Организации-заказчики этих услуг могут преследовать различные цели: мониторинг патентной ситуации для определения перспективных направлений развития, оценка конкурентной среды и имеющихся преимуществ на рынке, фокусирование собственной деятельности на наиболее перспективных инновациях, повышение эффективности и сокращение сроков выполнения научных разработок, определение стратегии вывода нового продукта на рынок сбыта, поиск выгодных партнеров и др.

В этой связи информационно-патентные исследования могут рассматриваться как бизнес-процессы в общей структуре деятельности организации, следовательно, к ним применимы инструменты менеджмента качества.

Один из наиболее полный, по мнению авторов, перечень информационно-патентных услуг в Республике Беларусь оказывает Государственное учреждение «Национальный центр интеллектуальной собственности» (НЦИС).

Конкурентным преимуществом данной организации для заказчиков является тот факт, что НЦИС – единственный патентный орган в нашей стране, что повышает доверие потребителя. Еще одним преимуществом НЦИС, как организации предоставляющей услуги по поиску и анализу патентной информации, является возможность дальнейшего сопровождения процедуры подачи заявки и получения патентов и свидетельств о регистрации объектов интеллектуальной собственности на территории Республики Беларусь, включая подготовку всех необходимых документов и представление интересов заявителя.

С общих позиций последовательность оказания услуг по проведению патентных исследований в организации включает следующие этапы:

- подача заявки на проведение патентных исследований: заказчик предоставляет информацию об интересующей предметной области, ретроспективе, географии поиска и требованиях других требованиях к исследованию;

- анализ заявки и определение объема и содержания исследования: специалисты НЦИС проводят анализ заявки и определяют, какие именно данные и информационные ресурсы необходимы для проведения исследования;

- поиск и анализ информации: специалисты НЦИС проводят поиск и анализ информации о состоянии и развитии определенного технического направления, а также о состоянии патентной ситуации и защитой прав в данной области;

- оценка результатов исследования: специалисты организации анализируют собранные данные в соответствии с запросом заказчика и формируют отчет о результатах исследования;

- предоставление отчета заказчику: заказчику предоставляется отчет о результатах исследования, структура которого регламентирована СТБ 1180 «Патентные исследования. Содержание и порядок проведения».

Анализируя опыт работы ФГБУ «Федеральный институт промышленной собственности» в Российской Федерации, установлено, что организация имеет систему менеджмента качества (СМК), а в 2024 году Международный орган по сертификации принял положительное решение о соответствии системы менеджмента качества организации требованиям международного стандарта качества. Активная деятельность по разработке и внедрению СМК была развернута в 2020 году: проведена масштабная работа по обучению сотрудников основам международных стандартов качества, разработке правовой основы и управленческих подходов для внедрения СМК, отвечающей требованиям законодательства, международных стандартов в области качества и международных соглашений в сфере охраны интеллектуальной собственности. Это позитивный опыт, который стоит учесть НЦИС, так как системный подход позволяет выстроить строгую иерархию основных и обеспечивающих процессов, детально разработать внутренние регламенты взаимодействия, отработать точки контроля. Как следствие внедрения СМК, позволит повысить качество итогового результата работы, удовлетворенность ожиданий заявителей и пользователей системы интеллектуальной собственности.

В парадигме системного подхода бизнес-процессов в структуре СМК сформирован паспорт процесса оказания услуг по проведению патентных исследований в НЦИС. В качестве исходных данных использовалась информация открытого источника – официального сайта организации [1]. У каждого выделенного процесса системы менеджмента (СМК) организации есть свой владелец, обладающий полномочиями и отвечающий за постоянное улучшение процесса, разработку, актуализацию и утверждение паспорта процесса.

На основании паспорта разработана контекстная диаграмма процесса оказания услуг по проведению патентных исследований в нотации IDEF0 (рисунок 1).

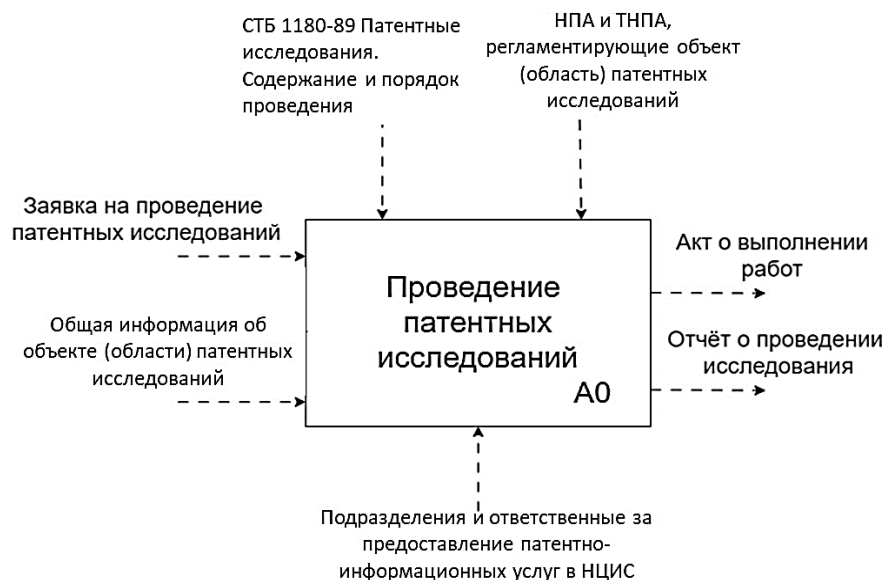

Рисунок 1. – Контекстная диаграмма процесса оказания услуг по проведению патентных исследований в нотации IDEF0

Контекстная диаграмма является одним из ключевых инструментов системного анализа и проектирования и представляет собой графическое представление системы, которое позволяет визуализировать ее структуру и взаимодействие между элементами [2].

Основная цель создания контекстной диаграммы IDEF0 заключается в том, чтобы представить систему в виде графа, где каждый узел соответствует определенной функциональной единице (функции), а связи между ними показывают взаимодействие между этими функциями. Таким образом, контекстная диаграмма IDEF0 позволяет увидеть целостную картину работы системы и выявить возможные проблемы или недостатки в её работе.

Декомпозиция – это процесс в реализации методологии IDEF0, при котором более крупные функции разбиваются на более мелкие и более простые функциональные элементы. Целью декомпозиции является более детальное определение функций и процессов, чем это возможно на более высоком уровне абстракции. Декомпозиция в IDEF0 осуществляется путем разделения функций на более мелкие подфункции, которые затем описываются с использованием более детальных диаграмм. Этот процесс позволяет более точно определить деятельность каждой функции и является важным шагом при разработке модели бизнес-процессов.

В результате декомпозиции функции приобретают более четкое определение, что помогает при дальнейшем проектировании и оптимизации бизнес-процессов. Декомпозиция упрощает понимание бизнес-процессов и позволяет выявить потенциальные проблемы или узкие места в выполнении функций.

Декомпозиция процесса оказания услуг по проведению патентных исследований в организации и взаимодействия подпроцессов 1-го уровня представлены на рисунке 2.

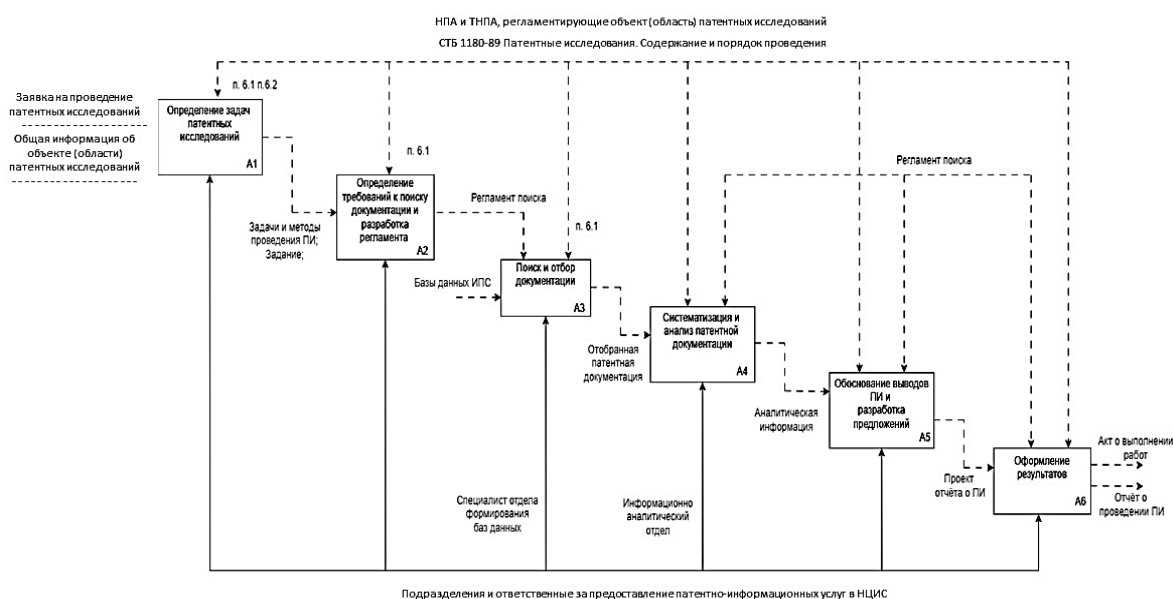

Рисунок 2. – Декомпозиция процесса оказания услуг по проведению патентных исследований в организации

Декомпозиция проводится на основе принципов процессного подхода и включает разделение процессов на подпроцессы, операции и задачи. От их содержания и грамотного выполнения во многом зависит конечный результат – анализ итогов проведения патентных исследований.

В рамках научно-исследовательской работы студентов специальности «Метрология, стандартизация и контроль качества» УО «Витебский государственный технологический университет» проведена декомпозиция 2-го уровня отдельных подпроцессов. Установлено, что наибольший эффект декомпозиция основных процессов принесла бы при наличии информации от организации – персонализация сотрудников информационно-аналитического отдела НЦИС, документов организации и т.п.

Наглядность обеспечения (достаточность/избыточность) процесса необходимыми ресурсами (материальными и информационными), преемствен-

ности входов-выходов процесса, необходимости корректирующих действий обеспечивается в методологии IDEF0. Это оптимальный вариант визуализации при анализе и проектировании систем, в том числе систем менеджмента качества, а также для оптимизации бизнес-процессов, повышения эффективности деятельности организации.

На основании паспорта процесса оказания услуг по проведению патентных исследований в организации, разработан проект стандарта организации. Это документированная процедура применяется организацией для целей стандартизации, а также для совершенствования производства и обеспечения качества оказания услуг, а также для распространения и использования полученных в различных областях знаний.

Таким образом, выполненные разработки – функциональные модели в нотификации IDEF0, проект стандарта организации – могут рассматриваться как триггеры для разработки и внедрения СМК в практической деятельности организации. Система основных и обеспечивающих процессов позволит еще более детально разработать внутренние регламенты взаимодействия, отработать контролирующие действия.

В результате деятельность организации должна повысить удовлетворенность ожиданий заявителей и пользователей системы интеллектуальной собственности в Республики Беларусь в целом и Государственное учреждение «Национальный центр интеллектуальной собственности» в частности.

Список использованных источников

1. Национальный центр интеллектуальной собственности : [сайт]. – Минск. – URL: <https://ncip.by/> (дата обращения: 07.08.2024).
2. Цуканова, О. А. Методология и инструментарий моделирования бизнес-процессов : учебное пособие / О. А. Цуканова. – СПб. : Университет ИТМО, 2022. – 100 с.

ЧАСТНОЕ VS ПУБЛИЧНОЕ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПРИ СОЗДАНИИ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА

А.С. Мозоль

*младший юрист, ООО «ГРТА Интернэшнл БиУай», Минск, Республика Беларусь,
преподаватель-стажер кафедры права интеллектуальной собственности
юридического факультета, Белорусский государственный университет,
mazolAS@bsu.by*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос обработки биометрических персональных данных в процессе создания автором объектов авторского права. Выделены специфические характеристики биометрических персональных данных и определена их роль при осуществлении творческой деятельности. Автором предпринята попытка оценить действующее правовое регулирование на наличие правовых оснований обработки персональных данных при создании произведения. На основании проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию правового механизма обработки персональных данных при создании объектов авторского права.

Ключевые слова: персональные данные, биометрические персональные данные, авторское право, объекты интеллектуальной собственности, легитимный интерес.

Abstract. The article explores the processing of biometric personal data in the course of creating copyright-protected works. It highlights the distinctive features of biometric personal data and defines their role in the exercise of creative activity. The author seeks to assess the current legal framework with respect to the legal grounds for processing personal data during the creation of a work. Based on the analysis, proposals are formulated to enhance the legal mechanism for processing personal data in the creation of copyright-protected works.

Keywords: personal data, biometric personal data, copyright, intellectual property objects, legitimate interest.

С 15 ноября 2021 г. действует Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон № 99-З). Его применение обозначило наличие проблем в условиях и порядке обработки персональных данных, в том числе в сфере правоотношений, связанных с созданием и использованием объектов авторского права.

Изучение вопросов, связанных с обработкой биометрических персональных данных, не изучены в должной мере в белорусской доктрине. Отдельные аспекты данной темы затрагиваются в научных трудах Н. А. Сава-

новича, А. И. Гавриленко, Д. Г. Полещука, М. А. Городецкой, В. В. Вабищевича. Отдельные аспекты взаимосвязи персональных данных и объектов интеллектуальной собственности поднимались ранее Н. В. Бузовой [1, с. 26-34], В. Д. Затирахиным [2, с. 40-44] при изучении средств индивидуализации, компьютерных программ и баз данных. Однако правовые аспекты обработки персональных данных при создании объектов авторского права до настоящего времени остаются вне сферы научного исследования. В связи с возрастающим значением информации как стратегического ресурса современной экономики, представляется целесообразным изучение вопросов обработки персональных данных в контексте создания объектов авторского права.

Биометрические персональные данные заслуживают особого внимания ввиду их повышенной чувствительности, обусловленной их специфическими характеристиками. Одной из них является биометрия, то есть одновременно уникальность и универсальность. Это обусловлено тем, что, например, отпечатки пальцев, геометрия лица, радужная оболочка глаза присущи каждому человеку, но при этом индивидуальны [3, 4, с. 253-254].

Кроме того, такая биометрические персональные данные могут быть собраны и проанализированы третьими лицами в процессе обычной деятельности субъекта без его согласия и (или) уведомления. Нами поддерживается позиция А. И. Гавриленко о необходимости выделения специальных персональных данных, в том числе биометрических персональных данных, в особую категорию в связи с повышенным риском нарушения прав, свобод и законных интересов субъекта персональных данных [5, с. 8]. Как верно утверждает М. С. Кривогин, общие нормы, регулирующие обработку персональных данных, могут не соответствовать специфическим характеристикам изучаемого объекта, что обуславливает необходимость формирования специальных норм в части обработки биометрических персональных данных [6, с. 84].

Согласно абз. 2 ст. 1 Закона № 99-З биометрические персональные данные определяются как информация, характеризующая физиологические и биологические особенности человека, которая используется для его уникальной идентификации (отпечатки пальцев рук, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица и его изображение и другое). Исходя из приведенного легального определения можно выделить следующие признаки биометрических персональных данных: (1) по содержанию они отражают физиологические и биологические особенности субъекта персональных данных; (2) целью обработки является уникальная идентификация

конкретного субъекта; (3) обработка предполагает использование специальных технических средств, обеспечивающих фиксацию, анализ и распознавание соответствующих признаков [3].

Человек, личность, персона всегда являлись источником вдохновения для авторов в их творческой деятельности. Создание объектов авторского права основывается на впечатлениях и опыте автора, полученных в результате взаимодействия с окружающей средой, важной частью которой является человек. Фотограф может запечатлеть портрет прохожего, чей облик его поразил. Команда разработчиков видеоигры – создать персонажа, внешность которого напоминает общего знакомого. Писатель – наделить героя книги чертами характера или стилем поведения конкретного человека. Все эти примеры свидетельствуют о том, что при создании любого объекта авторского права автор может использовать и обрабатывать биометрические персональные данные, что обуславливает необходимость определения надлежащего правового основания для обработки персональных данных.

Однако, как нам видится, это может вызвать затруднения при реализации норм Закона № 99-З. Как отмечает Н. А. Саванович, правоприменительная практика стремится сузить понятие персональных данных, в связи с этим при определении объема информации, признаваемой персональными данными, возникает конфликт интересов [7, с. 41]. Вместе с тем важно отметить, что не вся информация, описывающая субъекта, признается персональными данными. Например, как точно указывает Н. А. Саванович, к персональным данным не относится информация, признанная случайной по отношению к цели ее обработки и не может оказать влияния на субъекта персональных данных [7, с. 42]. В соответствии со ст. 8 Закона № 99-З, обработка биометрических персональных данных осуществляется по поименованным в ч. 2 этой статьи основаниям либо при наличии от субъекта персональных данных его согласия. Допускается их обработка без согласия субъекта, например, если такие данные стали общедоступными благодаря действиям самого субъекта, или в случаях, когда законодательные акты прямо предусматривают, что обработка осуществляется без согласия субъекта персональных данных.

Ни Гражданский кодекс Республики Беларусь, ни Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» не предусматривают случаев, когда обработка персональных данных может осуществляться без согласия субъекта. Это означает, что, создавая объект авторского права, при любом взаимодействии с персональными дан-

ными, автор должен получить его согласие субъекта, например, на сбор, использование и (или) распространение персональных данных. В противном случае автор нарушает права и законные интересы такого субъекта, что является основанием для его привлечения к административной ответственности по ч. 1 или 3 ст. 23.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

В такой ситуации мы сталкиваемся с конкуренцией частного и публичного интереса. Частный интерес проявляется в интересе автора создать произведение, которое впоследствии может быть коммерциализировано, в то время как публичный проявляется в двух формах: (1) поощрение автора в развитии сферы интеллектуальной собственности в контексте расширения культурных ценностей общества; (2) охрана прав и законных интересов членов общества, включая право на частную жизнь.

На наш взгляд, приоритет публичного интереса в вопросах порядка обработки биометрических персональных данных при создании объектов авторского права сопряжен с рядом серьезных проблем:

1. Жесткие ограничения могут подорвать творческий энтузиазм: авторы будут опасаться правовых последствий даже при случайном использовании черт реально существующего человека, что может привести к отказу от создания объектов авторского права.

2. Сам факт создания произведения, основанного на личных впечатлениях, может презюмироваться как потенциальное нарушение законодательства о персональных данных, что создает атмосферу недоверия и повышенного контроля.

3. Требование получать согласие субъекта на каждое использование персональных данных может парализовать живое, спонтанное взаимодействие между участниками творческого процесса: художниками, писателями, дизайнерами и т.д.

4. Установление приоритета защиты биометрических персональных данных над свободой творчества может вступать в противоречие с правами автора. Такой подход делает затруднительным осуществление творческой деятельности, результатом которой может стать объект авторского права.

Понимая чувствительность биометрических персональных данных и серьезность последствий их незаконной обработки в силу своей неизменности и уникальности, нами предлагается выработать баланс между правами автора и правами субъекта персональных данных. В качестве одного из возможных решений может быть дополнение ч. 1 ст. 6 и п. 2 ст. 8 Закона

№ 99-3 абзацем следующего содержания: «для целей осуществления деятельности оператора обработки персональных данных, вытекающих из его легитимного интереса, за исключением тех случаев, когда такой интерес противоречит правам и законным интересам субъектов персональных данных». Данное основание закреплено в законодательстве Турции, Бразилии, Великобритании, государствах-членах Европейского Союза.

Так, в ст. 6 (1) (f) Общего регламента защиты персональных данных Европейского союза от 27.04.2016 № 2016/679 указано, что обработка является законной только в тех случаях, когда ... обработка необходима для целей, вытекающих из легитимных интересов, преследуемых оператором или третьим лицом, за исключением случаев, когда преимущество над такими интересами имеют интересы или фундаментальные права и свободы субъекта данных, требующие защиты персональных данных, в частности, когда субъектом данных является ребенок.

По нашему мнению, весьма точное определение легитимного интереса было дано доктором наук Вальтраут Кочи: легитимный интерес – это интерес, который явно, хотя и не обязательно прямо, признается законом [8, с. 337]. Легитимный интерес включает в себя два элемента: (1) интерес отождествлен с представлением об организационном и общественном благе, который имеет большее значение, нежели получение экономической выгоды; (2) указанный интерес признается и защищается актами законодательства. Таким образом, обработка биометрических персональных данных может осуществляться на основании легитимного интереса при соответствии следующим условиям: (1) наличие законного интереса, общего для оператора обработки персональных данных и общества; (2) интерес может быть удовлетворен при обработке персональных данных; (3) обработка позволяет оператору обработки персональных данных получить выгоду; (4) обработка не оказывает существенного воздействия на права и законные интересы субъекта персональных данных [9].

Вместе с тем, представляется, что применение указанного правового основания обработки персональных данных может спровоцировать проблемы в правоприменительной практике ввиду его оценочности. Следует учитывать, что в настоящее время развитие законодательства о персональных данных находится на начальной стадии его становления, и включение такого оценочного основания может осложнить формирование устойчивой правоприменительной практики. В этой связи представляется целесообразным на промежуточном этапе развития законодательства дополнить ч. 1

ст. 6 и п. 2 ст. 8 Закона № 99-3 абзацем следующего содержания: «для осуществления научной, литературной или иной творческой деятельности при отсутствии нарушения прав и законных интересов субъекта персональных данных». Указанное правовое основание поможет обеспечить возможность создания авторами объектов авторского права без нарушения прав субъекта персональных данных, однако оно не предполагает права автора на передачу прав на созданные произведения без согласия субъекта персональных данных в случаях, когда для этого требуется обработка его персональных данных.

На основании изложенного, представляется необходимым проведение всестороннего исследования проблематики, связанной с обработкой биометрических персональных данных в процессе создания объектов авторского права. Это имеет особое значение ввиду непосредственного влияния на возможность дальнейшего введения созданного произведения в гражданский оборот. В настоящее время на авторов произведений возлагаются чрезмерные требования по соблюдению законодательства о персональных данных в процессе их создания. Указанное обстоятельство обусловило предложение о внесении изменений в действующее законодательство: на промежуточном этапе развития правового регулирования закрепить отдельное правовое основание обработки персональных данных без согласия субъекта для осуществления творческой деятельности, а впоследствии его трансформация в более сложное правовое основание – обработка для целей соблюдения легитимного интереса.

Список использованных источников

1. Бузова, Н. В. Персональные данные и интеллектуальная собственность / Н. В. Бузова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 9. – С. 26–34.
2. Затирахин, В. Д. Защита персональных данных в системе правовой охраны некоторых объектов интеллектуальной собственности / В. Д. Затирахин // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28 мая 2021 г. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.- науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2021. – С. 40–44.
3. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-3 // Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskiye-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh/> (дата обращения: 21.05.2025).

4. Савельев, А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных»: 2-е изд., перераб. и доп. / А. И. Савельев. – М.: Статут, 2021. – 468 с.
5. Гавриленко, А. И. Актуальные вопросы правового регулирования обработки специальных персональных данных / А. И. Гавриленко // Право.by. – 2024. – № 5 (91). – С. 7–13.
6. Кривогин, М. С. Особенности правового регулирования биометрических персональных данных / М. С. Кривогин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 80–89.
7. Саванович, Н. А. Дефиниция персональных данных в Законе Республики Беларусь «О защите персональных данных» и проблемы ее применения / Н. А. Саванович // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 6. – С. 41–44.
8. Kotschy, W. Article 6. Lawfulness of Processing / W. Kotschy // The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A commentary. – Oxford University Press, 2021. – P. 321–344.
9. Trigo Kramcsak, P. Can legitimate interest be an appropriate lawful basis for processing Artificial Intelligence training datasets? / P. Trigo Kramcsak // Computer Law & Security Review. – 2023. – № 48. – URL: https://cris.vub.be/ws/portalfiles/portal/110357266/Can_legitimate_interest_be_an_appropriate_lawful_basis_for_processing_Artificial_Intelligence_training_datasets_Pablo_Trigo_Kramcsak.pdf (дата обращения: 21.05.2025).

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ БЕРНСКОЙ КОНВЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н.А. Маалуф

*ведущий специалист управления организации мероприятий и международного сотрудничества, Национальный центр интеллектуальной собственности,
n.maaluf@ncip.by*

Аннотация. В данном материале рассмотрена имплементация основных положений Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений в законодательстве Республики Беларусь. Данные положения приобрели большую актуальность в связи с внесением изменений в раздел V «Интеллектуальная собственность» Гражданского кодекса Республики Беларусь в ноябре 2024 года. Также автор делает попытку дать оценку сложным вопросам определения критериев уникальности результата интеллектуального труда, которые часто становятся предметом судебных споров в разных странах.

Ключевые слова: авторское право и смежные права, Бернская конвенция, Гражданский кодекс, критерии уникальности, результаты интеллектуальной деятельности, презумпция творчества, коллективное управление.

Abstract. This study covers modes the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works fundamentals are implemented in the legal framework of the Republic of Belarus. These items have ascertained their importance taking into account the recent amendments made in November 2024 to the Civil Code of the Republic of Belarus Section V “Intellectual property”. The author also attempts to assess the elaborate issues of criteria identification for results of intellectual labour, which frequently become lawsuits subjects in various countries.

Keywords: copyright and related rights, the Berne Convention, the Civil Code, uniqueness criteria, results of intellectual activity, creativity presumption, collective management.

Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (далее – Конвенция), как один из основных международно-правовых документов в сфере авторского и смежных прав, на протяжении почти 140 лет предоставляет возможность любому автору Договаривающейся стороны Конвенции охранять результаты своего интеллектуального труда и способствует развитию всех сфер творческой деятельности человека без ограничений по национальному признаку. Данный документ помимо определения основных принципов охраны литературных и художественных произведений – принципа «национального режима», «автоматической охраны» и «независимости охраны» учитывает такие сложные юридические статусы как экстерриториальность, особенности национального

законодательства стран-членов Конвенции по продолжительности сроков охраны, принцип обратной силы, обязательства страна Бернского Союза по принятию, в соответствии со своей Конституцией, необходимых мер для обеспечения применения настоящей Конвенции, что свидетельствует о подлинной разнохарактерности сферы авторского и смежных прав в глобальном масштабе.

Республика Беларусь присоединилась к Конвенции в 1997 году в соответствии с Законом Республики Беларусь от 14 июля 1997 года № 62-З «О присоединении Республики Беларусь к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (Парижскому акту от 24 июля 1971 года, измененному 28 сентября 1979 года)». С этого момента белорусские авторы получили равную возможность со всеми остальными авторами стран-участниц Конвенции получать в этих странах определенные минимальные стандарты охраны, требовать охраны произведений от их незаконного воспроизведения и распространения в этих странах. За данный период в нашей стране была сформирована определенная законодательная культура в сфере авторского и смежных прав и соблюден принцип гармонизации национального законодательства с законодательством других стран-участниц Конвенции. Так в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК РБ) нашли свое отражение все три основополагающих принципа Конвенции.

Принцип **«национального режима»** отражен в статье 991 ГК РБ и п. 1 ст. 5 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З (ред. от 9 января 2023 г.) «Об авторском праве и смежных правах» (с изм. и доп., вступившими в силу с 13 ноября 2023 г.) (далее – Закон об авторском праве и смежных правах), согласно которому авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, существующие в какой-либо объективной форме:

1) на территории Республики Беларусь, независимо от гражданства авторов и их правопреемников;

2) за пределами границ Республики Беларусь, и признается за авторами – гражданами Республики Беларусь и их правопреемниками;

3) за пределами границ Республики Беларусь, и признается за авторами – гражданами других государств и их правопреемниками в соответствии с международными договорами Республики Беларусь.

Таким образом, на территории Республики Беларусь произведениям авторов-граждан Договаривающихся государств предоставляется такая же охрана, как и произведениям авторов-граждан Республики Беларусь.

Принцип **«автоматической охраны»** об отсутствии каких-либо условий выполнения каких-либо формальностей при использовании и осуществлении авторского права имплементирован в законодательство Республики Беларусь. Так в соответствии с п. 1 ст. 8 Закона об авторском праве и смежных правах авторское право на произведения возникает в силу факта его создания и для его возникновения и осуществления не требуется каких-либо формальностей.

Принцип **«независимости охраны»**, представляющий автору значительные преимущества как и «принцип автоматической охраны», и предусматривающий использование и осуществление авторского права на произведение в стране Бернского Союза в не зависимости от существования охраны авторского права в стране происхождения произведения, законодательно реализован в белорусском законодательстве следующим образом. Предоставление на территории Республики Беларусь охраны произведениям в соответствии с международными договорами Республики Беларусь осуществляется в отношении произведений, не перешедших в общественное достояние в стране происхождения произведения вследствие истечения установленного в этой стране срока действия авторского права на это произведение и не перешедших в общественное достояние в Республике Беларусь вследствие истечения срока действия авторского права на это произведение (п. 3 ст. 5 Закон об авторском праве и смежных правах).

Учитывая быстрое развитие сферы авторского права и смежных прав, особенно в сфере цифровизации и использования информационных технологий, ведется постоянная работа по совершенствованию белорусского законодательства и его гармонизации с правовыми актами Договаривающихся государств Конвенции. Последние наиболее значимые изменения в соответствии с вступившими в силу изменениями в Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г., в котором раздел V «Интеллектуальная собственность» изложен в новой редакции, касаются:

- «закрепления презумпции творчества, согласно которой произведение признается созданным творческим трудом, пока не установлено иное;
- замены термина «передача организации эфирного и кабельного вещания» на термин «передача организации вещания»;
- увеличения срока действия исключительного права на объекты авторского права, который будет составлять время жизни автора и 70 лет после его смерти» [1].

Данные нововведения были внесены в текст ГК РБ с учетом складывающейся практики белорусского и зарубежного законодателя, мировых

тенденций развития сферы авторского и смежных прав и необходимости большей конкретизации понятий. Так вопросы степени творчества в любом произведении, отличающее его от рутинного изготовления (производства) [2, с. 66], определения критериев уникальности результата интеллектуального труда, удостоверения оригинальности либо креативности произведения остаются дискуссионными в судебных спорах о защите авторских прав в судебных органах многих стран. Исследователи и практики в области авторского права Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки и Федеративной Республики Германия по-разному подходят к обсуждению вопроса о том, как разрешать возникшие споры в отношении спорных объектов авторского, в какой степени личность автора нашла отражение в произведении, придав ему необходимую творческую особенность либо необходимости оценки уровня творческого характера в какой-либо системе координат с помощью различных видов произведений и плавающего порога защита, которого должно достигать произведение, чтобы быть защищенным авторским правом. Введение понятия «мелкая монета» в отношении произведения не отражает степени участия автора в создании любого произведения, нивелирует ценность отпечатка его души, подхода к самовыражению либо интерпретации одного и того же сюжета, сужает возможность для развития его внутреннего мира посредством отрицания его индивидуальности. Поэтому презумпция творчества дает возможность развиваться не только авторам, но и обществу в целом, охраняя результат творческого труда от работ художника-оформителя до автора художественного произведения, занимающее достойное место в коллекции крупного мирового музея либо картинной галереи.

Что касается увеличения срока действия исключительного права на объекты авторского права, то эта дополнительная возможность с учётом мировых тенденций для белорусских авторов испрашивать более длительный срок охраны прав на свои произведения за рубежом согласно применяемому исключению положений Конвенции о «сравнении сроков».

Отдельного внимания заслуживает сфера коллективного управления имущественными правами авторов и иных правообладателей, переданными в управление Национальному центру интеллектуальной собственности Республики Беларусь (далее – НЦИС) в качестве аккредитованной организации по коллективному управлению (ОКУ). Организация аккредитована Государственным комитетом по науке и технологиям Республики Беларусь и действует в рамках определённых сфер, таких как театральные права и публичное исполнение. Это помогает находить баланс между равными и индивидуальными финансовыми условиями для правообладателей.

НЦИС в соответствии с государственной аккредитацией в качестве ОКУ осуществляет управление имущественными правами на литературные, драматические, музыкально-драматические, хореографические и другие сценарные произведения, на произведения изобразительного искусства, прикладного искусства и дизайна в составе представлений, а также на постановки при их публичном исполнении.

Сферы коллективного управления имущественными правами авторов и иных правообладателей приведены в п. 2 ст. 48 Закона об авторском праве и смежных правах; данный перечень сфер является открытым.

Основными направлениями коллективного управления НЦИС являются:

- управление имущественными правами авторов и иных правообладателей;
- предоставление НЦИС разрешения пользователям на использование произведений и объектов смежных прав;
- сбор, распределение и выплата вознаграждения правообладателям за использование их произведений и (или) объектов смежных прав;
- защита прав: Центр обеспечивает защиту имущественных прав правообладателей, включая судебные разбирательства в случае их нарушения;
- ведение обширного каталога произведений и объектов смежных прав, что упрощает процесс получения разрешений для пользователей.

НЦИС как аккредитованная организация по коллективному управлению, в настоящее время представляет интересы свыше 5 тысяч белорусских авторов и иных правообладателей. В соответствии с действующими соглашениями о взаимном представительстве, которые заключены с зарубежными организациями, занимающимися коллективным управлением интеллектуальной собственностью, НЦИС выполняет функцию представителя интересов более одного миллиона правообладателей со всего мира. Эти соглашения позволяют эффективно координировать и защищать права иностранных авторов и создателей в Беларуси, а также обеспечивать получение ими справедливого вознаграждения за использование их произведений. Благодаря таким договоренностям, НЦИС способствует интеграции национальной системы интеллектуальной собственности в международное правовое пространство и укрепляет сотрудничество с зарубежными партнёрами.

Сбор вознаграждений в НЦИС осуществляется с целью обеспечения справедливого вознаграждения правообладателям за использование их произведений и объектов смежных прав. Основные этапы процесса включают в себя:

1. Заключение договоров с пользователями: НЦИС заключает соглашения с организациями и лицами, которые используют произведения,

такие как музыкальные композиции, фильмы или театральные постановки. Это могут быть радиостанции, телеканалы, концертные площадки и другие.

2. Установление тарифов: тарифы за использование произведений, а также минимальный размер вознаграждений, установлены постановлением Совета Министров Республики Беларусь в зависимости от характера и способа использования, аудитории и других факторов. При этом необходимо учитывать, что коммерческое использование может иметь более высокие тарифы.

3. Сбор данных об использовании: пользователи обязаны предоставлять отчёты об использованных произведениях. Эти данные помогают НЦИС точно определить, какие произведения были использованы и в каком объёме.

4. Сбор средств: на основании предоставленных данных и установленных тарифов НЦИС собирает вознаграждение с пользователей, которые затем распределяются между правообладателями. Это позволяет правообладателям получать доход от использования их произведений без необходимости самостоятельно следить за использованием их правом интеллектуальной собственности.

5. Соблюдение принципов прозрачности и отчётности: НЦИС обеспечивает прозрачность процесса сбора и распределения вознаграждений, предоставляя отчёты правообладателям.

Несмотря на то, что Конвенция предусматривает автоматическую охрану произведений, в Республике Беларусь существуют дополнительные механизмы добровольной регистрации произведений в авторских обществах. На практике правообладатели заполняют приложения (перечень произведений/постановок) к договорам об управлении имущественными правами на произведения/постановки, где указываются произведения/постановки, которые они передают в ОКУ. Это упрощает процесс управления правами, учёта использования произведений и сбора вознаграждения. Также согласно положениям Конвенции устанавливается обязательство стран-участниц охранять личные неимущественные права как минимум в течение срока охраны имущественных прав. В Республике Беларусь личные неимущественные права авторов охраняются бессрочно.

Таким образом Республике Беларусь удалось достичь определенных результатов в сфере авторского и смежных прав, вобрав в свою нормотворческую деятельность основные принципы действующего международного права этой сферы, включая положения Конвенции. Процесс совершенство-

вания законодательства и поиска более эффективных форм охраны и защиты произведений и прав их авторов является одним из наиболее перспективных направлений работы в этом направлении, особенно учитывая появление новых видов произведений, форм их представления и ресурсов для их создания.

Список использованных источников

1. Вступили в силу изменения в Гражданский кодекс Республики Беларусь // Национальный центр интеллектуальной собственности : [сайт]. – URL: <https://www.ncip.by/o-centre/izmeneniya-v-gk/> (дата обращения: 02.06.2025).
2. Косицкий, А. О. Творчество как критерий охраноспособности объектов авторских прав: самостоятельное создание и творческий характер. Уровень творческого характера / А. О. Косицкий // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – № 4(42). – С. 65-81.

ВОПРОСЫ ОБОРОТОСПОСОБНОСТИ АККАУНТА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ КАК РЕЗУЛЬТАТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. Максуров

кандидат юридических наук, преподаватель,
Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова,
maxurov78@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы возможного правового регулирования аккаунта в социальной сети как объекта субъективных гражданских прав в сети Интернет. Целью работы выступает уяснение правовых характеристик аккаунта в социальной сети как результата интеллектуальной деятельности в его гражданском обороте. Итоги работы имеют научное значение, поскольку позволяют упорядочить знания о правовой природе аккаунта в социальной сети и путях защиты прав на аккаунт, что представляют практическую значимость для владельцев аккаунтов, представителей социальных сетей и судов. Данные вопросы впервые рассмотрены в литературе с точки зрения проблематики их разрешения с точки зрения отнесения аккаунта в социальной сети к особым объектам интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: аккаунт, социальная сеть, учетная запись, гражданский оборот, оборотоспособность, сделки, объект права.

Annotation. The article examines the issues of possible legal regulation of an account in a social network as an object of subjective civil rights on the Internet. The purpose of the work is to clarify the legal characteristics of an account in a social network as a result of intellectual activity in its civil circulation. The results of the work are of scientific importance, since they allow us to organize knowledge about the legal nature of an account in a social network and ways to protect rights to an account, which are of practical importance for account owners, representatives of social networks and courts. These issues are considered for the first time in the literature from the point of view of the problems of their resolution from the point of view of classifying an account in a social network as special objects of intellectual property.

Keywords: account, social network, account, civil circulation, turnover, transactions, object of law.

Аккаунт в социальной сети все чаще становится объектом правовых исследований. Указанное обстоятельство связано, в том числе, с тем местом, которое занимают «представительства» в социальных сетях с точки зрения функционального правового воздействия [1, с. 122], пределов действия механизма правового регулирования [2, с. 23], эффективности государственной деятельности по согласованию (координации) интересов различных субъектов права [3, с. 92], принципов такой деятельности [4, с. 62], и, даже, с позиций эффективности государственного управления, когда аккаунты

«принадлежат» органам власти и их должностным лицам [5, с. 72]. В ряде случаев потенциальная защита аккаунтов национальных юридических и физических лиц рассматривается в контексте обеспечения национальной безопасности [6, с. 13].

Аккаунт в социальной сети, как правило, тесно связанный с личностью или субъектом предпринимательства, и который, по ряду причин, может быть рассмотрен в качестве результата интеллектуальной деятельности, пока еще прямо не указан в гражданском законодательстве в качестве объекта правового регулирования или правовой защиты. Отсутствие правового регулирования данного вопроса относят к недостаткам юридической тактики [7, с. 53], иногда препятствующим контрольной и надзорной деятельности [8, с. 66], определенности в форме выражения в правовых актах результатов согласования интересов участников информационного обмена [9, с. 56].

Обычно аккаунт считается цифровым объектом, содержащим цифровую информацию в виде программного кода, представляющим собой некий результат интеллектуального труда [10, с. 419]. Аккаунт связан с личностью его «владельца» и характеризуется также отсутствием к нему свободного доступа иных, кроме владельца и администратора, лиц вследствие применения средств физической, технической и организационной защиты [11, с. 72].

Если аккаунт в социальной сети, когда такой аккаунт является результатом интеллектуальной деятельности, и относится к средствам индивидуализации юридического лица или предпринимателя, то особых проблем с его определением в виде объекта права нет: право на средство индивидуализации будет имущественным правом, а этим правом можно владеть и пользоваться [12, с. 189]. Изначальное администрирование аккаунтов самой социальной сетью (как предоставление «площадки» для информационного обмена) сходно по своим свойствам с административным усмотрением в его понимании, предложенном А.В. Тереховой [13, с. 314], однако оборот такого аккаунта возможен лишь при его отражении в виде воплощенного в цифровой форме результата интеллектуальной деятельности, при этом, помимо существующих в социальных сетях запретов на отчуждение аккаунтов как объектов, следует учитывать и те психологические особенности, которые могут здесь иметь место при согласовании интересов всех участвующих в «использовании» аккаунта и «контакте» с ним лиц [14, с. 92].

Передача аккаунтов субъектов предпринимательства в социальных сетях от одного лица к другому уже имеет место в рамках медиативных соглашений [15, с. 22]. Наблюдается ставшее результатом переговоров сторон

юридического конфликта совместное использование аккаунта по особому договору между сторонами [16, с. 31]. Однако, ввиду прочности «связи» аккаунта с личностью ее владельца и в этом случае пока еще невозможно реализовать потенциально приносящие доход аккаунты в социальных сетях в рамках исполнительного производства [17, с. 102]. Иное нарушило бы правила социальной сети. Другими словами, ограничения в оборотоспособности формы, в которой воплощен результат интеллектуальной деятельности (аккаунт), препятствует отчуждению самого этого результата.

Иначе решается вопрос оборота аккаунта в социальной сети (мессенджере), который принадлежит физическому лицу, не являющемуся индивидуальным предпринимателем. Позиции исследователей по этому поводу объединяются в три группы.

1. Аккаунт физического лица в социальной сети не является объектом права ввиду отсутствия на то прямого указания в законе (как на результат интеллектуальной деятельности), а, соответственно, не может стать и предметом каких-либо сделок. Это наиболее распространенное мнение, основанное на понимании объекта права в гражданском законодательстве в виде, либо вещи (обособленной части материального мира, имеющей пространственные характеристики), либо имущественного права. Очевидно, что учетная запись на сервере, сделанная владельцем (администратором) социальной сети, не может являться обособленной вещью, так как не существует вне глобальной информационной сети. Однако не может быть речи и об имущественном праве *ввиду одного лишь факта регистрации такой учетной записи на конкретное лицо*, так как необходимо «наполнение» внешнего интерфейса учетной записи некоторыми интеллектуально значимыми результатами, обладателю которых право и предоставляет возможность использовать такой результат вне нарушения этого права со стороны иных лиц, но лишь в конкретном, прямо оговоренном в законе случае. Например, в упомянутом выше случае понимания аккаунта в социальной сети как средства индивидуализации юридического лица или предпринимателя.

Физическому лицу, вне связи с его предпринимательской деятельностью, такой правовой возможности закон не предоставляет, хотя в будущем предоставление такой возможности могло бы повысить эффективность действия и иных норм частного права [18, с. 112].

Так, В.М. Сайфутдинова пишет, что аккаунт (профиль) как учетная запись пользователя (лицензиата) полностью принадлежит социальным сетям и их владельцам [19, с. 64]. Однако существенным недостатком указанной позиции является смешение автором понятий «аккаунт» и «профиль» («социальная страница»), так как аккаунт означает лишь регистрацию в соци-

альной сети (мессенджере), но не предоставление какой-либо информации, отличной от информации, требуемой при регистрации самой социальной сетью. Более того, даже в последнем случае информация может быть совершенно произвольной. Такое замечание не второстепенно: аккаунт предполагает интерес лица во взаимосвязи с ним вне зависимости от ценности размещенной информации для третьих лиц, тогда как профильная страница предполагает интерес к ней как раз вследствие информации. По этой причине, например, та же сеть Телеграмм может блокировать любые каналы и паблики, созданные с конкретного аккаунта, не блокируя сам аккаунт, притом, что блокировка самого аккаунта «не стирает» паблики и каналы из информационного пространства мессенджера: к ним в течение длительного периода могут обращаться другие пользователи, хотя обновление информации на этих каналах (в группах) владелец аккаунта произвести уже не сможет.

Нельзя и приравнивать учетную запись на платформе к цифровому активу в его понимании, например, в виде токена и других учетных записей в рамках платформы блокчейн, как это, например, предлагает Ю.С. Харитонов [20, с. 99], так как последние имеют изначально имущественный характер и у них отсутствует столь жесткая личная связь с их владельцем, как у аккаунта в социальной сети [21, с. 430].

Таким образом, поставленный вопрос не может быть разрешен и в результате искусственного пообъектного расщепления личных неимущественных прав на отдельные правомочия, чтобы затем, создав из этих правомочий некоторую совокупность, приравнять ее к праву на аккаунт в социальной сети как личному неимущественному праву.

2. Аккаунт физического лица в социальной сети не является объектом права, что, ввиду его особой социальной значимости, относится к недоработкам законодателя; в будущем права на аккаунт, как на результат интеллектуальной деятельности, должны быть защищены во всех без исключения случаях [22, с. 130].

Однако, очевидно, что, например, далеко не всякий аккаунт уникален: в любой социальной сети существует множество совершенно пустых от контента страниц. Соответственно, в таких случаях отсутствуют и ценность, и социальная значимость. О содержании информации как об основной ценности аккаунта говорить также нельзя, поскольку для его владельца ценность, очевидно, состоит не в этом, а в той связи, которая у него есть с этим объемом информации. Именно эту связь и стремится защитить владелец аккаунта в первую очередь.

3. Речь идет о теории субъективации аккаунта. Регистрируя аккаунт, его владелец всегда создает новый объект, который становится самостоя-

тельным «субъектом» в данной социальной сети, чем объясняется, например, возможность создания лицом сразу нескольких аккаунтов одной и той же социальной сети. По этим причинам следует допустить любой оборот аккаунтов, которому не должна препятствовать социальная сеть [23, с. 25], [24, с. 187].

Разбирая возникший вопрос с позиций существующего законодательства, следует еще раз подчеркнуть, что интерес в признании и защите прав на аккаунт заключается в том, что аккаунт – это учетная запись, благодаря которой некое лицо может участвовать в информационном обмене в конкретной социальной сети (мессенджере). Здесь имеют место две группы отношений и возможных прав: права, связанные с регистрацией аккаунта в социальной сети и реализуемые в самой социальной сети, и права, вытекающие из факта регистрации аккаунта в социальной сети.

В первом случае действительно можно вести речь о правах, но это лишь права (причем достаточно ограниченные) пользователя социальной сети, которым корреспондируют редкие обязанности самой социальной сети. Эти права определены пользовательским соглашением, правилами (декларациями, меморандумом и т.п.) пользования информационным обменом в рамках социальной сети. В данном случае социальная сеть выступает посредником в рамках информационного обмена и, по сути, предоставляет бесплатную услугу. Лишь в этой части у пользователя могут возникнуть по отношению к ней гражданские права, защищаемые законодательством об услугах.

Во втором случае можно говорить только о наличии у физического лица не права, а нематериального блага. С точки зрения его правовых характеристик такое нематериальное благо – это возможность для третьего лица идентифицировать конкретную личность с аккаунтом в социальной сети.

Подводя итоги исследованию, следует отметить, что в настоящее время право на аккаунт не может быть объектом сделок, поскольку сам аккаунт не считается объектом права, однако аккаунт как результат интеллектуальной деятельности может быть защищен, однако не во всех случаях. В будущем оборот аккаунтов может стать возможным путем выделения отдельного вида объектов гражданских прав, относящихся к глобальной информационной сети, однако лишь с учетом природы самого аккаунта, ограничивающего его оборотоспособность, например, тесной связью с личностью. Соответственно, как нельзя «унаследовать личность», так и сложно представить унаследование аккаунта. Другое дело, что можно унаследовать право вести аккаунт уже умершей личности в социальных сетях с учетом, разумеется, не только правовых, но и моральных ограничений (например, в виде «странички памяти»).

Список использованных источников

1. Бриль, Г. Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики / Г. Г. Бриль // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. науч. тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / отв. ред. Г.Г. Бриль. – Кострома, 2007. – С. 121-125.
2. Карташов, В. Н. Механизм координационного регулирования / В. Н. Карташов // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Москов. гуманитарно-эконом. ин-та. / отв. ред. П. А. Кабанов. – Нижнекамск, 2001. – Вып. 3. Часть 8. Вопросы теории и истории гос. и права. – С. 21-25.
3. Карташов, В. Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности / В. Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. науч. тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. – Кострома, 2007. – С. 89-94.
4. Фролов, С. Е. Принципы координационной деятельности / С. Е. Фролов // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов. – Владимир, 2002. – С. 59-64.
5. Макаров, И. И. Координация в праве / И. И. Макаров. – Ярославль : ЯФ МФЮА, 2012. – 314 с.
6. Баранов, В. М. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе / В. М. Баранов, В. Н. Карташов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. – № 6. – С. 11-15.
7. Карташов, В. Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики / В. Н. Карташов // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сб. науч. тр. по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 г. – Тамбов, 2011. – С. 50-55.
8. Постнов, А. С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики / А. С. Постнов // Российское право в период социальных реформ : материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26-27 ноября 2004 г.). – 2005. – Вып. 6: Ч. 1. – С. 64-67.
9. Кивленок, Т. В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности / Т. В. Кивленок // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник научных трудов. – Владимир : ВГПУ, 2002. – Вып. 3. – С. 54-58.
10. Кириллова, Е. А. Особенности правового обеспечения наследования аккаунта, размещенного в социальных сетях / Е. А. Кириллова, Т. Э. Зульфугарзаде // Цифровые технологии и право : сб. науч. трудов I Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т., Казань, 23 сент. 2022 г. / под ред. И. Р. Бегишева [и др.]. – Казань : Познание, 2022. – Т. 2. – С. 418-427. – DOI: 10.5281/zenodo.7386426.
11. Максуров, А. А. Виды методов правового обеспечения информационной безопасности / А. А. Максуров // Актуальные вопросы науки и образования : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 6 марта 2024 г. – М : АНО ДПО ЦРОН, 2024. – С. 70-73.
12. Максуров, А. А. Товарные знаки и иные средства индивидуализации в России и за рубежом. Проблемы соотношения со смежными правовыми понятиями / А. А. Максуров. – М. : URSS, 2021. – 266 с.

13. Терехова, А. В. Административное усмотрение в расследовании несчастных случаев на производстве и административном расследовании по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда / А. В. Терехова // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 311-323.
14. Чернецов, В. Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики / В. Ю. Чернецов // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации : доклады и сообщения VII Междунар. научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. – М. : РГГУ, 2007. – С. 89-94.
15. Таланова, М. В. Экономическая функция медиативной юридической практики / М. В. Таланова // Законодательство и экономика. – 2011. – № 11. – С. 19-26.
16. Таланова, М. В. Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур / М. В. Таланова. – М. : ЭкООнис, 2013. – 466 с.
17. Гражданское исполнительное право : учебник / под ред. А. А. Власова. – М. : Экзамен, 2004. – 430 с.
18. Таланова, М. В. Эффективность норм частного права // Частно-правовые отношения в условиях глобализации / М. В. Таланова. – Saarbrücken : Lambert academic publishing, 2012. – 290 с.
19. Сайфутдинова, В. М. Социальные сети: некоторые вопросы правового регулирования / В. М. Сайфутдинова // ИС. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 3. – С. 60-67.
20. Харитонов, Ю. С. Правовой режим аккаунта в социальной сети / Ю. С. Харитонов // Закон. – 2023. – № 3. – С. 98-101.
21. Maksurov A.A. On the issue of legal liability for using the cryptocurrency in the production of calculations. Bull. of Omsk law / A. A. Maksurov // Вестник Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии. – 2018. – Т. 15, № 4. – С. 429-434.
22. Гринь, Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт / Е. С. Гринь // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 2. – С. 128-134.
23. Максуров, А. А. Правовые проблемы принудительной блокировки аккаунтов администрацией социальной сети / А. А. Максуров // Гражданин и право. – 2021. – № 4. – С. 18-27.
24. Максуров, А. А. Актуальные проблемы реализации субъективных гражданских прав в сети Интернет : монография / А. А. Максуров. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». – 2023. – 320 с.

РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИИ КИНО В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

А.И. Масальцева

кандидат юридических наук, доцент кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», a.masalceva@rgiis.ru

Аннотация. На текущий момент Российская Федерация и Республика Беларусь развивают экономику своих государств в условиях импортозамещения. Киноиндустрия, являясь одной из наиболее популярных сфер культуры и сегментом экономики, также испытывает на себе последствия санкций ряда зарубежных государств. В статье анализируются проблемы, с которыми столкнулась данная индустрия, а также меры, предпринимаемые государством для их разрешения.

Ключевые слова: киноиндустрия, кинематограф, импортозамещение, креативные индустрии.

Abstract. At the present moment, the Russian Federation and the Republic of Belarus are developing the economies of their states in the context of import substitution. The film industry, being one of the most popular spheres of culture and segment of the economy, is also experiencing the consequences of sanctions from a number of foreign countries. The article analyzes the problems faced by this industry, as well as the measures taken by the state to resolve them.

Keywords: film industry, cinematography, import substitution, creative industries.

Кинематограф как часть культуры и искусства появился в России в самом начале XX века, и уже в период после Октябрьской революции 1917 года появились и полноценные кинофильмы с звуковым сопровождением [1, с. 119]. На дальнейшее развитие кинематографа влияли те события, которые происходили как в социальной, так и в политической сферах жизни общества. В период Великой Отечественной войны снимали картины о событиях войны, героях войны, жизни мирных граждан в тылу, после наступил период жизнеутверждающих фильмов, снимали мелодрамы и комедии. Надо сказать, что несмотря ни на что кинематограф как часть искусства жил и развивался. Постепенно стали меняться форматы кинематографа, появились сериалы, режиссеры стали затрагивать самые разные темы и вопросы в своих произведениях. Последние годы кино стало носить более развлекательный характер, пытаясь привлечь зрителя спецэффектами, юмором, зрелищностью [1, с. 122]. В Российской Федерации на конец 2024 года объем кинопроката превысил 43 млрд. рублей, причем 77% от данной суммы принесли отечественные киноленты [2]. В Республике Беларусь показатели

также достаточно оптимистичные, согласно официальному статистическому отчету, невзирая на небольшое сокращение количества кинотеатров, число зрителей, наоборот, увеличилось [3, с. 29].

Кинематограф как часть искусства соединяет в себе произведения литературы и музыки, исполнительского мастерства, и постепенно с развитием технологий появлялись все более совершенные способы выражения идей и задумок режиссеров. Стали широко использоваться техники обработки звука, монтажа, совершенствовались видеокамеры и компьютерные программы для создания спецэффектов и анимации. Все это только повышало привлекательность кино для общества, в определенный момент появилось понятие «киноиндустрия», кино вышло за рамки искусства, сегодня процесс создания кинопроизведения представляет собой непростой, многоэтапный процесс. Кинематограф стал полноценной и довольно значимой частью экономики, сохраняя при этом тесную связь с культурой и искусством.

В Российской Федерации с 2024 года отдельным законом закрепилось понятие «креативные индустрии», среди которых выделяется и киноиндустрия. Это, безусловно, упрочило связь кинематографа и сферы экономики, однако нормы, регулирующие сферы культуры и искусства все же имеют определённый приоритет. Такими основными регулирующими актами являются Основы государственной культурной политики от 2014 года и федеральный закон о государственной поддержке кинематографии. Надо сказать, что в связи с последними событиями внешней политики России, чем и обуславливается актуальность темы статьи, государство стремится уделять больше внимания киноиндустрии, учитывая популярность ее произведений у общества. Так, в конце 2024 года Министерство культуры Российской Федерации приказом утвердило перечень приоритетных тем государственной финансовой поддержки кинопроизводства на 2025 год [7].

В Республике Беларусь на законодательном уровне понятие «креативные индустрии» не закреплено, однако кинематограф также представляет собой значимый сектор экономики. Но, надо сказать, что в Республике Беларусь кинематограф в большей степени регулируется нормами законодательства о культуре. Кодекс о культуре от 2016 года содержит целую главу, посвященную кинематографии, в которой содержатся основные понятия. Также следует отметить принятый в 2021 году Указ Президента Республики Беларусь «О развитии кинематографии», устанавливающий правила государственного финансирования киноиндустрии. По сути, приказ Министерства культуры Российской Федерации от 2024 года очень схож с данным Указом, их целью является поддержка кинематографа в непростых для обоих государств условиях, но при этом сохранение и развитие культурных и национальных ценностей.

Такие меры являются адекватным ответом на события, происходящие в мире, после 2022 года ряд государств ведут санкционную политику, что вынуждает как Россию, так и Белоруссию предпринимать меры по поддержке своих экономик. Обычно в обсуждении импортозамещения речь идет о сложных производствах, промышленности, медицине, но и в индустрии кино ввиду политики ведущих зарубежных кинопроизводителей наблюдаются определенные сложности.

В 2022 году, прежде всего в отношении Российской Федерации, были приняты меры по запрету показов зарубежных кинофильмов, что существенно повлияло на российскую киноиндустрию. Но это лишь одна часть киноиндустрии, связанная с показом готового продукта. Как следует из определения кинематографии, данного в российском Законе о поддержке кинематографии, а также определении кинематографии из Кодекса о культуре Белоруссии, данная сфера представляет собой совокупность творческих, производственных, технологических, технических, информационных, просветительских и иных процессов, направленных на производство, показ и распространение кинофильмов. Поэтому рассматривая киноиндустрию в условиях импортозамещения необходимо отдельно говорить о запрете показа зарубежных кинофильмов, что наносит ущерб кинопрокатчикам, а отдельно о процессе создания своих отечественных кинофильмов, что также в условиях санкций не очень просто.

После введения санкций ряда зарубежных государств у России, как и у Белоруссии, не было достаточного количества кинофильмов собственного производства, что смогло бы обеспечить кинотеатрам приток зрителей. Следствием этого стали достаточно пессимистичные прогнозы представителей киноиндустрии, падение доходов кинотеатров, онлайн-платформ, закрытие части кинотеатров. За время пандемии коронавируса 2020–2021 годов кинотеатры определенным образом скорректировали свою работу, поэтому сильно катастрофических последствий не было. За 2023–2024 годы были выпущены российские кинофильмы, которые смогли привлечь зрителей в кинотеатры, но их количество все равно недостаточно. Представители крупнейших сетей кинотеатров в Российской Федерации «Люмен» и «Люксор» говорят о том, что несмотря на определенные успехи и повышение доходов кинотеатров от показов отечественного кино, требуется снимать большее количество картин, а также проработать стратегию продвижения кино, его рекламу [10]. В Республике Беларусь кинотеатры в целях увеличения притока зрителей предпринимаяют очень интересные меры, что приводит и к увеличению доходов кинотеатров. Falcon Club Бутик Кино устраивает показы фестивального кино, причем после просмотра кинофильма зрители имеют

возможность обсудить картину, поделиться своим мнением, что привлекает общественность, билеты на такие показы распродаются довольно быстро. Также кинотеатры устраивают показы кино с участием приглашенных экспертов и активно взаимодействуют с такими зарубежными кинопроизводителями как Индия, Корея и Китай [11].

Помимо проблем, связанных с запретом показа ряда зарубежных кинокартин, существуют и сложности с производством отечественного кино. Возникают они по причине отсутствия на сегодняшний день аналогов зарубежных технических средств для съемок и производства кинофильмов. На 2023 год в российской киноиндустрии заявили, что импортозамещение оборудования и программного обеспечения требует много времени, отмечая при этом большую роль государственного финансирования в данном процессе [12]. Однако уже сегодня можно заметить некую динамику в работе отечественных производителей кинооборудования, так за неполный 2024 год в Московской области предприятия смогли в 4 раза увеличить производство оптических приборов и иного кинооборудования [13].

Другой проблемой при производстве кинофильмов является нехватка кадров, причем как режиссеров и сценаристов, так и актеров, операторов и проч., в связи с оттоком ряда представителей киноиндустрии. Мнения по этому вопросу разделились, часть продюсеров говорит о том, что для замещения кадров необходимо минимум 5 лет, другие говорят, что молодое поколение уже показывает неплохой результат и способно заместить ушедших представителей киноиндустрии [14].

По итогам рассмотрения вопроса импортозамещения в киноиндустрии России и Белоруссии можно сказать, что проблемы непосредственно производства кинофильмов будут решены, хотя на это и потребуются какое-то время. Направление культурной политики в области кинематографии обоих государств свидетельствуют о их высокой заинтересованности в развитии киноиндустрии, что связано в том числе и защитой национальных интересов государств. Что касается увеличения доходов кинотеатров, как наиболее экономически прибыльной части киноиндустрии, то здесь необходимо обратить внимание на опыт Белоруссии, а также пересмотреть инструменты маркетинга в области киноиндустрии.

Список использованных источников

1. Колесова, А. А. Появление в России киноискусства и этапы его развития / А. А. Колесова // Бизнес и дизайн ревю. – 2022. – № 3(27). – С. 117-123.
2. Сборы российского кино выросли на четверть в 2024 году // Forbes : [сайт]. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/528202-sbory-rossijskogo-kino-vyrosli-na-cetvert-v-2024-godu> (дата обращения: 06.05.2025).

3. Беларусь в цифрах : статистический справочник. – Минск, 2025 // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/d12/aalaj3hz5ao69qsk43kppqm5o90m8s0n.pdf> (дата обращения: 06.05.2025).
4. О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации : Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ // Российская газета. – 2024. – № 182. – 16 авг.
5. Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 // Собрание законодательства РФ от 29.12.2014. – № 52. Ч. 1. – ст. 7753.
6. О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации : Федеральный закон от 22.08.1996 № 126-ФЗ // Российская газета. – 1996. – № 164. – 29 авг.
7. Об утверждении приоритетных тем государственной финансовой поддержки кинопроизводства в 2025 году // Министерство культуры Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://culture.gov.ru/documents/ob-utverzhdanii-prioritetnykh-tem-gosudarstvennoy-finansovoy-podderzhki-kinoproizvodstva-v-2025-godu/> (дата обращения: 06.05.2025).
8. Кодекс Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 года № 413-З // «Параграф» : [сайт]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35508167&doc_id2=35508167#activate_doc=2&pos=225;-76&pos2=2614;-80 (дата обращения: 06.05.2025).
9. О развитии кинематографии : Указ Президента Республики Беларусь от 16 апреля 2021 г. № 146 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32100146> (дата обращения: 06.05.2025).
10. Отчёт российских киносетей за 2024 год и падение посещаемости в 2025 году // Синемаплекс : [сайт]. – URL: <https://cinemaplex.ru/2025/04/17/otchyot-rossijskih-kinosetej-za-2024-god-i-padenie-poseshhaemosti-v-2025-godu.html> (дата обращения: 06.05.2025).
11. Панкратова, А. Когда уходит Голливуд. Как теперь выживают белорусские кинотеатры / А. Панкратова // Про бизнес : [сайт]. – URL: <https://probusiness.io/markets/9387-kogda-ukhodit-gollivud-kak-teper-vyzhivayut-belorusskie-kinoteatry.html> (дата обращения: 06.05.2025).
12. Российские киностудии заявили о зависимости от импортных камер // РБК : [сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/05/2023/646f43819a79475de0a0fddb (дата обращения: 06.05.2025).
13. В Московской области выросло производство кинооборудования и оптических приборов // Промышленные страницы : [сайт]. – URL: <https://indpages.ru/news/v-moskovskoj-oblasti-vyroslo-proizvodstvo-kinooborudovaniya-i-opticheskikh-priborov/> (дата обращения: 06.05.2025).
14. Звягинцева, М. Достижения и трудности российского кино: когда мы полностью заменим Голливуд? / М. Звягинцева // Национальная медиа группа : [сайт]. – URL: <https://78.ru/articles/2023-06-17/dostizheniya-i-trudnosti-rossiiskogo-kinoproizvodstva-kogda-mi-polnostyu-zamestim-gollivud> (дата обращения: 06.05.2025).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАТЕНТНЫХ ЛАНДШАФТОВ НА РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

А.А. Мазаник

начальник управления патентной документации и редактирования,
Национальный центр интеллектуальной собственности,
alex-mazanik@yandex.ru

Аннотация. Патентный ландшафт, представляющий собой уникальный инструмент для анализа патентной информации, может использоваться при принятии решений, влияющих на конкурентоспособность рыночного товара. В статье автор описывает основные принципы такого использования патентного ландшафта на различных стадиях жизненного цикла технической продукции.

Ключевые слова: жизненный цикл технической продукции, патентная информация, патентный рынок, патентный ландшафт.

Annotation. The patent landscape, which is a unique tool for analyzing patent information, can be used when making decisions that affect the competitiveness of a market product. In the article, the author describes the basic principles of such use of the patent landscape at various stages of the life cycle of technical products.

Keywords: life cycle of technical products, patent information, patent market, patent landscape.

Патентные ландшафты, под которыми традиционно понимаются аналитические отчеты, демонстрирующие состояние патентного рынка в определенной области, почти никогда не являются самоцелью и, как следствие, не создаются сами по себе [1; 2]. Причиной здесь является то, что практически любой ландшафт связан с какой-то разрабатываемой тематикой и, соответственно, с определенными техническими разработками. Если такой ландшафт строится в производственных условиях, он обычно предназначен для принятия управленческих решений, связанных с созданием некой технической продукции (т. е. товара) и ее последующей реализацией на рынке. А поскольку главной задачей любого предприятия является выпуск конкурентоспособного товара, то в дальнейшем имеет смысл говорить об управленческих решениях, напрямую или косвенно обеспечивающих увеличение указанной конкурентоспособности.

В качестве основных факторов, влияющих на конкурентоспособность продукции, специалисты перечисляют [3; 4]:

1. Соответствие технического уровня продукции последним достижениям науки и техники.

2. Соответствие качества продукции требованиям потребителей.
3. Учет при создании продукции основных тенденций ее развития.
4. Учет при разработке продукции условий конкуренции на рынке.
5. Патентно-правовые показатели технической продукции.
6. Производственные условия.
7. Условия поставки и сбыта товара.
8. Стоимостные и информационно-конъюнктурные факторы.

Последние три позиции приведенного списка не связаны либо слабо связаны с патентной информацией и не отражаются в патентных ландшафтах. В свою очередь, патентно-правовые показатели товара с патентной информацией вполне себе связаны, однако, как правило, в готовый ландшафт тоже не включаются, в связи с чем их рассмотрение в рамках данной статьи не является целесообразным. С другой стороны, патентный ландшафт почти всегда содержит сведения о том, какие технические решения патентуются в мире, а также – где они патентуются и кем [2; 5]. Как следствие, первые четыре фактора из данного списка можно определить, обратившись именно к патентному ландшафту.

Следует также добавить, что все управленческие решения, касающиеся технической продукции, могут приниматься на разных стадиях ее т. н. жизненного цикла. Указанный цикл в наиболее простом его случае включает в себя следующие этапы [6]:

1. Появление новой идеи, проектирование и разработка продукции.
2. Создание опытных образцов и их рабочие испытания.
3. Массовое производство, вывод на рынок и реализация продукции.
4. Решение об уходе товара с рынка и его замене новой продукцией.

Рассмотрим каждый из этих этапов по отдельности.

Появление новой идеи, проектирование и разработка продукции.

Никакая продукция не может появиться «из пустоты»: для создания чего-то нового почти всегда используется опыт других разработчиков. Поскольку в патентной документации содержится большое количество технических данных, необходимость ее анализа становится очевидной. В свою очередь, патентный ландшафт всегда включает данные о патентных документах, в связи с чем он может быть использован в том числе и на стадии поиска новых идей. Рекомендации здесь можно привести следующие:

1. Поскольку новая продукция на данный момент еще не создана, из готового патентного ландшафта следует выделить наиболее перспективные технические направления, близкие к общему профилю деятельности предприятия. Далее необходимо изучить относящиеся к этим направлениям патенты для получения из них технической информации, пригодной для использования при создании собственных разработок.

2. При обнаружении в ландшафте перспективных патентов следует обратить внимание на опубликовавшие их ведомства, чтобы предварительно определить будущие рынки сбыта продукции и хотя бы ориентировочно оценить условия конкуренции на них.

3. Следует также обратить внимание на правовой статус перспективных патентов: в случае скорого прекращения их действия их можно будет законно использовать в любом государстве.

4. На этой стадии жизненного цикла уже можно пытаться предварительно оценить соответствие технического уровня будущей продукции отраженным в ландшафте последним достижениям науки и техники: в противном случае проводимые работы могут пойти не в том направлении. То же самое относится и к проверке соответствия качества продукции требованиям потребителя, т. к. продукция не должна разрабатываться наугад. Однако корректное решение этих задач на данном этапе не всегда возможно, поскольку в отсутствие реальных образцов продукции ее технические показатели сложно сравнить с показателями известных товаров [7].

5. На этой стадии нет необходимости глубоко изучать тенденции развития товаров на рынке, однако предварительную их оценку произвести можно. Более точная оценка должна осуществляться на более поздних этапах жизненного цикла, когда свойства продукции уже известны.

Создание опытных образцов и их рабочие испытания.

На данной стадии жизненного цикла разработчику будет необходимо задать все характеристики созданного опытного образца, определяющие его конкурентоспособность и гарантирующие успех на рынке. Согласно известным данным, для этого подлежат проверке [3; 4]:

1. Соответствие технического уровня продукции последним достижениям науки и техники. Под техническим уровнем продукции понимается ее относительная характеристика, основанная на сравнении ее показателей с показателями т. н. «базового образца», т. е. фактически эталона, успешно продаваемого на рынке. Грамотно построенный патентный ландшафт содержит в себе сведения о множестве запатентованных объектов и, следовательно, о потенциальных базовых образцах. В качестве таких образцов рекомендуется выбирать новейшие запатентованные технические решения, имеющие наилучшие характеристики по сравнению с объектами аналогичного им назначения.

В случае низкого технического уровня продукции по сравнению с выбранными базовыми образцами ее владельцу следует произвести ее доработку. Однако в случае, когда доработка сопряжена с большими затратами, другим вариантом может стать попытка выхода на рынок, характери-

зующийся более низким общим техническим уровнем продукции. Таким образом можно повысить относительный технический уровень своего товара. В случае же установленного высокого технического уровня разработчик может сделать вывод о техническом совершенстве товара и перейти к оценке его соответствия требованиям потребителей.

2. Соответствие качества продукции требованиям потребителей. Созданный опытный образец часто отличается от проектных вариантов, поэтому на предмет востребованности и потенциальной продаваемости следует проверять именно его. Изначально такая проверка проводилась путем опросов потребителей, однако те же данные содержатся в патентных документах, являющихся приложением к патентному ландшафту. Любое запатентованное изобретение всегда создается для усовершенствования некой продукции, а его создатель в процессе работы над ним удовлетворяет собственную потребность в продукции повышенного качества. Поэтому каждый патент (раздел «задача изобретения») фактически представляет собой уже заполненный опросник, в котором четко указана цель создания данного технического решения и требования потребителя к нему.

Сама же проверка традиционно сводится к составлению списка целей изобретения, определению перечня т. н. технико-экономических показателей продукции, которые должны быть улучшены для достижения этих целей, и построению кривых динамики изобретательской активности в осях «количество патентов – время» для каждого показателя по отдельности. Далее по углам наклона касательных к этим кривым следует рассчитать т. н. коэффициенты весомости каждого технико-экономического показателя, характеризующие важность его улучшения для потребителей [7]. Далее все полученные данные сводятся в единый массив, называемый профилем требований к продукции соответствующего вида. Обратившись к профилю требований, можно получить сведения о различных путях улучшения продукции и, соответственно, о возможностях повышения ее конкурентоспособности.

3. Тенденции развития товаров того же назначения, что и опытный образец. Поскольку при создании товара обычно имеется в виду долговременный выход на рынок, на этапе испытания опытных образцов нужно проанализировать тренды развития этого рынка и самих товаров. Как правило, при таком анализе решаются следующие промежуточные задачи:

- анализ динамики патентования объектов аналогичного назначения;
- выделение технических направлений их совершенствования;
- обоснование наиболее перспективных направлений совершенствования своего товара.

Динамика патентования изобретений в целевой области уже содержится в готовом ландшафте, так что эта задача является решенной с самого начала. Далее все изобретения, упомянутые в ландшафте, распределяются на группы по техническим направлениям их улучшения, связанным с улучшаемыми технико-экономическими показателями, которые были определены на стадии построения профиля требований. Под техническим направлением совершенствования в данном случае понимается принцип или подход, за счет которого достигается цель изобретения. Сведения об этом берутся из патентных документов, где они прямо указаны. Полученные данные сводятся в таблицу, содержащую патентные документы, сгруппированные по направлениям достижения цели изобретения, и анализируются для выявления ведущих направлений развития продукции данного вида. Список таких ведущих направлений, составленный по результатам анализа, фактически задает тенденции развития данного товара и перспективы его совершенствования.

Дальнейшие решения, принимаемые разработчиком продукции, могут быть самыми разными. Однако они в любом случае должны быть направлены на то, чтобы продукция развивалась в правильном направлении и, таким образом, повышала свою конкурентоспособность.

4. Условия конкуренции на рынке. Очевидно, что только по результатам проверки этих условий можно грамотно выбрать рынки для продажи конечного товара. Анализ такого рода близок по сути к предыдущему, поскольку наличие на рынке развивающихся товаров во многом связано с условиями конкуренции на нем. Все необходимые для этого анализа данные, как правило, уже содержатся в патентном ландшафте. Оценка рыночной конкуренции обычно включает:

- анализ изобретательской активности на рынке. Он предполагает ранжирование организаций, занимающих ведущее положение в области производства и продажи товаров, аналогичных исследуемому: чем активнее фирма патентует свои товары, тем более сильным конкурентом она является. Такие данные напрямую приводятся в соответствующих разделах патентного ландшафта и не требуют для их использования никакой дополнительной обработки [5];

- анализ ассортимента продукции рыночных лидеров. Он позволяет определить степень заинтересованности каждой компании в каждом выводимом на рынок товаре. Такие данные, как правило, тоже содержатся в разделе готового патентного ландшафта, посвященного рыночной активности ведущих заявителей и/или патентообладателей;

– анализ направлений научно-технических поисков различных рыночных игроков при разработке продукции. Такие данные следует брать из таблицы, построенной на стадии оценки тенденций развития продукции и связывающей цели создания изобретений с техническими направлениями их совершенствования.

Ввиду этого можно сказать, что анализ условий конкуренции на рынке представляет собой наиболее простую задачу из всех решаемых на стадии создания и испытания опытных образцов. Такая задача при обращении к составленному патентному ландшафту часто решается автоматически.

Массовое производство и вывод продукции на рынок, ее возможная доработка и модернизация.

На этой стадии жизненного цикла уже существует конечный технический продукт, который затем выводится на рынок и успешно (в идеале) продается. Товар после выхода на рынок, как правило, серьезно не меняется, иначе речь должна идти уже о другом товаре. Поэтому некоторые фирмы на данном этапе обходятся без патентного анализа. Однако следует помнить, что влияющие на конкурентоспособность товара факторы, равно как и сама его конкурентоспособность, могут меняться со временем. Ввиду этого на статус и положение товара может повлиять изменившаяся рыночная картина, что потребует построения нового патентного ландшафта. Кроме того, иногда может возникнуть необходимость в точечном усовершенствовании продукции, что опять же сделает оправданным использование патентной информации.

Новой оценке могут подвергаться практически все факторы конкурентоспособности товара. В первую очередь это относится к условию соответствия требованиям потребителя: если в процессе продажи товара это соответствие исчезнет, оно должно быть восстановлено как можно скорее. Аналогичная ситуация (и по тем же причинам) может сложиться в отношении соответствия технического уровня продукции последним достижениям науки: разочарование покупателей в товаре часто наступает именно из-за его устаревания. Что до условий конкуренции на рынке, то они тоже могут меняться со временем, влияя на продаваемость товара как в лучшую, так и в худшую сторону, и в этом случае построение нового патентного ландшафта опять станет достаточно важным. При определении перспектив товара новый патентный ландшафт будет использоваться точно так же, как и старый.

Вывод продукции с рынка и ее замена новой разработкой.

Ни один товар, даже самый технологичный, не способен продаваться вечно, в связи с чем его жизненный цикл тоже является конечным. Рано

или поздно разработчик продукции принимает решение о ее уходе с рынка либо о кардинальной переделке, т. е. о фактической замене другим товаром. Такое решение часто бывает результатом оценки уже известных факторов, определяющих конкурентоспособность товара. Как и на ранее, к таким факторам относятся:

- соответствие технического уровня продукции общему уровню техники. Оценка технического уровня должна вестись так же, как и на более ранних этапах, поскольку ее алгоритм не зависит от стадии жизненного цикла и степени устаревания товара. Решение об уходе продукции с рынка принимается, если оценка показывает значительное техническое устаревание, не дающее возможности успешно модернизировать товар либо делающее такую модернизацию слишком дорогой;

- соответствие характеристик товара требованиям потребителей. Как и на стадии производства, падение потребительского интереса может объясняться как техническим несовершенством товара, так и иными факторами, которые отражаются в патентных ландшафтах. Решение об уходе товара с рынка, как и ранее, принимается при невозможности либо неоправданно высокой сложности устранения причин, которые уменьшают заинтересованность потребителей в покупке данного товара;

- основные тенденции развития продукции. Этот фактор в рассматриваемом случае почти не оказывает влияния на конкурентоспособность товара, которую нужно оценить не с заделом на будущее, а в данный конкретный момент. Единственное исключение из этого правила – случай принятия решения не об уходе продукции с рынка, а о ее серьезном изменении с перспективой на много лет вперед. Однако совершенно не факт, что в этом случае следует говорить о модернизации старого товара, а не о создании новой продукции;

- условия конкуренции на рынке. Они по-прежнему могут влиять на продаваемость товара и потому подлежат обязательной проверке, алгоритм которой, как и ранее, сводится к построению рейтинга рыночных игроков и его дальнейшему анализу. Поскольку с момента поступления товара в продажу явно прошло какое-то время, для решения этой задачи понадобится новый патентный ландшафт. В общем случае товар уходит с рынка, если он не может конкурировать с производителями аналогичной продукции либо цена такой конкуренции слишком высока.

На этом жизненный цикл данной технической продукции следует считать завершенным. Как видит читатель, учет факторов, влияющих на конкурентоспособность такой продукции, должен осуществляться на всех ста-

дях ее жизненного цикла. Для оценки этих факторов вполне может применяться профильный патентный ландшафт, содержащий необходимую для этого патентную информацию. И, будучи использованным для этих целей, патентный ландшафт в очередной раз оправдывает свою известность в качестве продвинутого инструмента рыночной конкурентной борьбы.

Список использованных источников

1. Мазаник, А. А. О возможностях и перспективах создания патентных экспресс-ландшафтов в Республике Беларусь / А. А. Мазаник // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2024. – № 2. – С. 33–40.
2. Патентно-аналитические работы в Республике Беларусь : методическое пособие / А. А. Мазаник, А. С. Демиденко, Л. К. Паремская, Я. А. Финская ; под общ. ред. А. А. Мазаника ; Национальный центр интеллектуальной собственности. – Минск : СтройМадиаПроект, 2024. – 48 с.
3. Республиканская научно-техническая библиотека : Обзор деятельности патентных служб. – URL: <https://rlst.by/informational-resources/intelectualnay-sobstvennost/obzor-deyatelnosti-patentnyh-sluzhb/> (дата обращения: 28.02.2025).
4. Богомолов, Е. А. Патентно-информационные исследования как фактор обеспечения конкурентоспособности предпринимательской деятельности / Е. А. Богомолов, О. Ю. Гурьева, И. А. Смирнова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 7. – С. 11-21.
5. Мазаник, А. А. Патентный экспресс-ландшафт в Республике Беларусь: практический опыт создания / А. А. Мазаник // Актуальные проблемы гражданского права. – 2024. – № 2(24). – С. 60–74.
6. Патентные исследования. Содержание и порядок проведения = Патэнтныя даследаванні. Змест і парадак правядзення : СТБ 1180-99. – Взамен ГОСТ 15.011-82 ; введ. 01.10.99. – Минск : БелГИСС, 1999. – 21 с.
7. Методические рекомендации по проведению патентных исследований : методическое пособие / сост.: Н. К. Акишев, Г. У. Кенжебекова, О. А. Шаймарданова. – Алматы : Типография АО «НЦ НТИ», 2011. – 64 с.

ОХРАНА СЕКРЕТОВ ПРОИЗВОДСТВА (НОУ-ХАУ) В НАУЧНОЙ, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю.В. Нечепуренко

кандидат химических наук, начальник научно-инновационного отдела,
учреждение Белорусского государственного университета
«Научно-исследовательский институт физико-химических проблем»,
nuv@bsu.by

Аннотация. Выявлены основные тенденции развития рынка секретов производства (ноу-хау) в мире и в Республике Беларусь. Показано, что секреты производства (ноу-хау) следует рассматривать как одну из разновидностей коммерческой тайны. Сделан вывод, что основной формой передачи сведений, составляющих секреты производства (ноу-хау), является договор. Выявлены нарушения в законодательстве Республики Беларусь, которые затрудняют процесс передачи секретов производства (ноу-хау). Предложены меры для реализации режима коммерческой тайны в научно-технической сфере.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, объекты промышленной собственности, секреты производства (ноу-хау), правовая охрана, коммерциализация, Республика Беларусь.

Abstract. The article considers the trends in the development of the trade secrets (know-how) market in the world and in the Republic of Belarus. It is shown that production know-how should be considered as one of the types of commercial secrets. The study showed that the main form of transfer of know-how is a contract. Unresolved problems in the legislation of the Republic of Belarus have been identified that complicate the process of transferring know-how. The article proposes measures for implementing the commercial secrecy regime in the scientific and technical sphere.

Keywords: intellectual property, objects of industrial property, know-how, legal protection, commercialization, Republic of Belarus.

В рамках реализации государственной инновационной политики важное значение имеет создание, правовая охрана и защита секретов производства (ноу-хау) при осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности. В мировой практике отсутствует единый подход к определению секретов производства (ноу-хау). Это приводит к значительным трудностям при его практическом использовании. Предпринимавшиеся Всемирной организацией интеллектуальной собственности многочисленные попытки решить данную проблему в рамках Парижской конвенции или отдельного специального договора не увенчались успехом. Это обусловлено двумя основными причинами. С одной стороны, при регулирова-

нии коммерчески ценной информации употребляются различные термины, которые близки к ноу-хау по своему содержанию или являются синонимами: нераскрытая информация, секрет промысла, торговый секрет, коммерческая тайна (секрет), промысловая тайна, производственная тайна (секрет), закрытая информация, профессиональная тайна, служебная тайна, конфиденциальная информация, предпринимательская тайна, деловая информация (секрет), промышленная тайна, секрет фирмы, деловой секрет и другие.

С другой стороны, анализ действующего законодательства в развитых странах показывает, что имущественные интересы владельцев ноу-хау, производственных, торговых и деловых секретов охраняются гражданским, торговым, уголовным, трудовым правом, законодательством о недобросовестной конкуренции [1]. В течение десятилетий в них сложилась судебная практика разрешения споров, которые относятся к категории сложных. Поэтому не следует в ближайшей перспективе ожидать появления нового международного соглашения, регулирующего секреты производства (ноу-хау).

Для Республики Беларусь институт коммерческой тайны – это относительно новое явление. Во времена СССР понятия «коммерческая тайна», «ноу-хау» и т.п. в законодательстве отсутствовали. Они использовались только в международной торговле [1]. В условиях развития рыночных отношений и внешнеэкономических связей, тенденции к открытости информации и расширению международного научно-технического сотрудничества перед организациями и предприятиями на первый план выходит задача квалифицированной охраны и защиты интеллектуальной собственности, включая секреты производства (ноу-хау), от несанкционированного, безвозмездного использования или неэквивалентного обмена. От ее решения зависит не только экономическое благосостояние каждой организации или предприятия, но и государства в целом, поскольку, по оценке специалистов, из-за просчетов в сфере оборота секретов производства (ноу-хау) в научно-технической сфере на протяжении длительного периода организациям (предприятиям) и государству в целом был нанесен значительный экономический ущерб, оценить который в полной мере не представляется возможным, однако он составляет не менее нескольких млрд долл. США.

Длительное время трактовка секретов производства (ноу-хау) в законодательстве нашей страны отсутствовала. С момента образования независимой Беларуси действовало постановление Совета Министров от 06.11.1992 г. № 670, утверждающее Положение о коммерческой тайне, в котором термин «секреты производства (ноу-хау)» не был определен [2].

С введением в действие с 1 июля 1999 г. Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) в соответствии с его ст. 998 секреты производства (ноу-хау), как и иная нераскрытая информация, были отнесены к объектам права промышленной собственности, в то время как в большинстве государств мира они, как правило, являются нетрадиционными объектами интеллектуальной собственности. Право на секреты производства (ноу-хау) возникало в нашей стране в связи с фактом их создания и не требовало осуществления каких-либо формальностей: регистрации, получения свидетельств и тому подобного, что вытекало из положений п. 2 ст. 1010 ГК [3].

До введения в действие Закона Республики Беларусь «О коммерческой тайне» (далее – Закон) [4] на секреты производства (ноу-хау) распространялось исключительное право, а лицензионные договоры о предоставлении права на их использование регистрировались в патентном ведомстве, что противоречило мировой практике. Всего в период 1993–2013 гг. в патентном ведомстве было зарегистрировано 784 договора, а практика передачи сведений, составляющих секреты производства (ноу-хау), описана в работе [1].

В настоящее время секреты производства (ноу-хау) следует рассматривать как одну из разновидностей коммерческой тайны. В соответствии со ст. 1 Закона: «Коммерческая тайна – сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), *в том числе секреты производства (ноу-хау)*, соответствующие требованиям настоящего Закона, в отношении которых установлен режим коммерческой тайны», а ст. 8 Закона определяет, что «Режим коммерческой тайны включает в себя следующие меры:

- ограничение доступа к коммерческой тайне путем установления порядка обращения с носителями коммерческой тайны, а также контроля за соблюдением такого порядка;
- учет лиц, получивших доступ к коммерческой тайне;
- регулирование отношений, связанных с доступом работников к коммерческой тайне, на основании трудового договора (контракта), а также на основании обязательства о неразглашении коммерческой тайны, дополнительно заключаемого по требованию нанимателя с работником, получающим доступ к коммерческой тайне;
- регулирование отношений, связанных с доступом контрагентов к коммерческой тайне, на основании гражданско-правового договора;
- определение работников, ответственных за принятие мер по обеспечению конфиденциальности сведений, составляющих коммерческую тайну» [4].

Согласно ст. 5 Закона «режим коммерческой тайны может устанавливаться в отношении сведений, которые одновременно соответствуют следующим требованиям:

- не являются общеизвестными или легкодоступными третьим лицам в тех кругах, которые обычно имеют дело с подобными сведениями;
- имеют коммерческую ценность для их обладателя в силу неизвестности третьим лицам;
- не являются объектами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности;
- не отнесены в установленном порядке к государственным секретам» [4].

К основным нерешенным в законодательстве Республики Беларусь вопросам можно отнести:

- отсутствие в актах законодательства определения термина «секреты производства (ноу-хау)», что приводит к ряду неопределенностей в практическом использовании;
- отсутствие в актах законодательства определения авторства на секреты производства (ноу-хау);
- отсутствие четкого разграничения государственной и коммерческой тайны в части секретов производства (ноу-хау);
- не гармонизировано законодательство государств ЕАЭС в части секретов производства (ноу-хау), прежде всего, с Российской Федерацией, и другие.

Серьезной проблемой в настоящее время является отсутствие правовой культуры у большей части населения, включая руководителей различного уровня, в решении вопросов, относящихся к институту коммерческой тайны. Это является следствием ряда причин, некоторые из них приведены ниже:

- еще сильны «советские традиции» – безвозмездное распространение передового производственного опыта, в т.ч. в научно-технической сфере, в государственных организациях (на предприятиях);
- в учебных программах, как правило, не обращают внимания на то, что информацию необходимо разделять на две группы: открытую и закрытую;
- большая часть секретов производства (ноу-хау) в Беларуси создается в научно-образовательной, а не в производственной (коммерческой) сфере; поэтому, с учетом ее специфики достаточно сложно в практическом плане обеспечить режим коммерческой тайны при осуществлении научно-образовательной деятельности (коллаборация, конференции, командировки и т.п.);
- отсутствие методических материалов, в которых детально описано: как реализовать в организации режим коммерческой тайны, и другие.

Защита коммерческой тайны – это комплекс правовых, организационных, технических, финансовых и иных мер, проводимых организацией (предприятием) с целью предотвращения хищения, умышленной передачи, уничтожения и несанкционированного доступа либо утечки этих сведений к конкуренту. Поскольку секреты производства (ноу-хау) являются одной из разновидностей коммерческой тайны, к их защите применимы те же подходы, которые разработаны в мировой практике к охране коммерческой тайны и конфиденциальной информации. Алгоритм защиты коммерческой тайны в научно-технической сфере детально описан в работе [5, с. 58–70].

Для научно-технической сферы первым и наиболее важным шагом является разработка и утверждение перечня сведений, составляющих коммерческую тайну в части секретов производства (ноу-хау) как неотъемлемого приложения к Положению о коммерческой тайне организации. Такой перечень в значительной степени будет зависеть от специфики деятельности организации и может быть обширным. Тем не менее, при его составлении особое внимание следует обратить на: любые идеи по созданию объектов новой техники; любые результаты НИОКТР, представляющие коммерческий интерес; отчеты о патентных и маркетинговых исследованиях; проекты, модели, документация по новым изделиям, не защищенным патентами; особенности конструирования; устройства; конструкцию объекта; схемы и чертежи отдельных узлов и готовых изделий; рецептуры; формулы, расчеты, выводы, рецепты; сведения о состоянии программного и компьютерного обеспечения; технологические достижения, обеспечивающие преимущества в конкурентной борьбе; технологию, технологические режимы, процессы; научно-технический и инновационный потенциал организации; возможную прибыльность разрабатываемого изделия и другие.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) Республика Беларусь утратила в значительной степени потенциал в сфере создания и использования секретов производства (ноу-хау), доставшийся от СССР;
- 2) в настоящее время в Республике Беларусь сформировался рынок секретов производства (ноу-хау), которые являются востребованным и дорогостоящим товаром, однако он требует дальнейшего совершенствования;
- 3) основной формой передачи прав на использование данного объекта права промышленной собственности третьими лицами является договор;
- 4) в законодательстве Республики Беларусь имеется ряд не решенных вопросов на юридическом уровне;

5) в целях предотвращения ущерба от неправомерного использования секретов производства (ноу-хау) в научно-технической сфере необходимо разработать комплекс специальных мер на государственном и корпоративном уровнях;

6) более широкое использование режима коммерческой тайны в научно-технической сфере может в определенной степени решить проблему обеспечения технологического суверенитета Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Нечепуренко, Ю. Практика заключения договоров о передаче секретов производства (ноу-хау) / Ю. Нечепуренко // Наука и инновации. – 2024. – № 5(255). – С. 11–15.
2. Об утверждении Положения о коммерческой тайне : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 6 нояб. 1992 г., № 670 // Собрание постановлений Правительства Респ. Беларусь. – 1992. – № 32. – Ст. 570.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г., № 218-З : с изм. и доп. // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. – 1999 г. – № 7–9. – Ст. 101.
4. О коммерческой тайне : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2013 г., № 16-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H11300016_1357765200.pdf (дата обращения: 26.05.2025).
5. Нечепуренко, Ю. В. Коммерциализация результатов научно-технической деятельности в Республике Беларусь / Ю. В. Нечепуренко. – Минск : БГУ, 2019. – 143 с.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА СЕКРЕТОВ ПРОИЗВОДСТВА (НОУ-ХАУ)

О.В. Ревинский

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры патентного права и правовой охраны средств индивидуализации, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, o_revinski@mail.ru

Аннотация. В статье разбираются особенности режима правовой охраны новшеств с использованием института секрета производства (ноу-хау). Проведено краткое сопоставление соответствующих норм в Гражданских кодексах России и Беларуси. Рассмотрены конкретные случаи применения режима ноу-хау.

Ключевые слова: секрет производства, исключительное право, коммерческая тайна, конфиденциальность.

Abstract. The article analyses the peculiarities in the legal protection regime of novelties when using the institute of production secrets (know-how). Brief comparison of corresponding rules in Civil Codes of Russia and Belarus is made. Considered are specific cases of applying the regime of know-how.

Keywords: production secret, exclusive right, commercial secret, confidentiality.

Охрана сведений в качестве секрета производства до сих пор является довольно распространённой практикой. Однако зачастую в качестве секрета производства понимаются сведения, никакого отношения не имеющие не только к секрету производства, но и вообще к каким-либо секретам. Мне доводилось слышать, как в новостных программах подробно показывали какое-то новшество, а потом с гордостью говорили, что это ноу-хау наших инженеров. Поэтому представляется целесообразным подробнее рассмотреть этот институт правовой охраны.

В России нормы об охране секрета производства собраны в Главе 75 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), относящейся к Разделу VII, или к четвёртой части ГК РФ, введённой в действие с 1 января 2008 г. Помимо этого существует закон «О коммерческой тайне», принятый ещё 29 июля 2004 г., т.е. до введения в действие IV части ГК РФ. Некоторое время нормы обоих этих документов были весьма близки, пока наконец в их тексты не были внесены важные изменения Федеральным законом № 35 от 12 марта 2014 г.

Если в первоначальном тексте закона «О коммерческой тайне» (далее – Закон) ст. 2. **Законодательство Российской Федерации о коммерческой тайне** гласила: «Законодательство Российской Федерации о коммерческой тайне состоит из Гражданского кодекса Российской Федерации, настоящего Федерального закона, других федеральных законов», то в ныне действующем Законе эта статья отменена. Данное обстоятельство позволяет считать, что закон «О коммерческой тайне» больше не относится к области гражданского права.

В первоначальной редакции ст. 3. **Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе**, п. 1) определял коммерческую тайну следующим образом: «**коммерческая тайна** – конфиденциальность информации, позволяющая её обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду». Пункт 3) той же статьи давал такое определение «режим коммерческой тайны – правовые, организационные, технические и иные принимаемые обладателем информации, составляющей коммерческую тайну, меры по охране её конфиденциальности». Теперь этот п. 3) отменён, а под коммерческой тайной в п. 1) ст. 3 понимается именно режим конфиденциальности информации, который позволяет её обладателю получать всё ранее указанное в этом пункте.

Раньше в п. 2) той же ст. 3 Закона после выражения «информация, составляющая коммерческую тайну», в скобках было записано «(секрет производства)». Теперь же п. 2) ст. 3 Закона даёт новое определение понятию: «информация, составляющая коммерческую тайну, – сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны». Обратим внимание на выражение «в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности».

Перейдём теперь к ст. 1465 ГК РФ, названной «**Секрет производства (ноу-хау)**». В этой статье п. 1 даёт следующее определение: «Секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путём введения режима коммерческой тайны».

Сравнение этого определения с ранее приведённым определением из закона «О коммерческой тайне» показывает, что под секретом производства

в настоящее время понимается всё то, о чём в Законе упомянуто в отмеченном выше выражении «в том числе...». При этом в обоих определениях совпадают два первых условия:

- наличие у соответствующих сведений действительной или потенциальной коммерческой ценности вследствие неизвестности их третьим лицам;
- к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании.

Третье же условие в ст. 1465 ГК РФ о том, что обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путём введения режима коммерческой тайны, значительно шире, нежели то же условие в Законе, требующее обязательного введения режима коммерческой тайны. Режим конфиденциальности можно ведь обеспечить и простым сейфом для хранения таких сведений, либо установлением пропускного режима к кабинету для работы с такими сведениями.

Условно можно отобразить эти различия приведённой ниже схемой.

В Беларуси условия правовой охраны секрета производства (ноу-хау) определены в обновлённой ст. 1010 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ), в которой записано: «Лицо, правомерно обладающее сведениями, составляющими секрет производства (ноу-хау), имеет право использовать составляющие его сведения, а также запрещать другим лицам неправомерный доступ к этим сведениям при условии установления в отношении этих сведений режима коммерческой тайны.». Как видим, здесь указан единственный режим конфиденциальности – режим коммерческой тайны. Однако в п. 2 ст. 1012 ГК РБ упомянуты «обязательства сторон по обеспечению конфиденциальности составляющих его (*т.е. секрета производства*) сведений», что позволяет говорить и об иных возможных режимах.

В целом можно сказать, что в обоих государствах нормы о секретах производства сходны.

А теперь поделюсь собственной практикой по этому вопросу.

Мне доводилось неоднократно выступать в качестве судебного эксперта по делам о нарушении патентов. Но вот сравнительно недавно меня привлекли к двум делам о нарушении ноу-хау. В каждом деле сотрудники одной фирмы (истца) создали новую фирму (ответчика) и стали выпускать продукцию, весьма близкую к продукции исходной фирмы, которая обвинила ушедших сотрудников в краже её секретов производства.

В одном случае секретами производства были указаны технические условия на использование продукции, которые поставлялись вместе с продукцией всем приобретателям. В другом случае в качестве секретов производства в исковом заявлении были указаны конкретные товары, которые про-

давались на рынке и были выложены на сайте фирмы. При этом ни на одном документе в обоих делах не было никаких пометок об ограниченном использовании, а тем более о коммерческой тайне. В обоих случаях истцы ссылались на какие-то внутренние распоряжения, якобы говорившие о служебном характере соответствующих сведений. Разумеется, никаких секретов в обоих случаях не было, о чём я и говорил на допросе эксперта.

Попытка правовой охраны через обращение к институту секретов производства оправдана большой лёгкостью установления такой охраны. Действительно, никаких официальных формальностей не требуется, не нужно оплачивать пошлину, срок охраны может быть любым, если не случится раскрытия этих сведений. Но вот здесь-то и таится главный минус этого института правовой охраны: как только кто-то обнародует секрет производства – и не «украд» его, а сам придя к тем же сведениям, – охрана прекращается, причём для всех обладателей этого секрета.

Отметим здесь, что согласно п. 2 ст. 1466 ГК РФ: «Лицо, ставшее добросовестно и независимо от других обладателей секрета производства обладателем сведений, составляющих содержание охраняемого секрета производства, приобретает самостоятельное исключительное право на этот секрет производства». В п. 3 ст. 1011 ГК РФ содержится аналогичная норма: «Лицо, самостоятельно и правомерно получившее сведения, составляющие секрет производства (ноу-хау), вправе использовать эти сведения независимо от прав обладателя соответствующего секрета производства (ноу-хау) и не отвечает перед ним за такое использование».

Иными словами, один и тот же секрет производства может быть у нескольких обладателей. Но ведь исключительное право – это монополия, по-гречески «один продаю», а тут получается не один, т.е. это фактически не «исключительное», а квазиисключительное право. По мнению профессора Э.П. Гаврилова, на секрет производства исключительное право не распространяется, просто существует режим конфиденциальности. К тому же исключительное право не может переходить границы государства, т.е. невозможно заключать лицензионные договоры в других странах, где нет патента, а ноу-хау вполне можно лицензировать на условиях конфиденциальности в любую страну. И главное: информация об объекте исключительного права должна быть общедоступной, чего никак нельзя обеспечить в режиме секретности.

Но всё же, в каких случаях полезно использовать охрану через ноу-хау? Ясно, что не для товаров, продаваемых на рынке, когда купивший этот товар вполне может его разобрать и узнать, как он устроен. В этом случае новшество следует патентовать, чтобы получить на рынке легальную монополию, хотя и ограниченную во времени. Но вот если при производстве

товара используется какой-то особый способ изготовления или применяется какая-то специальная оснастка, сведения о которых невозможно получить, исследуя проданный товар, тогда как раз вполне годится признать этот способ или эту оснастку секретом производства.

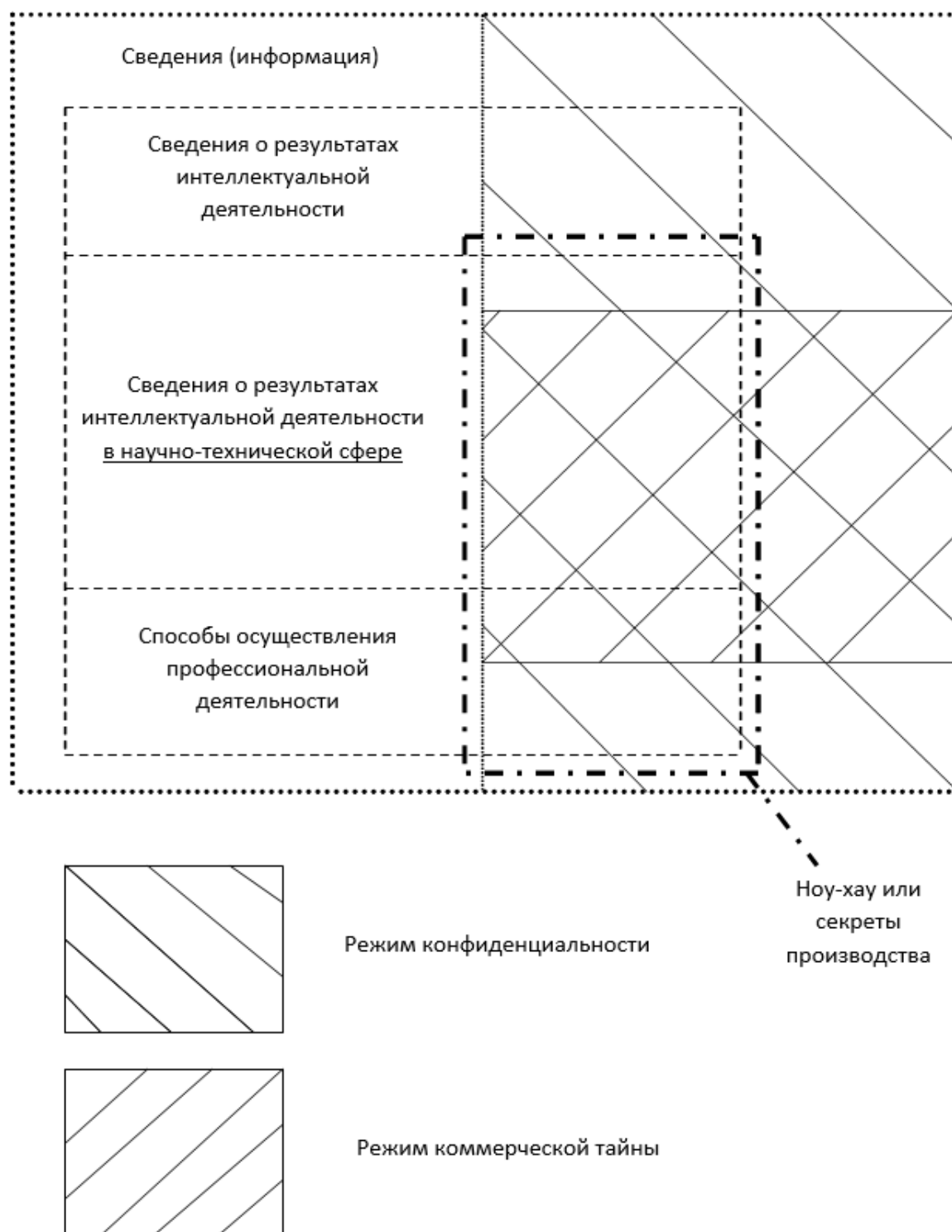

Рисунок 1. – Соотношение сведений, составляющих коммерческую тайну, и секретов производства в РФ

АВТОРСКОЕ ПРАВО НА МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

П.Г. Реут

студентка 4 курса юридического факультета,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
rpolina244@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта в музыкальной индустрии Республики Беларусь. Акцентируется внимание на проблемах определения авторства произведений, созданных ИИ, и правомерности использования охраняемого контента для обучения алгоритмов. Делаются выводы о необходимости адаптации национального законодательства к цифровым реалиям.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, музыкальные произведения, генеративные нейросети, голосовое клонирование, смежные права, правовое регулирование, ИИ-платформы.

Annotation. The legal aspects of regulating artificial intelligence in the music industry of the Republic of Belarus are considered. Attention is focused on the problems of determining the authorship of works created by AI and the legality of using protected content for algorithm training. Conclusions are drawn about the need to adapt national legislation to digital realities.

Keywords: artificial intelligence, copyright, musical works, generative neural networks, voice cloning, related rights, legal regulation, AI platforms.

Современные технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) активно трансформируют творческие индустрии, в том числе музыкальную сферу. Генеративные нейросетевые модели, такие как SUNO, Song Generator, Stable Audio и аналогичные системы, способны создавать оригинальные музыкальные композиции, имитирующие стиль известных исполнителей или генерирующие принципиально новые звучания. В настоящее время законодательство большинства стран, включая международные соглашения (Бернская конвенция [1], Соглашение ТРИПС [2]), исходит из традиционной концепции авторства, предполагающей обязательное участие человека в творческом процессе. Это создает правовую неопределенность в отношении произведений, созданных ИИ. Кроме того, остается открытым вопрос о правомерности использования охраняемых авторским правом музыкальных произведений для обучения ИИ-моделей.

Согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь (далее – ГК), музыкальные произведения с текстом или без текста являются объектом авторского права [3]. Кроме того, авторское право возникает в силу факта

создания музыкального произведения, независимо от длины звуковой дорожки, текстового содержания и признается созданным творческим трудом пока не установлено иное [3]. В законе не раскрывается определение признака творчества как критерия охраноспособности произведения. А.С. Алисов отмечает, что «в юридической литературе предпринято большое количество попыток определить понятие «творчество», но правоведы остановились на том, что творчество необходимо рассматривать как деятельность человека, порождающую нечто качественно новое, интересное, уникальное и отличающееся оригинальностью и неповторимостью» [4, с. 48].

Существующие методы создания принципиально новых форм музыкальных произведений, путем использования нейросетей создают правовую неопределенность касательно множества вопросов: возможности коммерческого использования произведений, созданных ИИ; прав авторства на такие произведения; использования ИИ для голосового клонинга; а также правомерность использования охраняемых авторским правом музыкальных произведений для обучения ИИ-моделей.

Правовой режим музыкальных произведений, сгенерированных искусственным интеллектом, преимущественно регламентируется пользовательскими соглашениями платформ-разработчиков. Анализ условий обслуживания платформы «SUNO» демонстрирует дифференцированный подход к распределению имущественных прав: их принадлежность определяется тарифным планом, выбранным пользователем. В базовой версии правообладателем признается платформа, тогда как премиальные подписки предусматривают передачу исключительных прав конечному пользователю [5]. Кроме того, пользователи платного тарифа могут использовать музыкальные произведения в коммерческих целях, при отсутствии подписки – только некоммерческое использование. Условия обслуживания четко регламентируют понятие «некоммерческое использование», а именно: прослушивание песен на самом Сайте; скачивание своих песен для личного прослушивания; использование сгенерированной музыки на немонетизированных платформах; распространение среди друзей и знакомых [5]. Коммерческое использование включает в себя не только продажу и извлечение прибыли из произведения, но и возможность опубликования сгенерированных произведений на таких площадках как Spotify, Apple Music, YouTube, TikTok и т. д. Таким образом, данный Сайт предоставляет возможность передачи всех прав на сгенерированное музыкальное произведение пользователю.

Аналогичный веб-сайт «Stable Audio», в основе которого лежит технология ИИ, в Условиях предоставления услуг также указывает, что владель-

цем созданного контента является пользователь данных услуг [6]. Однако данный ИИ генерирует не только на основе программных алгоритмов, но и путем обработки загружаемого в него контента. Касательно правового положения загружаемых данных в Условиях указано: «В отношении аудио, которое вы загружаете в Услуги, вы заявляете и гарантируете, что вы владеете необходимой лицензией, правом, названием или интересом в отношении такого аудио, включая, помимо прочего, все авторские права и права на публичность, содержащиеся в нем» [6]. Таким образом, загрузка аудио без лицензии запрещена и ответственность лежит на пользователе. Пользователю предоставляется право создания музыкальных произведений с закреплением за ним исключительных прав на созданные объекты авторского права. Использование сторонних аудиоматериалов, охраняемых законодательством об интеллектуальной собственности, допускается исключительно при наличии надлежащим образом оформленных лицензионных соглашений или иных правовых оснований, предусмотренных действующим законодательством.

Согласно положениям Пользовательского соглашения веб-сайта «Soundful», весь контент, созданный посредством платформы, включая аудиоматериалы, сгенерированные алгоритмами искусственного интеллекта, изначально квалифицируется как собственность «Soundful» и относится к категории «Контента» платформы. При этом в тексте соглашения проводится четкое разграничение между пользовательским контентом, который загружается самими пользователями, и контентом, генерируемым системой. В случае загрузки оригинальных материалов пользователь сохраняет за собой авторские права, однако автоматически предоставляет платформе неисключительную, бессрчную, всемирную лицензию на их использование [7]. Что касается непосредственно музыкальных произведений, созданных ИИ, соглашение не содержит прямых указаний на признание авторства либо за пользователями, инициировавшими процесс генерации, либо за самим искусственным интеллектом как творческим агентом. Такие произведения рассматриваются как результат функционирования платформы и, соответственно, подпадают под общие положения о собственности «Soundful» [7]. Таким образом, анализ пользовательского соглашения Soundful позволяет сделать вывод о том, что текущая правовая модель платформы не предусматривает признания авторских прав пользователей на музыкальные произведения, сгенерированные ИИ, оставляя за компанией исключительные права на такой контент, за исключением случаев специального лицензирования.

На сегодняшний день нет единого международного стандарта, регулирующего авторские права на контент, сгенерированный ИИ. В США

в 2023 году Верховный суд подтвердил, что произведения, созданные без «существенного человеческого участия», не могут быть защищены авторским правом (дело *Thaler v. Perlmutter*) [8]. **Судебная практика Китая по вопросам авторства произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта, демонстрирует эволюцию подходов к определению правообладателя.** Знаковым стало решение по делу Ли Юнкай против Лю Юаньчун, впервые официально признал пользователя системы генеративного ИИ автором созданного изображения [9]. В отличие от более раннего дела Tencent против Yingxun, где компания-разработчик автоматически была признана автором в силу двойственной роли (как создателя и пользователя системы), современная судебная практика Китая исходит из концепции «ИИ как инструмента реализации человеческого творческого замысла» [9]. Поскольку законодательство отстает от технологий, ключевое значение приобретают условия использования ИИ-сервисов. Большинство платформ (Soundful, Boomy, Amper) включают в договоры следующие положения:

1. Права на ИИ-музыку принадлежат платформе, если иное не указано в платной подписке.
2. Пользователь получает лицензию на использование музыкальных произведений, но не становится их автором.
3. Коммерческое применение возможно только при выполнении условий (например, запрет на имитацию известных исполнителей).

Таким образом, даже если ИИ-музыка не защищена авторским правом в классическом смысле, ее использование регулируется договорными отношениями с разработчиком алгоритма. Как уже отмечалось ранее, для отнесения музыкального произведения к объекту авторских прав необходима творческая деятельность человека. В данном случае, под результатом творческого труда следует рассматривать многоуровневую систему, состоящую из нескольких этапов. На первом этапе происходит концептуализация художественного замысла, где автор определяет ключевые параметры будущего произведения – жанровую направленность, эмоциональную окраску, стилистические особенности и структурную организацию материала. Далее следует этап параметрического программирования, в ходе которого лицо задает гармоническую структуру, фактурные особенности и тембровую палитру, что требует от создателя не только технической компетентности, но и развитого музыкального мышления. Особую значимость приобретает процесс, где автор выступает в роли художественного редактора, осуществляющего критический анализ и выбор наиболее релевантных творческому за-

мыслу музыкальных решений. Завершающей стадией становится постпродакшн и аранжировка, предполагающая внесение содержательных корректив в сгенерированный материал – добавление оригинальных элементов, тембровую доработку, динамическое и фактурное обогащение композиции. Важно подчеркнуть, что подобная деятельность не сводится к механическому взаимодействию с интерфейсом ИИ-системы, а представляет собой полноценный творческий акт, в котором технологические инструменты выполняют функцию расширения художественных возможностей композитора, а не подменяют его творческую волю.

В интерпретации предложенного подхода, роль результата творческой деятельности не упраздняется, а ИИ становится лишь предметом реализации творческого потенциала, как, например, гитара и песня, где гитара – предмет, и на нее распространяется право собственности, а песня – объект охраны авторского права.

Проведенный анализ современных технологий генерации музыкального контента с использованием искусственного интеллекта выявил существенное отставание действующего законодательства Республики Беларусь от стремительно развивающихся технологических реалий. Существующая нормативно-правовая база не учитывает специфику создания и эксплуатации ИИ-систем в музыкальной сфере, что создает существенные правовые пробелы. Однако для введения предложений по усовершенствованию действующего законодательства необходимо определить механизмы обучения ИИ-систем.

Музыкальные ИИ-системы проходят многоэтапный процесс обучения на обширных аудиобиблиотеках. Первоначально сгенерированные композиции отличаются механистичностью звучания, но по мере обработки тысяч музыкальных образцов алгоритм начинает воспроизводить более органичные мелодии. Конечный результат напрямую зависит от состава обучающей выборки [10]. Музыкогенерирующие ИИ-системы опираются на два ключевых подхода: автокодировщики и генеративно-состязательные сети. Автокодировщики работают по принципу «сжатие-восстановление», выделяя смысловые музыкальные структуры и создавая на их основе новые вариации. Генеративно-состязательные сети используют дуальную модель: одна нейросеть производит музыку, другая – критически оценивает ее соответствие человеческим образцам, создавая замкнутый цикл совершенствования [10]. Однако правомерно ли использование музыкальных произведений для обучения ИИ-систем?

Во избежание правовых споров разработчики используют множество методов, не нарушая авторских прав. Например, нейросеть SingSong исполь-

зует голоса людей, которые на добровольной основе записывают свой голос для последующего синтеза и преобразования в рамках данного ИИ [10]. Наиболее распространенным механизмом легализации обучающих данных выступает использование произведений, распространяемых под открытыми лицензиями. Система Creative Commons предоставляет различные типы лицензионных соглашений (CC BY, CC BY-SA, CC BY-NC), позволяющих правообладателям самостоятельно определять степень разрешенного использования своих произведений. Например, лицензия CC BY разрешает любое использование при условии указания авторства, включая коммерческое применение и создание производных работ, что делает такие музыкальные композиции идеальным ресурсом для обучения ИИ-систем [11]. Крупные открытые музыкальные архивы типа Free Music Archive (FMA) [12] или Jamendo [13] содержат сотни тысяч музыкальных произведений, специально размещенных авторами под свободными лицензиями для использования в творческих и технологических проектах. Альтернативным источником становятся краудсорсинговые платформы, где добровольцы записывают образцы голоса и инструментов специально для исследовательских целей. Базы данных типа LibriSpeech в области вокальных данных или NSynth [14] для инструментальных звуков создаются силами сообщества энтузиастов и распространяются под разрешительными лицензиями. Технические методы обработки данных также способствуют минимизации правовых рисков. Применение дифференциальной приватности при обучении моделей, трансформация исходных аудиозаписей в латентные представления и использование генеративно-состязательных архитектур (GAN) позволяют создавать системы, которые не воспроизводят напрямую охраняемые элементы оригинальных произведений, а генерируют принципиально новые музыкальные идеи на основе выученных паттернов.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, способных создавать музыкальные произведения, требует своевременной адаптации национального законодательства к новым цифровым реалиям. В настоящее время правовое поле Республики Беларусь не содержит четких норм, регулирующих вопросы авторства, использования обучающих данных и коммерческой эксплуатации произведений, созданных с помощью ИИ. Это создает правовые риски как для правообладателей оригинального контента, так и для разработчиков инновационных технологий.

В заключение необходимо подчеркнуть, что стремительное развитие технологий искусственного интеллекта в музыкальной сфере требует срочного и взвешенного обновления законодательной базы Республики Беларусь. Проведенный анализ выявил острую необходимость четкого правового ре-

гулирования в трех ключевых аспектах: определения правового статуса ИИ-генерированного музыкального контента с принципиальным разграничением произведений, созданных с творческим вкладом человека и полностью алгоритмически сгенерированных композиций; формирования прозрачных механизмов использования обучающих данных, распределения прав на ИИ-генерированный контент и ответственности за нарушение авторских прав; создания эффективной системы идентификации и маркировки музыкальных произведений, созданных с помощью ИИ. Предлагаемые законодательные изменения, включающие дополнение Закона «Об авторском праве и смежных правах», введение новых норм о правообладании ИИ-произведениями и обязательной маркировке контента, позволят достичь нескольких стратегических целей: надежной защиты интересов традиционных авторов и правообладателей, создания благоприятных правовых условий для развития инновационных технологий, предотвращения правовых конфликтов в цифровой творческой среде и обеспечения прозрачности формирующегося рынка алгоритмического музыкального контента. Особое значение в данном контексте приобретает предложение о введении обязательной сертификации ИИ-систем, что соответствует лучшей мировой практике регулирования цифровой экономики. Реализация этих мер требует комплексного подхода, включающего тщательную проработку критериев «творческого вклада», развитие экспертного сообщества в области ИИ и авторского права, а также поэтапное внедрение нововведений с обязательным учетом отраслевой специфики. Сбалансированное регулирование использования ИИ в музыкальной индустрии позволит Республике Беларусь не только эффективно защитить национальную культурную сферу, но и занять достойное место в глобальном процессе развития инновационных цифровых технологий, создав при этом прочную правовую основу для гармоничного сосуществования и взаимного обогащения традиционного человеческого творчества и перспективных технологий искусственного интеллекта в музыкальной сфере.

Список использованных источников

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09 сентября 1886 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов / – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900493> (дата обращения: 15.04.2025).
2. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности : заключено в г. Марракеше 15 апр. 1994 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900493> (дата обращения: 15.04.2025).

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 15.04.2024).
4. Алисов, А. С. Понятие музыкального произведения как объекта авторского права и вида произведения как результата интеллектуальной (творческой) деятельности / А. С. Алисов // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 3(17). – С. 47-49.
5. Suno : [website]. – URL: <https://suno.com/terms> (date of access: 15.04.2025).
6. Stable Audio : [website]. – URL: <https://stableaudio.com/terms> (date of access: 15.04.2025).
7. Soundful : [website]. – URL: <https://soundful.com/terms-and-conditions/> (date of access: 16.04.2025).
8. Justia: Federal Appellate Court Cases : [website]. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cadc/23-5233/23-5233-2025-03-18.html> (date of access: 16.04.2025).
9. App2Top: Азиатский опыт защиты авторских прав на работы, созданные с помощью ИИ : [сайт]. – URL: <https://app2top.ru/pravo/aziatskij-opy-t-zashhity-avtorskih-prav-na-raboty-sozdanny-e-s-pomoshh-yu-ii-razbor-ot-revera-218065.html> (дата обращения: 16.04.2025).
10. Симфония робота: какие ИИ-инструменты по созданию музыки актуальны в 2023 году // Хабр. – URL: <https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/782974/> (дата обращения: 18.04.2025).
11. Лицензии Creative Commons: что это такое, как они работают и какие бывают // Skillbox. – URL: <https://skillbox.ru/media/code/litsenzii-creative-commons-cto-eto-takoe-kak-oni-rabotayut-i-kakimi-byvayut/> (дата обращения: 18.04.2025).
12. Free Music Archive : [website]. – URL: <https://freemusicarchive.org/> (date of access: 18.04.2025).
13. Jamendo : [website]. – URL: <https://www.jamendo.com/> (date of access: 18.04.2025).
14. NSynth Dataset by Magenta : [website]. – URL: <https://magenta.tensorflow.org/datasets/nsynth> (date of access: 18.04.2025).

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО СОЗДАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ДИПФЕЙКОВ

Е.Д. Седельник

*преподаватель-стажер кафедры права интеллектуальной собственности
юридического факультета, Белорусский государственный университет,
siadzelnikYD@bsu.by*

Аннотация. В статье отражены проблемы правовой неопределенности в сфере развития технологий дипфейков, опережающих прогресс в области разработки инструментов для их обнаружения и формирования адекватной законодательной базы. Автор приходит к выводу, что упомянутый дисбаланс создает растущую угрозу правам и свободам современных граждан, поскольку искусственный интеллект (далее – ИИ) не только ускоряет и упрощает технологические процессы, делая повседневную жизнь более удобной, но, вместе с этим, неуклонно приближается к точке, когда аудиовизуальное произведение, содержащее индивидуальные отличимые характеристики идентифицируемого физического лица (изображение лица, иной части тела человека, звука его речи и т.д.), включая контент, которого лицо никогда не производило, станет практически неотличимым от реальности. В работе присутствуют примеры опыта судебной практики, отражающие актуальность темы работы, и необходимость своевременного распознавания сфабрикованного контента в условиях экспоненциального роста возможностей ИИ, что становится все более сложной задачей, требующей опережающего правового регулирования белорусского законодательства в сфере авторского права и промышленной собственности, ведь изображение лица человека может выступать не только как произведение, но и в качестве товарного знака.

Ключевые слова: дипфейк-технологии, искусственный интеллект, нейросеть, право интеллектуальной собственности, изображение человека, авторское право, право промышленной собственности, контент.

Abstract. The article reflects the problems of legal uncertainty in the development of deepfake technologies, which are ahead of progress in the development of tools for their detection and the formation of an adequate legislative framework. The author concludes that the said imbalance creates a growing threat to the rights and freedoms of modern citizens, since artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) not only accelerates and simplifies technological processes, making everyday life more convenient, but, at the same time, is steadily approaching the point when an audiovisual work containing individual distinguishable characteristics of an identifiable individual (an image of a face, other part of a person's body, the sound of his speech, etc.), including content that the person has never produced, will become virtually indistinguishable from reality. The work contains examples of judicial practice experience, reflecting the relevance of the topic of the work, and the need for timely recognition of fabricated content in the context of exponential growth of AI capabilities, which is becoming an increasingly complex task requiring advanced legal regulation of Belarusian legislation in the field of copyright and industrial property, because the image of a person's face can act not only as a work, but also as a trademark.

Keywords: deepfake technologies, artificial intelligence, neural network, intellectual property law, human image, copyright, industrial property law, content.

Термин «Дипфейк», образованный от слияния трех английских слов «глубокое обучение» (deep learning) и «подделка» (fake), в своем толковании согласно подходам, выработанным учеными Ворониным И.А. и Гавра Д.П. представляет собой синтетически созданный при помощи искусственного интеллекта (далее – ИИ) контент, в содержании которого реализована замена нейросетью персональных данных одного физического лица на другое в уже существующем фотоизображении, музыкальном и (или) аудиовизуальном произведении [1, с. 5]. Нейросеть же, по мнению Уоррена МакКаллока и Уолтера Питтса, представляет под собой не что иное как совокупность нейронов, которые вычисляют выходной сигнал из совокупности входных сигналов [2, с. 34]. Подобная технология делает возможной имитацию индивидуально определенных характеристик любого конкретного человека: изображения его лица (иных частей тела, облика), звучания голоса, в том числе манер поведения, и является легко и быстро применимой ко всем существующим на сегодня форматам цифрового контента – от фотографий и видеороликов до голосовых записей. Среди наиболее популярных в настоящее время сфер применения дипфейков выступают рекламная деятельность, деятельность по созданию порнографического контента (в том числе видеороликов, изображений, содержащих элементы «порномести»), по распространению ложных новостей и совершению правонарушений мошеннической направленности путем обмана и введения потерпевших в заблуждение.

В то же время, несмотря на связанные с развитием дипфейков риски, сами по себе данные технологии не представляют однозначно негативный феномен, а выступают также в роли инструментов, способных на проведение технологической революции, например, в такой области, как кинематография [3, с. 38]. Потенциальное их применение не ограничивается лишь искусственным изменением реального возраста актеров с целью создания визуальных эффектов, а включает в себя также повышение реалистичности дублеров за счет придания им наибольшего сходства с основными исполнителями, упрощение процесса по созданию дубляжа и повышение качества соответствующего результата за счет автоматической синхронизации движений губ с озвучкой переведенного на другой язык текста, а также завершение съемок фильмов и (или) сериалов с использованием изображений и (или) голосов актеров, которые внезапно скончались или по иным причинам не смогли или не выразили желание продолжить участие в записи проекта [4]. Причем подобные случаи уже имели место, в частности, речь идет об использовании в седьмой части франшизы «Форсаж» цифровой

модели известного актера Пола Уокера, трагически погибшего незадолго до завешения съемок одноименного фильма. Однако помимо этических моментов, возникающих в последнем из описанных выше случаев, отсутствие в белорусском законодательстве правового регулирования в части признания права физического лица на собственное изображение и регламентации границ использования технологий дипфейк-технологий нарастает и вопрос, который выражается в определении необходимости появления отсутствующей сегодня нормы, которая бы закрепляла возможные варианты обеспечения правомерного использования тех лиц, чьи изображения планируется использовать (например, получение согласия или заключение договора с такими лицами или их наследниками в случае смерти соответствующих лиц), во избежание нарушения прав интеллектуальной собственности и обеспечения определенности в отношениях между контрагентами.

В ряде сфер подобные механизмы уже предусмотрены – так, исходя из подп. 5.3 п. 5 ст. 5 Закона Республики Беларусь от 05 февраля 1993 г. № 2181-XII при наличии согласия соответствующего лица, его портрет может быть зарегистрирован в качестве товарного знака, однако, в какой форме должно быть дано указанное согласие и что оно должно в себе содержать во избежание возникновения споров между контрагентами, а, в случае возникновения таковых, признания его действительным судом, в законодательстве не отражено.

Помимо этого, на практике возникают споры об авторстве созданных при помощи ИИ изображений физического лица, музыкального и (или) аудиовизуального произведения с его голосом, если они будут признаны таковыми. В научной среде по данному вопросу существуют четыре позиции: первая из которых – считать автором лицо, непосредственно применившее уже существующую технологию для создания дипфейка, вторая – признавать авторство за создателем соответствующей дипфейк-технологии, третья – принимать за автора разработчика самого ИИ, на основе которого работает дипфейк-технология, четвертая – отрицать статус произведения и, соответственно, наличие авторства у созданного при помощи ИИ феномена [4]. Согласно абзацу второму ст. 4 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон), в качестве автора может выступать лишь физическое лицо. Оно же, по общему правилу, должно быть и субъектом уголовной или административной ответственности, в случае посягательства созданным технологией феноменом на авторские права или права промышленной собственности, а также права на защиту персональных данных, однако, в соответствующих отраслях

права отдельная норма, посвященная технологиям, отсутствует, вследствие чего имеет место неопределенность субъекта ответственности в случае когда названные явления от начала и до конца созданы силами ИИ. Помимо этого, в соответствии с положениями вышеуказанной нормы Закона, для признания произведения таковым необходимо наличие творческого труда при его создании, присутствие которого в случае с ИИ довольно спорно. В то же время, в отношении крайнего аспекта считаем нужным привести необычный пример из судебной практики Российской Федерации.

Знаковым примером возникновения споров стало решение Арбитражного суда г. Москвы (дело № А40-200471/2023) в ноябре 2023 г., где дипфейк-видео все же было признано объектом авторского права по основанию наличия творческого труда людей в его создании. Спор возник между компанией «Рефейс Технолоджис» и организацией «Бизнес-аналитика», использовавшей юмористический ролик «Рефейс Технолоджис» в рекламе. «Бизнес-аналитика» оспаривала авторские права, ссылаясь на то, что указанный рекламный видеоролик не является аудиовизуальным произведением, так как был создан с использованием нейросети посредством «наложения» лица известного актера Киану Ривза и, соответственно, мог быть свободно использован. В этом деле суд подробно проанализировал процесс создания дипфейка и пришел к выводу, что ключевую роль здесь сыграли люди – сценарист, актер, видеооператор и дизайнер, творческому труду которых указанный ролик обязан своим появлением, а ИИ служил лишь инструментом. Таким образом, идея и реализация исходили от человека, а дипфейк-технология лишь доработала отснятый материал в качестве монтажера.

Соответственно, суд постановил, что дипфейк-видео подлежит правовой охране как объект авторского права, и это решение было подтверждено кассационной инстанцией в августе того же года [5, с. 9]. Российские правоведы-практики К. Дьяков и Д. Кистенев сочли этот казус прецедентным, поскольку, как они заявляют, вопрос защиты авторских прав на дипфейк во многом зависит от творческого вклада автора в его создание. Российское законодательство, как и белорусское, с учетом общего развития авторского права в мире требует, чтобы объект авторского права был создан творческим трудом и существовал в объективной форме. Творчество традиционно ассоциируется с автором человеком, а не с ИИ, который пока не признается творцом на законодательном уровне ни в России, ни в Беларуси, ни в большинстве других стран мира [6].

Тем временем примеров использования ИИ как в коммерческой, так и некоммерческой сфере с каждым днем становится все больше. На сего-

дняшний день наиболее активно разрабатываются и внедряются в бизнес-процессы такие дипфейк-технологии как Synthesia, WPP, Rosebud, Rephrase.ai, Canny AI. И, по мнению Агеевой А.С., благодаря заложенным в них технологиям самообучения, возможности названных выше ресурсов открывают перспективу создания абсолютно синтетических личностей – сгенерированных с нуля изображений и голосов людей, никогда не существовавших в реальности [7, с. 8]. Подобный подход позволит бизнесу существенно снизить зависимость от традиционных моделей и актеров с их претензиями на высокую оплату труда и особые условия контрактов, а также упростить процесс использования изображений физических лиц, практически исключив необходимость урегулирования вопросов, связанных с авторскими и смежными правами, и получения разрешений на использование соответствующих изображений, однако снизит доверие потребителей к цифровому контенту [8].

Как уже было отмечено, вопрос использования дипфейк-технологий не ограничивается лишь случаями подмены изображений. Немаловажной остается сфера изменения голосов физических лиц. Неопределенность границ использования аудиодипфейков осложняется тем, что в большинстве стран земного шара голос сам по себе не подлежит защите ни авторским правом, ни правом промышленной собственности.

Однако и в данном случае уже имел место интересный казус, причем на этот раз в государстве с англо-саксонской системой права и приоритетное в нем имел не столько голос, сколько созданный с помощью него контент. Прецедент был создан в 2020 г., когда YouTube-канал Vocal Synthesis, специализирующийся на юмористических дипфейках с использованием голосов известных личностей, опубликовал целый ряд сгенерированных ИИ записей, имитирующих голос известного американского исполнителя, выступающего под псевдонимом Jay-Z. Ресурс прямо подчеркивал некоммерческий характер контента и в описании к публикации указывал, что речь синтезирована ИИ [9, с. 79]. Тем не менее, организация RocNation, учрежденная самим артистом, подала иск в суд о нарушении авторских прав, потребовав удалить контент, в содержании которого, по мнению истца, был незаконно использован ИИ для имитации голоса музыканта. Как итог, во исполнение решения суда результате были удалены лишь две из четырех записей с голосом Jay-Z. Суд признал, что оставшиеся неудаленными аудиопродукты обладают статусом производных произведений, и не являются связанными ни с одним из музыкальных произведений истца. Таким образом, можем отметить, что в Соединенных Штатах Америки не каждое

использование чужого голоса автоматически будет считаться нарушением закона, ведь в данном случае оценивается не столько схожесть звучания имитированного голоса с аутентичным, сколько созданный при помощи дипфейка продукт. Кроме того, за рамками данного судебного заседания открытым остался вопрос о возможном нарушении авторского права и смежных прав на фонограммы и исполнение при создании «голосовых слепков», когда из уже существующих исполнений создаются новые музыкальные и (или) аудиовизуальные произведения путем сопоставления оригиналов в различные комбинации с последующим монтажом в целях выдачи за якобы аутентичные, а не составные произведения.

С точки зрения Гавриловой В.Д. дипфейки целесообразно рассматривать в качестве производных произведений [10, с. 90]. Так, согласно ст. 10 Закона авторское право на них будет принадлежать физическим лицам, осуществившим, переработку оригинальных произведений с помощью ИИ, выступающего в роли инструмента для преобразования материала, при условии соблюдения прав автора произведения, подвергнувшегося переработке, что означает, что использование исходного произведения без согласия правообладателя будет являться нарушением закона. Согласно нормам Закона факт обладания исключительным правом на дипфейк и последующее им распоряжение в таком случае не потребует регистрации или соблюдения каких-либо иных формальностей надлежащей защиты авторских прав (презумпция авторства), что соответствует международному подходу, закрепленному в статье 15 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. (далее – Бернская конвенция). С учетом изложенного выше, вопрос о том, можно ли считать результатом интеллектуальной деятельности дипфейк, созданный исключительно силами ИИ, остается открытым. При толковании норм законодательства, на сегодняшний день можно сделать вывод, за любым машинным процессом так или иначе должно стоять физическое лицо, в противном случае объекта авторского права не возникнет. Однако можно ли считать автором дипфейка человека, который был только инициатором его создания, лишь записавшим свою идею в качестве задачи для нейросети. Однозначного ответа на данные вопросы законодатель нам сегодня не дает. А презумпция признания автором лица, использовавшего ИИ лишь в качестве инструмента, является лишь выводом из систематического толкования Закона, но не его нормой, что приводит к неопределенности в практике развития гражданских правоотношений.

Нельзя также не упомянуть и тот факт, что авторское право имеет территориальный характер. Так, защита произведений иностранных авто-

ров в Республике Беларусь осуществляется на основании международных договоров, в частности, Бернской конвенции. Однако согласно белорусским коллизионным нормам, если объект, созданный системой ИИ, признается объектом авторского права в другой стране (например, на основании судебного решения, как в указанных выше случаях), он не должен автоматически получать такую же охрану в Республике Беларусь на основании ст. 5 Бернской конвенции. Основанием для отказа в предоставлении правовой охраны помимо норм Бернской конвенции могут служить положения п. 1 ст. 1132 Гражданского кодекса Республики Беларусь, регламентирующие, что к правам на объекты интеллектуальной собственности применяется право страны, где запрашивается защита этих прав.

В современных условиях, когда развитие дипфейк-технологий в разы опережает формирование законодательной базы, регулирующей их использование, крупные социальные сети, такие как TikTok, Facebook и Twitter пошли по собственному пути регулирования распространения дипфейков. Twitter, например, ввел правила относительно дипфейков в средствах массовой информации, которые направлены на маркировку твитов, содержащих измененную и (или) недостоверную информацию, и предупреждение пользователей сети о данных фактах, а не на полное удаление постов, в содержании которых зафиксированы признаки, присущие технологиям ИИ. Удаление же подобного контента происходит лишь в тех случаях, когда «он может причинить вред, включая угрозу нарушения конфиденциальности, права на свободу выражения мнений, на защиту от преследования, запугивания, может оказать влияние на избирателей и (или) быть признан в качестве инструмента для осуществления шантажа». Facebook в свою очередь еще в начале 2020 года объявил о политике удаления дипфейков, в которых наличествуют следующие признаки: оригинальный контент был отредактирован или синтезирован таким образом, что это неочевидно для обычного человека (за исключением улучшения четкости или качества) и может ввести его в заблуждение относительно того, что выступающий основным объектом информации субъект совершил действия, которых на самом деле не было; контент создан с использованием ИИ, объединяющего, заменяющего или накладывающего элементы на аудио-, видеоматериалы, создавая внешнее впечатление аутентичности. Не менее популярный сервис «TikTok» запрещает к использованию на своей площадке любой синтетический или «манипулирующий» контент, искажающий правду об объективно произошедших событиях и вводящий пользователей в заблуждение, способный повлечь причинение вреда его потребителям. Однако политика указанных

сервисов основана лишь на ручном труде системных администраторов социальных сетей, выявляющих нарушения правил размещения публикаций собственными силами и, как показывает практика, не всегда успешном [11, с. 224].

Эффективная борьба с дипфейками в социальных сетях, по нашему мнению, затруднена отсутствием надежных технологических инструментов для их выявления, основанных на тех же принципах, что и сам ИИ, создающий дипфейки. А их создание таковых инструментов, как показала практика, требует немалого количества времени и значительных инвестиций. Так еще в 2019 г. лидеры рынка технологий такие как Facebook и Международная организация по фактчекингу «GFCN», совместно с всемирно известной компанией Microsoft организовали среди разработчиков конкурс под названием «Deepfake Detection Challenge» с целью достижения результатов поиска решения названной проблемы. Примечательно, что самым успешным решением оказалась разработка белорусского специалиста Селима Сефербекова, достигшая точности 65,18% на тестовых датасетах, причем в 2025 году данные результаты приросли на 13%. Но и указанный результат оставляет желать лучшего [12].

Необходимость в коренных изменениях сложившейся в нашей стране ситуации по вопросам ИИ подчеркивается на самых высоких уровнях. Конституционный Суд Республики Беларусь в своем послании от 12 марта 2025 г. «О состоянии законности в Республике Беларусь», адресованном Президенту и Национальному собранию, подчеркнул необходимость принятия на национальном уровне отдельного закона о технологиях ИИ, учитывая значительное его влияние на социально-экономическое развитие и реализацию конституционных прав и свобод граждан. В то же время, несмотря на то, что в нашей стране сегодня отсутствует отдельный закон, посвященный исключительно регулированию ИИ, деятельность в сфере ИИ лишь упоминается в абзаце четвертом п. 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» однако, как таковая, не раскрывается по сути.

Помимо этого, Республика Беларусь была активной участницей рабочей группы по разработке модельного закона «О технологиях ИИ», принятого на 58-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств от 17-18 апреля 2025 г. Соответствующий акт призван стать основой для разработки национальных законов в области ИИ в странах-участницах Содружества Независимых Государств, что, с нашей точки зрения выступило бы одним из наиболее точных ответов на поставленные в настоящей работе вопросы.

Таким образом, ключевые вопросы в отношении статуса объектов, созданных при помощи дипфейк-технологий актуальны не только для Беларуси и заключаются на сегодня в отсутствии сформированной законодательной базы в большинстве стран мира, которая бы определяла ответственность их создателей, а не применение санкций к создателям дипфейк-технологий и (или) разработчикам самого ИИ, с учетом стремительно развивающихся технологий нейросетей. Обобщив изложенное, отметим, что помимо необходимости решения на правовом уровне белорусским законодателем вопроса о защите прав умерших, в частности, музыкантов, киноактеров и иных известных личностей, относительно неправомерного использования цифровых копий их голоса, изображения и (или) образа в целом, существующие в Беларуси нормы в сфере права интеллектуальной собственности для того, чтобы служить эффективным инструментом регулирования отношений в области использования дипфейков и стать основой формирования технологически нейтральных и прогрессивных по своему содержанию правоотношений между сторонами гражданского оборота, все же требует доработки относительно закрепления в них четкой позиции, отражающей отсутствие или наличие (и при каких условиях) статуса произведения у феноменов, созданных при помощи ИИ, а главное, механизма определения автора (если таковой будет иметь место) последних, и гармонизации позиций указанных законов с положениями планируемого к принятию в стране закона, посвященного ИИ.

Список использованных источников

1. Воронин, И. А. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы / И. А. Воронин, Д. П. Гавра // Российская школа связей с общественностью. – 2024. – № 33. – С. 4-8. – DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-28-47.
2. Феденева, К. Д. Потенциальные угрозы искусственного интеллекта и его критическая роль в жизни современного человека / К. Д. Феденева, М. А. Панов // Молодой ученый. – 2024. – № 40(539). – С. 34-38.
3. Мун, Д. В. "From fake to deepfake": угрозы и риски развития и распространения технологий искажения реальности в глобальном информационном пространстве / Д. В. Мун, В. В. Попета // Культура: теория и практика. – 2020. – № 1(34). – С. 32-43.
4. OECD framework for the classification of AI systems – public consultation on preliminary findings. – URL: <https://oecd.ai/en/classification> (дата обращения: 28.02.2025).
5. Игнатьев, А. Г. Дипфейки в цифровом пространстве: основные международные подходы к исследованию и регулированию / А. Г. Игнатьев, Т. А. Курбатова // Центр глобальной ИТ-кооперации. – 2023. – 52 с.

6. Использование технологии дипфейк не лишает произведение свойств объекта авторского права // ГАРАНТ.РУ. – URL: <https://www.garant.ru/news/1662844/> (дата обращения: 28.02.2025).
7. Агеева, А. С. Дипфейк: технология создания и применение в современной киноиндустрии / А. С. Агеева. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 2(553). – С. 8-9.
8. Изображение гражданина в сети Интернет: объект правовой охраны или общедоступная информация? // Эталон. Online. – URL: <https://etalonline.by/novosti/mnenie/izobrazhenie-grazhdanina-v-seti-internet-obekt-pravovoy-okhrany-ili-obshchedostupnaya-informatsiya/> (дата обращения: 28.02.2025).
9. Гаптеррахманов, А. Р. Возможности и формы совершения преступлений с использованием или посредством искусственного интеллекта: уголовно-правовой анализ / А. Р. Гаптеррахманов // Молодой ученый. – 2025. – № 13(564). – С. 78-80.
10. Гаврилова, В. Д. Определение места понятия «deep-fake» в правовом регулировании / В. Д. Гаврилова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 4(1) – С. 89-91. – DOI: 10.24412/2500-1000-2024-4-1-89-91.
11. Виноградов, В. А. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» / А. В. Виноградов, Д. В. Кузнецова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 215-240. – DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240.
12. Международная ассоциация по фактчекингу GFCN запустила конкурс систем выявления дипфейков // LENTA.RU. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/05/20/mezhdunarodnaya-assotsiatsiya-po-faktchekingu-gfcn-zapustila-konkurs-sistem-vyyavleniya-dipfeykov> (дата обращения: 28.02.2025).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.С. Савина

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
savin-viktoriya@yandex.ru

Аннотация. Вопрос о перспективах охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта и об ответственности разработчиков и владельцев (пользователей) таких систем является весьма дискуссионным. Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с использованием систем искусственного интеллекта для создания текстов изображений и иных объектов, сходных с результатами интеллектуальной деятельности человека. В связи с тем, что во многих странах принимаются кодексы этики искусственного интеллекта, автор анализирует эту тенденцию и делает вывод о том, что необходима именно правовая регламентация, например, подход к системе искусственного интеллекта как к источнику повышенной опасности. В отсутствие соответствующих правовых норм в правоприменительной практике целесообразно использование механизма деликтной ответственности исходя из аналогии закона.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ответственность, правовое регулирование.

Abstract. The issue of the prospects for protecting the results created by artificial intelligence systems and the responsibility of developers and owners (users) of such systems is highly debatable. The object of the study is public relations associated with the use of artificial intelligence systems to create texts, images and other objects similar to the results of human intellectual activity. Due to the fact that many countries are adopting codes of ethics for artificial intelligence, the author analyzes this trend and concludes that legal regulation is needed, for example, an approach to an artificial intelligence system as a source of increased danger. In the absence of relevant legal norms in law enforcement practice, it is advisable to use the mechanism of tort liability based on the analogy of the law.

Keywords: artificial intelligence, liability, legal regulation.

Сегодня право сталкивается с новыми вызовами, в том числе, необходимо детальное осмысление всех аспектов, связанных с развитием систем искусственного интеллекта и роботизированного производства. В условиях развития и широкого внедрения во все сферы экономики и иные сферы жизни общества систем искусственного интеллекта весьма актуальным становится вопрос об ответственности при применении систем искусственного интеллекта.

Это закономерно, поскольку в современных условиях цифровизации, имеющей место в различных сферах жизни общества, постоянно расширяется сфера использования систем искусственного интеллекта. Как отмечено в отчете Всемирной организации интеллектуальной собственности «Технологические тренды 2019: искусственный интеллект», с 1950-х гг. XX века, когда впервые появились системы искусственного интеллекта, было подано около 340 000 связанных с данными системами изобретений и опубликовано более 1,6 миллиона научных публикаций. В настоящее время машинное обучение является доминирующей технологией искусственного интеллекта, которая раскрыта в патентах и включена в более чем треть всех запатентованных изобретений (WIPO Technology Trends 2019: Artificial Intelligence. WIPO, 2019).

За последнее десятилетие различные стратегические, программные документы были приняты в целом ряде государств мира: в Великобритании, Германии, Китае, США, Японии, Южной Корее были предприняты значительные усилия по нормативной регламентации робототехники и искусственного интеллекта (например, Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)), 31.05.2016, Japan Ministry of Economy, Trade and Industry Robot Policy Council. Robot Policy Council Report, May 2006 и т.д.) и существенное место в принимаемых документах отведено основаниям и условиям возникновения ответственности при использовании указанных технологических решений. Так, японский комитет по политике в области робототехники в качестве меры по решению или предотвращению проблем, связанных с функционированием роботов нового поколения, указал, в том числе, разработку стандартов проектирования и производства роботов, предполагающих определение ответственности производителей за вред, причиненный действиями роботов.

Что касается России, то в вопросах регламентации ответственности в сфере создания и использования искусственного интеллекта необходимо, в первую очередь, руководствоваться Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 2033. Стратегия определяет искусственный интеллект как совокупность технологических решений, включающих в себя не только информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе с использованием методов машинного обучения), но и процессы, сервисы, посредством которых осуществляется обработка данных и поиск оптимальных решений. Данные решения мо-

гут быть объектами стандартизации в соответствии с Федеральным законом от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации».

Актуальность принятия стандартов тем более очевидна в связи с тем, что в российской практике решаются проблемы договорной и внедоговорной ответственности и, убытков, правового положения роботов, их создателей, третьих лиц, вопросы конфиденциальности и безопасности.

Предпосылкой нормативно-правового регулирования процессов создания и функционирования систем искусственного интеллекта выступило принятие целого ряда стратегических программных документов. Сформированный в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации подход прослеживается и в других документах – Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Концепции регулирования искусственного интеллекта и робототехники и др., а также учитывает основные положения международных документов, регламентирующих основные подходы к стандартизации систем искусственного интеллекта. Все это свидетельствует о том, что в Российской Федерации вопросам искусственного интеллекта в системе нормативно-технического регулирования уделяется значительное внимание.

В России в 2021 г. был разработан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (далее – Кодекс), который устанавливает общие этические принципы и стандарты поведения, адресованные субъектам отношений в сфере искусственного интеллекта (в Кодексе они именуются акторами искусственного интеллекта). При этом в Кодексе подчеркивается, что его действие «распространяется на отношения, связанные с этическими аспектами создания (проектирования, конструирования, пилотирования), внедрения и использования технологий искусственного интеллекта на всех этапах жизненного цикла, которые в настоящее время не урегулированы законодательством Российской Федерации и/или актами технического регулирования. Рекомендации настоящего Кодекса рассчитаны на системы искусственного интеллекта, применяемые исключительно в гражданских (не военных) целях». Таким образом, положения Кодекса носят субсидиарный, дополнительный характер по отношению к нормам права и техническим стандартам в области искусственного интеллекта. Тем не менее, некоторые из них позволяют определить ориентиры в отношении отдельных аспектов ответственности в исследуемой сфере.

Итак, помимо стратегических, программных документов, во многих юрисдикциях принимаются кодексы этики искусственного интеллекта. Тем не менее, полагаем, что при урегулировании вопроса об ответственности в сфере создания и применения систем искусственного интеллекта необходима, в первую очередь, именно правовая регламентация. Только она позволяет ответить на ключевой вопрос об ответственности при функционировании систем искусственного интеллекта. Кроме того, при разработке, тестировании и эксплуатации систем искусственного интеллекта необходимо разрабатывать, скорее, нормы технических стандартов, а не этические нормы. Мы полагаем, что формулировка этих норм применительно к системам искусственного интеллекта так или иначе связана с попыткой обосновать наличие у систем искусственного интеллекта определенной правосубъектности, чего следует избегать. Мы придерживаемся подхода, изложенного в Стратегии-2030, и исходим из того, что искусственный интеллект – это технология, а не субъект права.

Бурное развитие робототехники порождает целый комплекс правовых и этических вопросов. Связанные с этим проблемы исследованы в целом ряде работ, опубликованных в последние годы. Кроме того, в связи с развитием цифровых технологий в доктрине, в законотворческой и правоприменительной деятельности в последние годы активно дискутируется вопрос о потенциальной правосубъектности систем искусственного интеллекта [1, с. 91].

Действительно, системами искусственного интеллекта генерируются самые разные объекты, в том числе, тексты, изображение, музыка, причем технологии такой генерации стали настолько совершенными, что порой их невозможно отличить от произведений, созданных человеком.

В связи с этим возникает множество проблемных вопросов.

Во-первых, возможно ли компьютерное творчество в принципе? Может ли искусственный интеллект создавать что-то новое или же он только перерабатывает информацию, не производя ничего нового? Думается, что второе более вероятно. Лишенная воображения машина воспроизводит категории и образы, заложенные в нее человеком, поэтому подлинного творчества, создания чего-то абсолютно нового не происходит.

Во-вторых, кто будет нести ответственность при использовании системы искусственного интеллекта? Разработчик системы искусственного интеллекта либо ее пользователь, который задал ей определенный алгоритм, или поместил в систему определенный объем информации, затратил средства?

В-третьих, кому должен принадлежать сгенерированный искусственным интеллектом контент – создателю инструмента или его пользователю?

Таким образом, вопрос о субъектах ответственности при применении систем искусственного интеллекта до сих пор является весьма дискуссионным [2, с. 7]. По общим правилам обязательственного права, ответственными лицами (должниками) выступают дееспособные граждане, юридические лица (за вред, причиненный работником при исполнении служебных обязанностей), в том числе законные представители.

Согласно п. 1.3 второго раздела Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, субъектами отношений в сфере искусственного интеллекта выступают российские и иностранные физические и юридические лица, которые непосредственно участвуют «в жизненном цикле СИИ при его реализации на территории Российской Федерации или в отношении лиц, находящихся на территории Российской Федерации, включая предоставление товаров и оказание услуг». К ним, в частности, отнесены:

1) разработчики, создающие, обучающие, тестирующие модели/системы искусственного интеллекта и разрабатывающие, реализующие такие модели/системы, программные и/или аппаратные комплексы и принимающие на себя ответственность в отношении их конструкции;

2) заказчики (лицо или организация), получающие продукт или услугу; поставщики данных и лица, осуществляющие формирование наборов данных для применения их в системах искусственного интеллекта;

3) эксперты, осуществляющие измерение и/или оценку параметров разработанных моделей/систем;

4) изготовители, осуществляющие производство систем искусственного интеллекта;

5) эксплуатанты (владельцы, пользователи) систем искусственного интеллекта, на законном основании владеющие соответствующими системами, использующие их по назначению и непосредственно реализующие решение прикладных задач с использованием систем искусственного интеллекта;

6) операторы (лицо или организация), осуществляющие работу систем искусственного интеллекта;

7) лица, принимающие участие в регуляторном воздействии на сферу искусственного интеллекта, в том числе разработчики нормативно-технических документов, руководств, различных регуляторных положений, требований и стандартов в области ИИ;

8) иные лица, действия которых потенциально могут повлиять на результаты действий систем искусственного интеллекта или лиц, принимающих решения с использованием систем искусственного интеллекта.

В законодательстве до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, на кого из указанного круга субъектов соответствующих отношений должна быть возложена ответственность за инциденты, возникающие в процессе работы с искусственным интеллектом. Не следует также забывать о том, что обучение и эффективная работа большинства систем искусственного интеллекта предполагает обработку значительных объемов информации, что порождает проблему конфиденциальности данных. Создаваемые искусственным интеллектом проекты не всегда обеспечены необходимым уровнем безопасности для сохранности данных, в связи с чем вопрос об ответственности за разглашение данных приобретает новое звучание.

В литературе [3, с. 16; 4, с. 91] высказываются различные подходы к субъектам и принципам установления ответственности за действия искусственного интеллекта, в том числе:

- полное освобождение кого-либо от ответственности за действия искусственного интеллекта (по аналогии с обстоятельствами непреодолимой силы);
- частичное освобождение от ответственности (освобождение конкретного лица от какой-либо ответственности и одновременная выплата пострадавшим компенсации вреда из различных источников);
- ответственность по вине, наступающая только в зависимости от вины конкретного субъекта, например, производителя, разработчика, лица, ответственного за обучение искусственного интеллекта, владельца, пользователя и т. д.;
- безвиновная ответственность (определенное лицо (скорее всего, производитель) по общему правилу считается ответственным за действия системы искусственного интеллекта);
- личная ответственность роботов при условии наделения роботов правосубъектностью (правами и обязанностями, статусом электронной личности).

В любом случае, ответственность за использование систем искусственного интеллекта должна быть возложена на предусмотренных законодательством субъектов права (физические, юридические лица либо публично-правовые образования). Это предполагает обеспечение контроля надзор человека за функционированием систем искусственного интеллекта в объеме и порядке, зависящих от назначения данных систем, в том числе, напри-

мер, фиксировать существенные решения человека на всех этапах жизненного цикла систем искусственного интеллекта, или предусматривать регистрационные записи работы систем искусственного интеллекта; обеспечивать прозрачность применения систем искусственного интеллекта и возможность отмены человеком и (или) предотвращения принятия социально и юридически значимых решений и действий систем искусственного интеллекта на любом этапе жизненного цикла систем искусственного интеллекта там, где это разумно применимо. При этом недопустима передача полномочий ответственного нравственного выбора систем искусственного интеллекта, делегирование ответственности за последствия принятия решений систем искусственного интеллекта – за все последствия их работы всегда должен отвечать человек (физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации). Субъекты соответствующих отношений должны принимать все меры для определения ответственности конкретных участников жизненного цикла систем искусственного интеллекта с учетом их роли и специфики каждого этапа.

Проблема ответственности за действия систем искусственного интеллекта – начиная от беспилотного автомобиля и заканчивая гипотетическими системами принятия решений планетарного масштаба – самая обсуждаемая, когда речь идет о применении искусственного интеллекта. Проблема ответственности появляется в тех областях доверия, где человеку приходится полагаться на действия системы искусственного интеллекта, имеются в виду автомобильный транспорт, фармацевтика, медицина, образование и т. д.

Представляется вполне логичным подход к системе искусственного интеллекта как к источнику повышенной опасности, владелец которого несет ответственность перед третьими лицами за причинением им различных видов вреда. Несмотря на кажущуюся разницу в природе указанных явлений, принципиальных противоречий здесь нет, и пока соответствующие правовые нормы не приняты, вполне возможно использование механизма деликтной ответственности исходя из аналогии закона.

Список использованных источников

1. Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 91-109.

2. Гурко, А. В. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее / А. В. Гурко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 7-18.
3. Сесицкий, Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Сесицкий Евгений Поликарпович ; Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности. – Москва, 2019. – 27 с.
4. Морхат, П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : гражданско-правовые проблемы : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.03 / Морхат Петр Мечиславович ; Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности. – Москва, 2018. – 420 с.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИЗОБРАЖЕНИЯ И ГОЛОСА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИИ ДИПФЕЙК⁶

К.Д. Савицкая

*магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
kristina-leonkina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема защиты изображения и голоса физического лица в условиях развития технологии дипфейк. Отсутствие специального правового регулирования на практике порождает негативные последствия в виде неопределенности механизмов защиты голоса и изображения физического лица. Рассмотрена возможность правовой охраны голоса и изображения физического лица в качестве нематериальных благ, объекта авторского права (изображение физического лица), биометрических персональных данных.

Ключевые слова: голос, изображение, дипфейк, искусственный интеллект, охрана изображения человека, цифровые технологии, использование изображения гражданина, цифровая личность.

Annotation. This article examines the issue of protecting an individual's image and voice in the context of developing deepfake technology. The lack of specific legal regulation in practice leads to negative consequences, such as uncertainty regarding the mechanisms for protecting an individual's voice and image. The article also examines the possibility of legally protecting an individual's voice and image as intangible assets, copyrighted material (an individual's image), and biometric personal data.

Keywords: voice, image, deepfake, artificial intelligence, human image protection, digital technology, use of citizen's image, digital identity.

В настоящее время технология дипфейк стремительно развивается. Современные нейронные сети позволяют генерировать фото и видео с использованием образа и голоса физического лица, создавая виртуальную копию человека (дипфейк) [1, с. 186]. Технологии позволяют не только скопировать голос и образ человека, но и его мимику, жесты, походку. Общество сталкивается с новым явлением «цифрового двойника» человека, «сознание» которого формируется искусственным интеллектом [2].

⁶ Статья подготовлена в рамках реализации гранта БРФФИ Г25ИИ М-025 Конституционные права и свободы личности в условиях использования технологий искусственного интеллекта: способы реализации и защиты.

Развитие технологии дипфейк закономерно влечет трансформацию цифровой преступности и появление совершенно новых, ранее неизвестных уголовному законодательству видов преступлений. Специалисты в сфере уголовного права выделяют следующие негативные правовые последствия:

- использование дипфейк-технологий в качестве средства или способа совершения мошенничества или иного хищения имущества;
- использование цифрового двойника голоса человека для совершения преступления;
- распространение поддельных видеоизображений в виртуальной среде, которые имеют порнографическое содержание с целью вымогательства денежных средств;
- использование дипфейк-технологий для киберпохищения человека (убеждение его под обманом покинуть место проживания и скрыться от родственников) с целью вымогательства выкупа за его «освобождение»;
- нарушение конституционных прав граждан на защиту персональных данных, личных прав граждан, неприкосновенность частной жизни;
- посягательства на общественную безопасность государства [2; 3; 4].

В Республике Беларусь голос как нематериальное благо рассматривался в работе Е.М. Ефременко [5]. В Российской Федерации вопрос использования образа физического лица для создания фото и видео изображений с помощью генеративного искусственного интеллекта исследовался Е.В. Гавриловым [6], Е.Ю. Маликовым [2], А.Д. Твердышевой [7].

В настоящее время вопросу правовой охраны голоса и изображения человека уделяется недостаточно внимания на теоретическом и практическом уровнях. Единообразный подход к пониманию, передаче и защите голоса и изображения человека отсутствует на международном и национальном уровне.

В Республике Беларусь основу регулирования права на изображение и голос составляют положения Конституции Республики Беларусь:

1. Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (ч.1 ст.2).
2. Обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства (ч.1 ст.21).
3. Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства (ч.4 ст.21).
4. Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности (ч.1 ст.25).

5. Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство (ст.28).

6. Государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании (ст.28).

В доктрине право на изображение и право на голос рассматриваются как нематериальные блага (Е.В. Гаврилов [6], Ю.С. Гамбаров [8, с. 428–430], Е.А. Флейшиц [9, с. 189–191]).

В ст.151 Гражданского кодекса Республики Беларусь данные объекты прямо не упоминаются среди нематериальных благ. Вместе с тем, их перечень является открытым. И.С. Корецкий отмечает, что «нематериальное благо – это вид блага, предоставленного человеку от рождения. Это позволяет отнести изображение и голос к нематериальным благам» [10, с. 146.].

Полагаем, право на голос и право на изображение физического лица могут охраняться в качестве нематериальных благ.

Голос и изображение физического лица являются частью его биометрических персональных данных (абз.2 ст.1 Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных»). Следовательно, на данные объекты распространяются законодательство о защите персональных данных.

Согласно ч.2 ст.18 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»: «Сбор, обработка, хранение, предоставление, распространение информации о частной жизни физического лица, а также пользование ею и обработка персональных данных осуществляются с согласия данного физического лица, если иное не установлено законодательными актами».

В соответствии с п.9. ст.10 Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 года №225-З «О рекламе»: в рекламе не допускается использование образов граждан Республики Беларусь без их согласия или согласия их законных представителей, если иное не предусмотрено законодательством. Таким образом, законодатель наделяет граждан субъективными правами, которые подразумевают запрет на использование внешнего образа без согласия лица. Вместе с тем, законодатель ограничил круг субъектов только гражданами Республики Беларусь.

В соответствии с абз.5 ч.1 ст.4 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. N 427-З «О средствах массовой информации» одним из основных принципов деятельности средств массовой информации является уважение прав и свобод человека – средства массовой информации обеспечивают соблюдение прав и свобод человека, гарантированных Конституцией Республики Беларусь и иными актами законодательства.

Изображение физического лица также может охраняться как объект авторского права – фотографическое произведение (п.1, абз.9 ч.1 п.5 ст.6 Закона от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах»).

Таким образом, изображение и голос человека в Республике Беларусь могут защищаться правом с различных позиций. Так можно выделить несколько правовых институтов, в рамках которых голос и изображение физического лица получают охрану: как нематериальное благо; как объект авторского права (изображение физического лица); как персональные данные.

Способ защиты, порядок подачи иска, подсудность, бремя доказывания в делах о защите изображения и голоса человека зависят от того, какие именно права нарушены.

При использовании голоса, изображения в порочащем честь, достоинство, деловую репутацию фото или видео, созданного с помощью технологии дипфейк, полагаем можно предъявить иск о защите чести достоинства и деловой репутации.

Если использование голоса и изображения связано с нарушением законодательства о защите персональных данных, виновное лицо может быть привлечено к административной (ст.23.7. Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь) или уголовной ответственности (ст.203-1, 203-2 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

За нарушение авторских прав в Республике Беларусь предусмотрена гражданско-правовая (ст. 990 Гражданского кодекса Республики Беларусь, ст.56 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах»), административная (ст.10.15 Кодекса об административных правонарушениях) и уголовная ответственность (ст.201 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Отметим, что физическое лицо, чьи права на изображение и голос были нарушены, в каждом из обозначенных случаев может предъявить иск о возмещении морального вреда.

Список использованных источников

1. Бахметьев, П. В. Охрана индивидуального голоса человека: отечественный и зарубежный опыт / П. В. Бахметьев // Право и практика. – 2023. – № 4. – С. 184–188.
2. Маликов, Е. Ю. Человеческое лицо искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования в контексте права на охрану изображения гражданина и авторского права / Е. Ю. Маликов // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 29.09.2025).

3. Долгиева, М. М. Квалификация дипфейк-мошенничества и киберпохищения человека / М. М. Долгиева // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 11(168). – С. 106–113.
4. Денисович, В. В. Применение дипфейк-технологий в метавселенных: уголовно-правовой взгляд / В. В. Денисович // Мировой судья. – 2025. – № 1. – С. 2–4.
5. Ефременко, Е. М. Обеспечение и защита нематериальных благ субъектов гражданского права как фактор формирования правовой культуры личности и общества / Е. М. Ефременко // Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2025. – С. 163–167.
6. Гаврилов, Е. В. История, современное состояние и перспективы регламентации нематериальных благ в гражданском кодексе РФ / Е. В. Гаврилов // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 29.09.2025).
7. Твердышева, А. Д. Использование образа публичных личностей с помощью технологии deepfake / Е. Ю. Маликов // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 29.09.2025).
8. Гамбаров, Ю. С. Гражданское право. Общая часть / Ю. С. Гамбаров. – М., 2003. – 796 с.
9. Флейшиц, Е. А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран / Е. А. Флейшиц. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 207 с.
10. Корецкий И. С. Голос гражданина как средство индивидуализации, объект защиты и охраны // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал : сборник статей VIII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых исследователей, г. Краснодар, 14 ноября 2023 г. – Краснодар : АНО «НИИ АПСР», ФГБОУ ВО КубГАУ, 2024. – С. 144–149.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Б.Р. Топилдиев

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Гражданское право»,
Ташкентский государственный юридический университет*

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных проблем и перспектив правового регулирования договорных отношений в сети Интернет в условиях развития цифровой экономики Узбекистана. Рассматриваются особенности заключения и исполнения электронных договоров, специфика субъектного состава электронной коммерции, включая информационных посредников и использование искусственного интеллекта. Анализируется новый законопроект «О защите прав пользователей онлайн-платформ и веб-сайтов», направленный на регулирование деятельности интернет-ресурсов в Узбекистане. Особое внимание уделяется правовой природе смарт-контрактов, программ-роботов и вопросам волеизъявления в цифровой среде. Автор обосновывает необходимость дальнейшего совершенствования национального законодательства с учетом международного опыта для эффективного регулирования электронных правоотношений и защиты прав участников цифровой экономики.*

Ключевые слова: *электронная коммерция, договорные отношения, цифровая экономика, интернет-право, электронные договоры, смарт-контракты, информационные посредники, искусственный интеллект, онлайн-платформы, правовое регулирование, цифровые активы, программы-роботы, электронный документооборот, защита прав потребителей.*

Abstract. *The article analyzes current problems and prospects for legal regulation of contractual relations on the Internet in the context of the digital economy development in Uzbekistan. The specifics of concluding and executing electronic contracts, the nature of e-commerce participants, including information intermediaries and the use of artificial intelligence, are examined. The new draft law "On Protection of Rights of Online Platform and Website Users" aimed at regulating Internet resources activities in Uzbekistan is analyzed. Special attention is paid to the legal nature of smart contracts, robot programs, and issues of will expression in the digital environment. The author substantiates the need for further improvement of national legislation, taking into account international experience, for effective regulation of electronic legal relations and protection of digital economy participants' rights.*

Keywords: *electronic commerce, contractual relations, digital economy, internet law, electronic contracts, smart contracts, information intermediaries, artificial intelligence, online platforms, legal regulation, digital assets, robot programs, electronic document flow, consumer protection.*

В нашей стране развитие цифровых технологий, цифровой экономики, является одним из ключевых приоритетов государственной политики, опре-

деленные Стратегией развития Нового Узбекистана на 2022 – 2026 годы, где одной из целей является развитие цифровой экономики в качестве основного «драйвера» с обеспечением увеличения ее объема как минимум в 2,5 раза.

Необходимо констатировать, что в Узбекистане в последние годы реформ в сфере развития цифровой экономики, приняты такие важные акты как Постановления и Указы Президента Республики Узбекистан «О мерах по ускоренному развитию электронной коммерции» от 14 мая 2018 года, «О мерах по широкому внедрению цифровой экономики и электронного правительства» от 28 апреля 2020 года, «О мерах по коренному совершенствованию договорных отношений» от 14 сентября 2021 года, «О совершенствовании администрирования электронной коммерции и создании благоприятных условий для ее дальнейшего развития» от 17 ноября 2021 года, а также Стратегия «Цифровой Узбекистан-2030».

Указом Президента Республики Узбекистан от 20 января 2025 года № ПП-4771 был создан государственный университет Cyber University в целях подготовки кадров в области защиты информации, информационной и кибербезопасности, создания автоматизированных информационно-аналитических систем на основе искусственного интеллекта, робототехники и смежных направлений, переподготовки и повышение квалификации специалистов в сфере цифровых технологий.

Несмотря на существенный прогресс за последние годы, в нашей стране, существует необходимость дальнейшего регуляционного обеспечения данных правоотношений, уделения большего внимания вопросам правового регулирования договорных отношений в интернете.

Правовое регулирование интернет-пространства: новый законопроект об онлайн-платформах в Узбекистане. Агентство информации и массовых коммуникаций (АИМК) при Администрации президента Узбекистана разработало законопроект «О защите прав пользователей онлайн-платформ и вебсайтов». Документ направлен на регулирование деятельности интернет-ресурсов, не имеющих статуса СМИ, а также активности блогеров и инфлюенсеров.

За последние восемь лет аудитория интернет-пользователей в Узбекистане увеличилась более чем вдвое – с 14,7 до 32,7 миллиона человек. Наиболее востребованными платформами являются Telegram (28 млн пользователей), Odnoklassniki (19,2 млн), Facebook (2,3 млн), ВКонтакте (1,5 млн), LinkedIn (850 тыс.) и X (250 тыс.).

Существующая нормативно-правовая база не содержит четких положений относительно прав пользователей онлайн-платформ и правил распространения информации в интернет-пространстве. При разработке законопроекта учитывался международный опыт правового регулирования в данной сфере, включая практику стран Европейского союза, Германии, Франции, Турции и Казахстана.

Согласно законопроекту, онлайн-платформы, функционирующие в Узбекистане, должны обладать функционалом для:

- определения количества пользователей на территории страны;
- приема и обработки жалоб пользователей;
- оспаривания решений владельца платформы об удалении контента;
- ограничения нежелательного для пользователя контента.

Законопроектом устанавливается следующий механизм противодействия распространению противоправного контента:

1. Уполномоченный орган при выявлении нарушений направляет предписание об удалении контента в течение 24 часов.

2. При невыполнении предписания владельцем сайта или невозможности его идентификации доступ к ресурсу может быть ограничен без судебного решения.

3. Если пользователь платформы или модератор сообщества игнорирует предписание, уполномоченный орган обращается к собственнику платформы с требованием удалить контент в течение суток.

4. При систематическом (более трех раз в год) игнорировании предписаний аккаунт или сообщество могут быть заблокированы на срок до полугода.

5. В случае неисполнения предписаний собственником платформы уполномоченный орган вправе обратиться в суд.

6. При систематическом неисполнении судебных решений орган может инициировать снижение скорости доступа к платформе.

Законопроект предусматривает возможность обжалования решений уполномоченного органа в судебном порядке.

Действительно, в мире информационные технологии изменили структуру взаимоотношений хозяйствующих субъектов и механизмы ведения бизнеса. Так, согласно международным отчетам, на начало 20 годов на электронную коммерцию приходилось 18% от общего объема розничных продаж в мире, а оборот электронной коммерции достиг порядка 5 трлн. долл. США. Помимо этого, буквально недавно, пандемическая ситуация в мире привела

к резкому расширению электронного рынка. В связи с увеличением доли электронной торговли повысилась необходимость также и дальнейшего ее нормативного обеспечения и правового урегулирования, совершаемых в ней сделок. Следовательно, стремительное развитие Информационных технологий (ИТ) в последние два-три десятилетия привело к возникновению новых общественных отношений, которые развиваются в особой информационной среде – Интернете.

Категория договоров в сфере электронной коммерции вписывается в существующую систему гражданско-правовых договоров и не требует введения дополнительных дефиниций. В то же время, нельзя не признать, что заключение и исполнение указанных договоров имеют также свою собственную специфику.

При анализе субъектного состава отношений в сфере электронных отношений и квалификации ее видов по данному основанию, выявляется особенность такой особой категории участников электронной коммерции как информационные посредники. Данные лица отправляют, получает или хранят потенциально ценную информацию, способствует заключению (исполнению) электронных договоров, а также оказывают другие сопутствующие услуги, например, организуют электронный обмен данными. Более того, в настоящее время важное значение приобретает такое явление как искусственный интеллект (ИИ), и вопросы его возможной правосубъектности применительно к вопросам электронной коммерции. Думается, что сам искусственный интеллект не может быть субъектом гражданского права, поскольку его можно рассматривать лишь как некий объект правоотношений. Соответственно правовые последствия в результате действий искусственного интеллекта должны нести его собственники, и/или операторы.

Помимо этого, значительная часть договоров заключается программами-роботами без участия человека. В материальном пространстве не редкость использование вендинговых машин – автоматов при заключении публичного договора (например, автомат продажи напитков и т.п.).

В Интернете также применяются электронные аналоги автоматов – программы-роботы, которые помогают составить, заключить и принять к исполнению договор. Это в некоторых странах порождает неопределенность по вопросу действительности договоров, заключенных программами-роботами без непосредственного участия человека, в связи, с чем возникают сомнения в волеизъявлении субъекта. Эти сомнения основываются на том, что программа-робот могла дать сбой; либо к программе-роботу мог быть полу-

чен несанкционированный доступ, результатом чего стало заключение оспариваемого договора на невыгодных для владельца программы-робота условиях. Действия программы-робота должны презюмироваться содержащими волеизъявление ее владельца, если не доказано иное. Несанкционированный доступ может быть доказан, что может быть основанием для признания договора недействительным. Поэтому, пока не доказано иное, договор должен признаваться содержащим истинное волеизъявление сторон.

Также представляется немаловажным порядок и способы осуществления платежей в электронной коммерции, правовая природа электронных денег и криптовалют, особенности осуществления платежей с ними, перспективы гражданско-правового регулирования осуществления платежей в электронной коммерции.

Необходимо отметить, что в современном Узбекистане формируется специальная отрасль законодательства, регулирующая экономические отношения в Интернете в целом, и Электронная коммерция – в частности.

Текущее законодательство, несмотря на наличие общих норм гражданского права, в области регулирования отношений в Интернете все еще находится на начальной стадии развития.

Заключение договоров в электронной коммерции требует использования в обороте новых, непоименованных договоров. Дополнительную сложность данным отношениям зачастую придает «иностранный элемент», поскольку участники коммерческой сделки нередко находятся под различными юрисдикциями.

Электронная коммерция представляет собой деятельность, в том числе и профессиональную, направленную на заключение и исполнение сделок, заключаемых дистанционно с использованием информационных систем, которые не требуют нотариальной и государственной регистрации.

Регулярно совершаемые сделки (купля-продажа, поставка, выполнение работ, оказание услуг) стоит рассматривать в качестве основных в электронной коммерции, в то время как существуют и организационные сделки – организация электронного коммерческого оборота и обеспечение исполнения основных сделок. К последним относятся следующие сделки: оказание услуг доступа в информационно-коммуникационную сеть; организация различных форм товарного рынка; оказание услуг по формированию средств электронной коммерции (например, применение электронно-цифровой подписи); осуществление электронных расчетов; разработка и использование программного обеспечения; применение различных видов связи.

Все названные сделки являются гражданско-правовыми сделками, особенность которых выражается в процессе заключения и (или) их исполнения, совершения иных юридически значимых действий, реализуются дистанционно и при помощи специального механизма в электронном обмене данных.

Электронный договор представляет собой информацию, выражающую акцепт заключить определенную сделку. Данная информация носит целостный характер и ее невозможно изменить, то есть зафиксирована и в конечном счете хранится на материальных носителях. Также, стороны имеют возможность должным образом идентифицировать стороны по договору любым понятным для контрагента техническим и/или организационным способом.

Изученная правовая природа автоматизированных, самоисполняемых договоров, так называемых смарт-контрактов позволяет сделать следующие выводы о том, что правовое содержание отражается в виде сформулированного и автоматизированного с помощью программного обеспечения исполнения договора. Неотвратимость исполнения смартконтракта возникает только при наступлении заранее установленных волеизъявителем обстоятельств, что обеспечивается особенностями программной среды и/или программного обеспечения. Смарт-контракты следует относить к особым несамостоятельным договорным конструкциям, отражающие особенности заключения или правовые последствия гражданско-правового договора. Среди квалифицирующих и имеющих юридическое значение признаков важно отметить, что предметом исполнения смарт-контракта является оборот цифровых активов.

В результате проведенного анализа правовой природы электронной коммерции, необходимо констатировать, что договоры в ней носят исключительно возмездный характер, то есть, согласно статье 355 Гражданского кодекса Республики Узбекистан, одна сторона получает плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей. При этом оплата по таким договорам может производиться различными платежными инструментами.

Анализируя международное, зарубежное, национальное законодательство и деловую практику, думается, что для достижения правового регулирования общественных отношений в сфере электронной торговли необходимо совершенствовать действующее законодательство.

Динамично развивающийся характер актов, принятых многими международными организациями по вопросам юридической силы и особенностей

заключения, исполнения, расторжения трансграничных электронных договоров, признания электронного документооборота, налогообложения трансграничных электронной коммерции, обеспечения прав на объекты интеллектуальной собственности при реализации электронной коммерции, свидетельствует об особой важности международного сотрудничества в гармонизации и развитии внутренних правовых систем отдельных государств.

Все большую актуальность приобретают вопросы теоретического и законодательного обеспечения основных «цифровых» прав участников электронных правоотношений, правовой статус субъектов электронной коммерции, цивилистическая характеристика цифровых прав, цифровые товары, услуги и большие данные (Big Data) в сфере электронной коммерции, электронные сделки и особенности их правового регулирования в условиях цифровой трансформации гражданского оборота, правовые основы персональных данных и онлайн рекламы в сфере электронной коммерции, правовой режим электронных площадок и защита прав потребителей в Интернет-коммерции, платежи в электронной коммерции, разрешение споров в электронной коммерции, международное и региональное законодательство и зарубежный опыт в сфере электронной коммерции.

Современные договорные отношения в цифровой среде характеризуются особым порядком заключения и исполнения, не требующим бумажных носителей. Идентификация сторон осуществляется исключительно с помощью ИТ-систем, что значительно ускоряет процесс заключения сделок, но одновременно создает определенные правовые риски. Особую специфику приобретают электронные договоры в контексте оборота как материальных, так и цифровых активов, требующих своего перемещения не только в реальном, но и в виртуальном пространстве.

Одной из ключевых проблем правового регулирования является сложность применения мер правовой ответственности к субъектам электронных правоотношений, особенно в случаях с иностранным элементом, когда стороны находятся под разными юрисдикциями. Дополнительную сложность представляет появление новых участников электронной коммерции – информационных посредников, а также использование программ-роботов и систем искусственного интеллекта при заключении и исполнении договоров, что ставит вопрос о волеизъявлении и правосубъектности в цифровой среде.

Несмотря на активное развитие законодательства в сфере цифровой экономики в Узбекистане, правовое регулирование электронных договорных отношений находится на начальном этапе формирования и требует дальней-

шего совершенствования. Необходимо обеспечить защиту прав потребителей в интернет-коммерции, правовой режим электронных площадок, регулирование платежных систем и разрешение споров с учетом международного опыта и перспектив развития цифровой экономики.

Список использованных источников

1. Gulyamov, S. S. The Role of Open Educational Resources in Advancing Distance and Online Learning / S. Saidakhmedovich Gulyamov, A. Yakubov and D. Karakhodjaeva // 2024 4th International Conference on Technology Enhanced Learning in Higher Education (TELE) / Lipetsk, Russian Federation, 20-21 June 2024. – IEEE. – P. 365-367.
2. Karakhodjaeva, D. M. Issues of Ensuring Legal Guarantees for the Protection of Property Rights in the Republic of Uzbekistan / Dilorom Mamirovna Karakhodjaeva // Excellencia: International Multi-disciplinary Journal of Education. – 2024. – Vol. 2, № 12. – P. 100-106.
3. Ананько, А. Заключение договоров путем электронного обмена данными / А. Ананько // Право и Интернет. – URL: <http://www.russianlaw.net/law/doc/a123.htm> (дата обращения: 20.03.2025).
4. Александров, Д. К. Электронно-цифровая форма договора / Д. К. Александров // Право и Интернет. – URL: <http://www.russianlaw.net/law/doc/a111.htm> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Миркин, Я. Розничные торговые системы и Интернет-трейдинг: анализ ситуации, стратегия развития / Я. Миркин // Рынок ценных бумаг. – 2016. – № 23.
6. Frankel, T. The Internet, Securities Regulation, and Theory of Law / T. Frankel. – Boston University School of Law, 1999.
7. Kelly, K. New Rules for the New Economy: 10 Radical Strategies for a Connected World / K. Kelly. – NY, 2016.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ВЫЗОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ

О.Н. Толочко

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления юридического факультета, Белорусский государственный университет,
o.tolochko@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются современные условия функционирования международной системы охраны прав на литературные и художественные произведения. Отмечается, что развитие технологий искусственного интеллекта оказывает огромное влияние на процесс создания объектов интеллектуальной собственности, в том числе авторского права и смежных прав. При этом права авторов признаются только за физическими лицами, что приносит трудности в формировании и применении законодательства. По мнению автора, действующая Бернская система охраны авторских прав в ближайшей перспективе будет реформирована, причем изменения не обязательно получат закрепление в универсальном международном договоре. Возможно, национальные системы охраны авторских прав будут развиваться автономно либо в рамках региональной интеграции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, права авторов, смежные права, сгенерированные произведения, Бернская конвенция, национальное законодательство.

Abstract. The article analyzes the current conditions of functioning of the international system of protection of rights to literary and artistic works. It is noted that the development of artificial intelligence technologies has a huge impact on the process of creating intellectual property objects, including copyright and related rights. At the same time, the rights of authors are recognized only for individuals, which creates difficulties in the formation and application of legislation. According to the author, the current Berne copyright protection system will be reformed in the near future, and the changes will not necessarily be enshrined in a universal international treaty. Perhaps, national copyright protection systems will develop autonomously or within the framework of regional integration.

Keywords: artificial intelligence, authors' rights, related rights, generated works, Berne Convention, national legislation.

Современный этап развития мировой экономики и, вероятно, всей человеческой цивилизации, представляет собой переход в качественно новую фазу, главной характеристикой которой является цифровая трансформация. Развитие интернета, искусственного интеллекта, робототехники, 3D-печати позволяет в разы снизить издержки производства в большинстве отраслей, в том числе – в области культуры, литературы, искусства, киноиндустрии и индустрии развлечений. Дальнейшее совершенствование циф-

ровых технологий может привести к такому снижению издержек на производство такой продукции, что использование человеческого труда может оказаться невыгодным.

Определяющая роль процессов цифровизации признаётся всеми общественными науками. В докладах международных экспертов о перспективах экономического и социального развития, о глобальных рисках, а также об основных вызовах и угрозах цифровизация занимает центральное место [1; 2]. В Докладе о глобальных рисках за 2025 г. отмечается, что ИТ-сектор остается в фокусе правовой политики и государственного регулирования. Авторы доклада подчеркивают роль технологий в росте социальной напряженности, при этом одним из главных рисков называется распространение ложного или вводящего в заблуждение контента как механизм влияния на общественное мнение.

Существует теория, что вот уже почти 10 лет контент в сети создается не людьми, а ботами («теория мертвого интернета»). Лента социальных сетей, комментарии, новости – все это может быть сгенерировано искусственным интеллектом. Значительная часть споров в сети X ведется ботами, а страницы некоторых «пользователей» в инстаграме – на самом деле нейросети, которые зарабатывают на лайках и рекламе. В то же время живых пользователей в соцсетях и на форумах всё меньше.

В 2024 году почти половина веб-трафика была сгенерирована не людьми, а автоматизированными системами. Исследователи прогнозируют, что если нейросети продолжат развиваться с той же скоростью, как сегодня, то к 2030 году нейросети будут генерировать 99% контента [3].

Механизмы работы и монетизации крупных социальных сетей помогают распространению ботов. Например, в фейсбуке сегодня можно создать группу с активной аудиторией и получать деньги за посты, поскольку Meta делится с авторами прибылью от рекламы. Зарабатывают в том числе паблики, контент которых полностью сгенерирован нейросетями. Недавно Meta, которой принадлежат инстаграм и фейсбук, объявила о планах заполнить свои продукты «пользователями», сгенерированными нейросетями. Эти профили будут обладать вполне человеческими характеристиками – подробным описанием и фотографиями. Реальные люди смогут с ними общаться как обычно. Meta может создавать таких персонажей с помощью собственной студии [4]. Meta теперь неважно, с кем взаимодействуют ее пользователи – с реальными людьми или ботами: там уже так много профилей, что единственным способом роста является создание их с помощью искусственного интеллекта.

Исследователи отмечают, что с момента появления ChatGPT в 2022 г. количество контента, созданного с помощью искусственного интеллекта, возросло более чем на 8000% [5]. Учитывая рост качества ИИ-контента, реальных людей в сети может быть намного меньше, чем кажется.

В этих условиях создание литературных и художественных произведений, в том числе аудиовизуальных, всё чаще передается нейросетям. Например, китайская нейросеть Kling умеет генерировать картинки и видео. Сервис подходит для оживления портретов, создания реалистичных анимаций и живого окружения; позволяет генерировать видео на основе текстового запроса или оживлять готовые картинки. Сервис умеет также создавать видео из изображения и подсказки, анимировать изображения, работать с ключевыми кадрами (задается начальный и конечный кадр, а нейросеть додумывает видео между ними), синхронизировать движения рта с речью, превращать видеомакет в стилизованный и анимированный визуальный ряд. Есть бесплатная версия продукта, так что создавать свои видеоролики с помощью этой нейросети может любой желающий [6].

Нейросети без особых усилий и затрат для пользователей создают тексты и изображения, и пусть они «недоотягивают» до творческого уровня живых людей, в условиях масс маркета это явно подрывает права и интересы авторов, как они понимаются в международных соглашениях и национальном законодательстве об авторских и смежных правах. Под вопросом также право на профессию. Так, в 2024 году причиной забастовки актёров Голливуда стало массовое использование нейросетей в кинопроизводстве и производстве видеоигр [7].

Таким образом, зависимость экономики и общества от цифровых технологий непрерывно растёт, а релевантные нормы и правила поведения заинтересованных сторон в новых условиях не созданы. Очевидно, что назрела необходимость в многостороннем международном диалоге по реформированию международной системы охраны исключительных прав на литературные и художественные произведения.

По мере развития и распространения технологий искусственного интеллекта, способных писать музыку, тексты, стихи, картины, видеоролики, всё более актуальной становится проблема авторских прав на сгенерированные им произведения. Данная проблема, в частности, стала объектом изучения Бюро по авторским правам США, которое с 2023 г. проводит специальные исследования по запросу Конгресса и представителей бизнес-сообществ [8]. Исследование пока не закончено, однако в руководство по регистрации авторских прав уже было включено положение, согласно ко-

торому заявители обязаны раскрывать информацию о включении в представленные к регистрации произведения контента, сгенерированного искусственным интеллектом [9]. Многие другие страны, включая Беларусь, в настоящее время также требуют раскрытия информации о применении технологий искусственного интеллекта при создании произведения. В частности, подобные нормы включены в нормативные документы Министерства образования, Высшей аттестационной комиссии и др.

Тем не менее, в настоящее время в Республике Беларусь, как и в большинстве государств – участников Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г., за искусственным интеллектом авторские права не признаются. Согласно ст. 3 Бернской конвенции, автор – это физическое лицо, которое вкладывает элемент творчества, необходимый для создания произведения, а также имеет определенное место жительства и гражданство. Положения Бернской конвенции инкорпорированы также в Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности ВТО (ТРИПС). Республика Беларусь, как и другие участники Бернской конвенции, признает в качестве автора физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение (ст. 4 Закона Республики Беларусь 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах»).

Вместе с тем, количество литературных, художественных, музыкальных, аудиовизуальных и иных произведений, созданных искусственным интеллектом или при его участии, увеличивается в геометрической прогрессии. Вопросы в отношении авторства, имущественных и неимущественных прав, включая вознаграждение за использование таких произведений, требуют разрешения на национально-правовом или международном уровне. В настоящее время специалисты ожидают результатов исследования Бюро по авторским правам, по итогам которого, возможно, будут разработаны поправки в законодательство США об авторском праве, направленные на урегулирование «серых зон», связанных с искусственным интеллектом. Дискуссия по вопросам интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта ведется также в рамках ВОИС, однако до сих пор в фокусе внимания ВОИС была политика в области искусственного интеллекта и вопросы прав на изобретения [10]. Возможно, в законодательстве Республики Беларусь будет воспринят подход, выработанный в итоге международным правом и практикой. Однако это никоим образом не снижает огромной значимости диалога по указанной проблематике, ведущегося белорусской научной общественностью.

В целом очевидно, что и Бернская система охраны авторских прав, сложившаяся в конце XIX века, и появившаяся позднее на её основе система охраны смежных прав получили серию чувствительных ударов с развитием интернета, массового производства носителей информации и других цифровых технологий. Внесенные в 90-х гг. прошедшего столетия коррективы в виде Договора ВОИС по авторскому праву и Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам, заключённых в 1996 г., не смогли решить назревающих проблем с авторскими и смежными правами в цифровую эпоху. Развитие искусственного интеллекта, как представляется, может стать критическим фактором, способным разрушить эту систему. Вероятно, общество стоит на пороге крупных реформ в области охраны интеллектуальной собственности, особенно если учесть и другие факторы, вызвавшие тектонические сдвиги в системе международной торговли, в экономических, социальных, культурных и иных сферах международных отношений. Однако совсем не факт, что в нынешних условиях государствам удастся выработать универсальное соглашение по авторским правам, сопоставимое с Бернской конвенцией 1886 г. Вполне возможно, что следующим этапом будет формирование региональных систем охраны, либо вообще государства пойдут по пути создания собственных законов, отражающих особенности национальных социально-экономических моделей, без их привязки к международным стандартам и обязательствам. Если раньше такой вариант развития событий представлялся маловероятным, то теперь это уже так не выглядит. В любом случае правовое регулирование в области охраны авторских и смежных прав, скорее всего, стоит на пороге больших перемен.

Список использованных источников

1. The Global Risks Report 2025 // World Economic Forum. – URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2025.pdf (дата обращения 05.04.2025).
2. Global Economic Prospects, January 2025 // World Bank Group. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/11e10c6d-6587-477b-a69c-f368cfb3a0a4> (дата обращения 05.04.2025).
3. The metaverse represents one of the most important technological landscapes of our generation. But what happens with the content of the metaverse when you add AI? // Copenhagen Institute for Futures Studies. – URL: <https://cifs.dk/news/what-if-99-of-the-metaverse-is-made-by-ai> (дата обращения 05.04.2025).
4. Meta envisages social media filled with AI-generated users // Financial Times. – URL: <https://www.ft.com/content/91183cbb-50f9-464a-9d2e-96063825bfcf> (дата обращения 05.04.2025).

5. John P. Mello Jr. Copyleaks Study Finds Explosive Growth of AI Content on the Web // TechNewsWorld. – URL: <https://www.technewsworld.com/story/copyleaks-study-finds-explosive-growth-of-ai-content-on-the-web-179161.html> (дата обращения 05.04.2025).
6. Бондаренко, К. 10 крутых сетей для генерации видео // Unisender. – URL: <https://www.unisender.com/ru/blog/krutye-nejroseti-dlya-generacii-video/> (дата обращения 05.04.2025).
7. SAG-AFTRA Members Who Work on Video Games Go on Strike // SAG-AFTRA. – URL: <https://www.sagaftra.org/sag-aftra-members-who-work-video-games-go-strike> (дата обращения 05.03.2025).
8. Copyright Office Launches New Artificial Intelligence Initiative. Issue No. 1004 – March 16, 2023 // Copyright.gov. U.S. Copyright Office. – URL: <https://www.copyright.gov/newsnet/2023/1004.html> (дата обращения 05.04.2025).
9. Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence // GovInfo. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2023-03-16/pdf/2023-05321.pdf> (дата обращения 05.04.2025).
10. Дискуссия ВОИС по вопросам интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/about-ip/ru/artificial_intelligence/conversation.html (дата обращения 05.04.2025).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А.И. Шевандо

*преподаватель кафедры права интеллектуальной собственности
юридического факультета, Белорусский государственный университет,
ShavandaAI@bsu.by*

Аннотация. В ходе исследования было рассмотрено понятие «искусственный интеллект» и выделены его ключевые признаки. Также были проанализированы такие риски, как алгоритмическая непрозрачность и дискриминация в автоматизированных решениях, возникающие при использовании искусственного интеллекта. По итогам исследования были сделаны предложения по совершенствованию национального законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, алгоритмическая прозрачность, дискриминация и предвзятость, автономность, обучающие данные.

Abstract. The study examines the concept of "artificial intelligence" and identifies its key characteristics. It also analyzes risks such as algorithmic opacity and discrimination in automated decision-making that arise from the use of artificial intelligence. Based on the results of the research, proposals were made to improve national legislation.

Keywords: artificial intelligence, algorithmic transparency, discrimination and bias, autonomy, training data.

Бурное развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ) стало одним из ключевых технологических трендов XXI века, радикально меняющим экономику, управление, науку и повседневную жизнь. ИИ уже сегодня используется в различных сферах: от медицины до образования, финансов и правоприменительной деятельности. Вместе с тем столь стремительное распространение ИИ сопровождается появлением новых юридических вызовов, связанных с вопросами безопасности, ответственности, защиты прав человека, приватности, интеллектуальной собственности и недопущения дискриминации. Как показывают данные *AI Incident Database*, только в 2024 году было зафиксировано свыше 200 случаев вреда, причиненного системами ИИ [1], что ставит вопрос о необходимости правового регулирования отношений в сфере разработки и применения ИИ.

В настоящей статье будут проанализированы некоторые виды рисков, возникающих при разработке и внедрении систем ИИ. Поскольку ИИ от-

личается от традиционного программного обеспечения, необходимо также определить ключевые признаки понятия «искусственный интеллект». Понимание того, что отличает ИИ от иных программных решений, является необходимой предпосылкой для последующего анализа конкретных угроз и выработки эффективных механизмов их правового регулирования.

Некоторые исследователи определяют ИИ как «компьютерный алгоритм, предназначенный для выполнения логических задач, свойственных человеческому мышлению» [2, с. 35]. Такое определение является скорее описательным и не позволяет выделить отличительные признаки ИИ. Отсутствие четкого законодательного определения создает правовые риски и препятствует нормальному развитию технологий, так как затрудняет квалификацию моделей ИИ и размывает границы ответственности лиц, разрабатывающих и выпускающих такие системы в гражданский оборот.

Обратимся к Закону об искусственном интеллекте (англ. *Artificial Intelligence Act*, далее – Закон об ИИ), принятому в 2024 году в Европейском союзе и являющемуся первым в мире нормативным правовым актом, регулирующим отношения в сфере применения и разработки ИИ. Согласно ст. 3 Закона об ИИ под системой искусственного интеллекта понимается машинная система, способная функционировать с варьируемыми уровнями автономности, проявлять адаптивность после развертывания и которая, действуя для достижения явных или подразумеваемых целей, способна делать выводы на основе входных данных путем создания выходных результатов, таких как прогнозы, контент, рекомендации или решения, способных оказывать влияние на физическую или виртуальную среду.

Определение системы ИИ сформулировано достаточно широко и может включать в себя системы, основанные не только на машинном обучении, но и на логических методах и подходах, использующих базы знаний. Ключевыми признаками таких систем являются способность делать выводы (англ. *capability to infer*) и варьируемый уровень автономности (англ. *varying levels of autonomy*) при функционировании. Согласно п.12 Преамбулы Закона об ИИ способность делать выводы выходит за рамки простой обработки данных, поскольку включает в себя обучение, моделирование и рассуждение. Система ИИ должна быть способна воспринимать входные данные (в том числе из окружающей среды), обрабатывать их с помощью заданного набора алгоритмов и производить выходную информацию в виде прогнозов, рекомендаций или решений, которые могут повлиять на физическую или виртуальную среду. Автономность, которую система ИИ должна проявлять при

функционировании, заключается в наличии определенной степени независимости ее действий от участия человека и способности функционировать без вмешательства человека. Иными словами, простая автоматизация, статистическое программное обеспечение или полностью детерминированные алгоритмы по типу «если X, то Y» не подпадают под определение систем ИИ, поскольку они не обладают признаками автономности [3].

В определении также указывается на способность системы ИИ проявлять адаптивность, а также то, что такая система должна являться машинной. Адаптивность означает способность системы ИИ к самообучению после ввода в эксплуатацию, позволяющую ей изменяться и совершенствовать свое поведение в процессе использования. Термин «машинная» указывает на то, что системы ИИ разрабатываются с помощью машин и функционируют на их основе. При этом под машиной понимается как аппаратное, так и программное обеспечение, поддерживающее работу системы ИИ [4].

В Республике Беларусь легальная дефиниция ИИ закреплена в Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 21.04.2023 № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 07.04.2022 № 136». Под ИИ понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, и включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Такое определение является не очень удачным по ряду причин. Во-первых, признак «имитация когнитивных функций человека» представляется избыточно широким и будет размывать понятие ИИ. Любой алгоритм, формализующий задачу, может «имитировать» элементарные когнитивные действия человека. Во-вторых, упор на внешнюю схожесть результатов ИИ с результатами интеллектуальной деятельности человека игнорирует тот факт, что системы ИИ действуют по иным правилам и решают проблемы «нечеловеческими» способами. Представляется, что законодатель должен отойти от концепции «антропоцентричности» систем ИИ и при определении их правового статуса сосредоточиться на существенных характеристиках, таких как автономность, способность самообучаться и принимать решения с определенной степенью самостоятельности [5].

Именно автономность, обучаемость, способность выявлять закономерности в данных и делать выводы отличают системы ИИ от других техноло-

гий. Эти характеристики обеспечивают гибкость ИИ, позволяют решать разноплановые задачи и, соответственно, оптимизировать процессы практически в любой сфере: от экономики до медицины. Однако те же особенности порождают ряд рисков, среди которых выделяют низкую прозрачность алгоритмов и принятие решений, способных быть дискриминационными и предвзятыми.

Одним из наиболее серьезных вызовов при внедрении современных систем ИИ является их недостаточная прозрачность. Под прозрачностью обычно подразумевают доступность и наглядность внутренних механизмов, обеспечивающих вычислительные результаты, генерируемые системами ИИ [7]. Внутренние механизмы обработки данных и принятия решений в ИИ часто функционируют как «черный ящик» (англ. *black box*), что затрудняет проверку корректности работы, воспроизведение результатов и выявление системных ошибок. Такая непрозрачность ограничивает возможности аудита и оценки алгоритмов пользователями, регуляторами и разработчиками, повышает риски скрытой дискриминации и подрывает доверие к технологиям ИИ, особенно в критически важных сферах.

Примером алгоритмической непрозрачности может служить инцидент, произошедший в рамках судебного разбирательства *Mata v. Avianca* (Нью-Йорк, 2023 г.). Адвокат истца представил суду пояснения, в которых обосновывал позицию своего клиента со ссылками на несуществующие прецеденты, сгенерированные *ChatGPT*. Данное дело наглядно иллюстрирует проблему «галлюцинаций» ИИ – генерации ложной информации, выдаваемой за достоверную. Подобные искажения возникают вследствие неинтерпретируемости сложных моделей (особенно нейросетей), где ключевые механизмы обработки данных скрыты внутри сложных слоев и недоступны для анализа.

Для преодоления подобных рисков активно развивается направление объяснимого искусственного интеллекта (англ. *eXplainable AI*, *XAI*). Его цель – повышение прозрачности моделей ИИ и укрепление доверия пользователей к результатам, формируемым такими системами [7]. Для выполнения этих задач используют такие методы, как **LIME** (англ. *Local Interpretable Model-agnostic Explanations*) и **SHAP** (англ. *SHapley Additive exPlanations*). SHAP – это метод, основанный на теории игр. Его цель состоит в том, чтобы объяснить любую модель ИИ, рассматривая каждый признак как игрока и результат модели как вознаграждение [7]. Иными словами, использование такого метода означает оценку влияния каждого фактора на итоговый вывод ИИ. Метод *LIME* работает по принципу локальной аппроксимации: чтобы объяснить конкретное предсказание модели, *LIME* создает

множество слегка измененных версий исходного входа (например, текста или изображения), пропускает их через модель ИИ и на основе полученных ответов строит простую интерпретируемую модель, которая хорошо описывает поведение сложной модели в непосредственной близости от исходного случая [8, с. 830]. Это позволяет выяснить, какие признаки (например, слова или пиксели) сыграли наибольшую роль в принятии конкретного решения.

С проблемой низкой прозрачности алгоритмов тесно связаны риски предвзятости и дискриминации в решениях ИИ. Примером такой проблемы является довольно хрестоматийный случай, когда в 2015 году компания Amazon начала использовать для найма сотрудников систему ИИ, которая была обучена на резюме кандидатов за предыдущие 10 лет. Из-за того, что в технической отрасли большинство работников являются мужчинами, рекрутинговая модель занижала оценки резюме, которые содержали в себе слова «women», отдавая предпочтение мужским резюме.

Этот пример показывает, что ИИ, подобно человеку, который перенимает чужие стереотипы, может «усвоить» скрытые предвзятости в ходе обучения. В результате даже без явного указания чувствительных признаков (пол, раса, возраст) модель может выдавать решения, неблагоприятные для отдельных людей или групп, если в обучающей выборке присутствовали соответствующие смещения [9].

В литературе выделяют несколько причин, по которым результаты ИИ могут приводить к дискриминации:

1) алгоритмическая предвзятость при моделировании ИИ, когда в результате оптимизации внутренних параметров модель искусственно «сглаживает» влияние редких признаков, недооценивает их вклад и фактически игнорирует характеристики меньшинств;

2) предвзятость в обучающих данных, возникающая из-за использования наборов с неравномерным распределением признаков (например, при разработке инструмента для найма преобладает информация, взятая из резюме молодых кандидатов);

3) предвзятость при использовании ИИ, возникающая, когда модель применяется за пределами сферы или контекста, для которых она была обучена [10].

Решение проблемы с дискриминацией в решениях ИИ может быть достигнуто за счет разнообразия обучающих данных и использования метрик справедливости (англ. *fairness metrics*), позволяющих выявить неравномерное отношение ИИ к определенным группам.

Алгоритмическая непрозрачность и предвзятость в решениях моделей ИИ могут стать причиной вреда, нанесенного правам и законным интересам человека. Роль правового регулирования заключается в минимизации таких рисков и возложении на разработчиков и производителей систем ИИ обязанностей по обеспечению прозрачности алгоритмических механизмов и предотвращению дискриминации при автоматизированном принятии решений. Это может быть обеспечено за счет введения законодательных требований к раскрытию ключевой информации о системах ИИ, включая их архитектуру, принципы функционирования, а также характеристику и происхождение данных, использованных на этапе обучения. В социально чувствительных сферах, таких как здравоохранение, кредитование, трудоустройство и др., предполагается установление норм, обязывающих обеспечивать эффективный человеческий надзор, позволяющий контролировать и, при необходимости, корректировать решения, принимаемые ИИ.

Подобные механизмы уже находят отражение в законодательстве Европейского союза. Так, Закон об ИИ возлагает на поставщиков высокорисковых систем следующие обязанности:

- 1) использовать для обучения моделей высококачественные, релевантные и репрезентативные данные (ст. 10);
- 2) обеспечивать фиксацию всех событий на протяжении всего жизненного цикла системы ИИ (ст. 12);
- 3) сопровождать свои системы четкими инструкциями, включающими информацию о функциональных возможностях и ограничениях модели, а также о потенциальных рисках ее применения (ст. 13);
- 4) разрабатывать ИИ таким образом, чтобы был обеспечен эффективный человеческий контроль (ст. 14).

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что построение надежных и безопасных систем ИИ возможно лишь при наличии эффективного и комплексного правового регулирования. Оно служит не только средством обеспечения прозрачности и контроля над функционированием ИИ, но и важным механизмом защиты фундаментальных прав человека в условиях цифровой трансформации.

Одним из ключевых элементов такого регулирования является формулирование точного и содержательного определения искусственного интеллекта. Представляется, что существующее в законодательстве Республики Беларусь понятие не отражает такие сущностные признаки ИИ, как способность к обучению, автономность и адаптивность.

Наряду с формированием точного определения ИИ, приоритетом должно стать правовое регулирование рисков, связанных с функционированием систем ИИ. В статье рассмотрены некоторые виды таких рисков, включая алгоритмическую непрозрачность и дискриминацию в решениях ИИ. Для решения этих проблем необходимо законодательно закрепить за разработчиками моделей обязанности по обеспечению качества данных, используемых при обучении ИИ, прозрачности алгоритмов и человеческого контроля за решениями, принимаемыми ИИ.

Список использованных источников

1. AI Incident Database. – URL: <https://incidentdatabase.ai/> (дата обращения 31.05.2025).
2. Artificial Intelligence and Intellectual Property / ed. Lee J. A., Hilty R. M., and Liu K. C. – Oxford : Oxford University Press, 2021. – 449 p.
3. Silva N. S. E. The Artificial Intelligence Act: critical overview // arXiv. – 2024. – URL: <https://arxiv.org/abs/2409.00264> (дата обращения 31.05.2025).
4. Commission Guidelines on the Application of the Definition of an AI System and the Prohibited AI Practices Established in the AI Act // European Law Institute, 2024. – URL: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/ELI_Response_on_the_definition_of_an_AI_System.pdf (дата обращения 31.05.2025).
5. Ядревский, О. О. Гражданско-правовые аспекты функционирования искусственного интеллекта // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» (дата обращения 31.05.2025).
6. Almado M. Technical AI Transparency: A Legal View of the Black Box // SSRN. – 2025. – URL: <https://ssrn.com/abstract=5096913> (дата обращения 31.05.2025).
7. Salih A., Raisi-Estabragh Z., Ilaria B.G. et al. A Perspective on Explainable Artificial Intelligence Methods: SHAP and LIME // arXiv. – 2023. – URL: <https://arxiv.org/abs/2305.02012> (дата обращения 31.05.2025).
8. Dey S., Chowdhury T. R. A Comparative Survey of SHAP and LIME: Explaining Machine Learning Models for Transparent AI // International Journal of Innovative Research in Education. – 2024. – Vol. 11, № 6. – P. 827-835.
9. Daniel V., Suárez J.L. Discrimination, Bias, Fairness, and Trustworthy AI // Applied Sciences. – 2022. – № 12(22). – URL: <https://doi.org/10.3390/app12125826> (дата обращения 31.05.2025).
10. Ferrer X., Nuenen v. T., Jose M. S. et al. Bias and Discrimination in AI: a cross-disciplinary perspective // arXiv. – 2020. – URL: <https://arxiv.org/abs/2008.07309> (дата обращения 31.05.2025).

К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ ОТ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ПРОДУКТА

В.С. Штукарев

аспирант, Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
pixel.develop@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы теоретические положения ученых по теме исследования, отражена проблема, связанная с квалификацией мультимедийного продукта в качестве программы для ЭВМ. Автор применяет грамматический способ толкования к отдельной части дефиниции «программа для ЭВМ» и приходит к выводу, что компьютерная программа претендует на образ результата интеллектуальной деятельности, который передается, демонстрируется потребителю, но не на исходный результат интеллектуальной деятельности, который может принадлежать другому автору, что дает возможность говорить о том, что программа для ЭВМ не способна охватить все признаки мультимедийного продукта. Полученные результаты исследования позволяют: отграничить сложный объект – мультимедийный продукт от программы для ЭВМ; исключить расширительное толкование дефиниции «программа для ЭВМ».

Ключевые слова: программа для ЭВМ, мультимедийный продукт, мультимедиа, результаты интеллектуальной деятельности, сложный объект, интеллектуальная собственность.

Abstract. The article analyzes theoretical provisions of scientists on the topic of research, reflects the problem associated with the qualification of a multimedia product as a computer program. The author applies the grammatical method of interpretation to a separate part of the definition «computer program» and comes to the conclusion that the computer program claims to the image of the result of intellectual activity, which is transferred, demonstrated to the consumer, but not to the original result of intellectual activity, which may belong to another author, which makes it possible to say that the computer program is not able to cover all the features of a multimedia product. The obtained results of the study allow: to distinguish the complex object multimedia product from the computer program; to exclude an expansive interpretation of the definition of «computer program».

Keywords: computer program, multimedia product, multimedia, results of intellectual activity, complex object, intellectual property.

В условиях всеобщей цифровизации своих экономик разными странами мира и всеобъемлющего развития технологий индустрии медиа все чаще встают вопросы об отграничении одних объектов интеллектуальных прав от других. Этот процесс связан с тем, что на базе одного из видов результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД) человека могут компоноваться в группы и другие РИД. Правоприменитель получает «ин-

теллектуальный продукт», который удовлетворяет расширительному толкованию его базового объекта и одновременно соотносится с одним из видов сложного объекта, предусмотренных в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ). Так, например, в российской правоприменительной практике современные компьютерные игры относят к программам для ЭВМ, а не к мультимедийным продуктам, что говорит о недостаточном отграничении этих двух объектов.

С учетом стремительного развития рынка видеоигр, разработки компанией VK своего игрового движка Nau Engine, поддержкой государством некоторых игровых проектов, появлением отечественного онлайн-сервиса цифровой дистрибуции компьютерных игр, созданием интерактивно-развлекательных приложений с большим многообразием используемых РИД, распространением по всей стране виртуальных музеев и интерактивных цифровых библиотек можно с уверенностью утверждать, что общественных отношений в этих областях будет становиться все больше. Таким образом, необходимо исследовать понятия «программа для ЭВМ» и «мультимедийный продукт» с целью понимания их природы и логического отделения.

Если обратиться к действующему законодательству Российской Федерации, то можно установить, что оно не содержит дефиниций: «мультимедиа», «мультимедийный продукт». Присутствуют только упоминания, но раскрытие признаков посредством ввода исчерпывающих достаточных понятий не осуществляется. Чтобы провести разграничительную линию, требуется осуществить разбор дефиниций.

Термин «мультимедиа» впервые использовался в 1966 году одним американским шоуменом для обозначения своего представления, в котором он показал зрителю синтез световых эффектов, игры цвета, изображения, музыки и цепочки выполняемых действий. До конца 1960-х термин используется, чтобы описать театрализованные шоу, которые задействуют в программе одновременно живую музыку, свет, аудио фрагменты, видео, кино. Уже в 1970-е, по мнению И. Вернера, термин появляется в энциклопедиях и обозначает совокупность различных средств для преобразования и вывода видео, аудио и текста [1, с. 8]. В 1980-е к термину «мультимедиа» присоединяется и понятие «технология», которое преимущественно используется в контексте понимания «устройств» и программного обеспечения (далее – ПО), управляющего этим железом, позволяющих обрабатывать информацию в различных видах и транслировать ее потребителям. Способствует этому появление на рынке большого количества технологичных на тот момент видеомагнитофонов, игровых консолей. В 1988 году крупней-

шая Европейская Комиссия, занимающаяся проблемами внедрения и использования инноваций, формулирует тезис, что мультимедийные технологии имеют своей главной целью создание продукта, содержащего «коллекции изображений, текстов и данных, сопровождающихся звуком, видео, анимацией и другими визуальными эффектами (Simulation), включающего интерактивный интерфейс и другие механизмы управления» [2, с. 48]. Мы видим, что термин дополняется такими составляющими, как: анимация; иные новые прогрессивные эффекты визуализации; интерактивность; способы управления. Представляется необходимым подвести промежуточный итог. Очевидно, что понятие «мультимедиа» вбирает в себя различные средства коммуникации, позволяющие производить на потребителя наибольшее впечатление в процессе восприятия им информации, которая предоставляется с поддержкой возможности интерактивного взаимодействия посредством различных механизмов управления. Мультимедиа конструируется из видео, изображений разных форматов, аудио, печатного текста, анимации и других форм информации – все эти элементы выступают как «строительные кирпичи». К концу 1980-х начинает подчеркиваться технологическая составляющая мультимедиа, чего не было при первом упоминании этого термина.

С общедоступностью компьютеров в 1990-х модернизируется и само понятие «мультимедиа». Все больше оно соотносится с компьютерами, которые в совокупности с ПО, работающим на них, позволили вывести формы цифровой информации на новый уровень качества и предоставить наиболее удобный интерактивный пользовательский опыт. Таким образом, необходимо отметить, что именно в 1990-е годы в термин «мультимедиа» проникает компьютер. К началу XXI века ученые и правоведы, разговаривая о мультимедийных технологиях, все больше подразумевают компьютер, программы для ЭВМ и тот результат, который производит их синтез, направленный на то, чтобы предоставить зрителю богатый и насыщенный опыт, который позволит взглянуть на привычные РИД человека в ином однородном совокупном формате, подчиненном общему повествованию.

В переводе с английского «мультимедиа» («multimedia») означает: «Охватывающий или использующий несколько средств массовой информации» [3]. О.В. Шлыкова обращает внимание на широкую трактовку термина и отмечает его «технично-технологическую» составляющую: «Мультимедиа – это особый вид компьютерной технологии, который объединяет в себе как традиционную статическую визуальную информацию (текст, графику), так и динамическую – речь, музыку, видеофрагменты, анимацию и т.п.» [4, с. 9-10]. Следует подчеркнуть, что, говоря о «мультимедиа»

и «мультимедийных ресурсах», О.В. Шлыкова уделяет внимание поиску отличий от «немультимедийных продуктов» и приходит к выводу, что «мультимедийный» отличается «прежде всего тем, что: 1) данные (информация) хранятся и обрабатываются в цифровой форме с применением компьютера; 2) они могут содержать различные виды информации (не только текстовую, но и звуковую, графическую, анимационную, видео и т.д.); 3) их существенной особенностью является интерактивность – активное взаимодействие ресурса, программы, услуги и человека, их взаимовлияние. Пользователь может взять тот или иной Интернет-продукт, например, и тут же добавить в него свои материалы, тем самым выступая его соавтором, сотворцом; 4) наличием гипертекста» [4, с. 10].

На широкое толкование термина «мультимедиа» обращают внимание также Л.И. Подшибихин, К.Б. Леонтьев, Н.А. Савченко, Е.С. Котенко, Р. Лерберг, М. Кирмайер и др.

Н.А. Савченко выделяет четыре современных стороны понимания термина «мультимедиа»: 1) технология, описывающая порядок разработки, функционирования и применения средств обработки информации разных типов; 2) информационный ресурс, созданный на основе технологий обработки и представления информации разных типов; 3) компьютерное программное обеспечение, функционирование которого связано с обработкой и представлением информации разных типов; 4) компьютерное аппаратное обеспечение, с помощью которого становится возможной работа с информацией разных типов [5].

Если обратиться к этимологии слова «мультимедиа», то можно понять, что оно состоит из двух латинских элементов – «multi» (множественный, разнообразный) и «media» (средство, среда), что дословно будет значить «разнообразные среды» [6].

Все вышесказанное дает нам понять, что термин «мультимедиа» сегодня выступает в доктрине как трансформировавшееся понятие, представляющее из себя не только различные формы информации, объединенные в одном произведении общим повествованием и организацией, подающиеся зрителю одновременно для задействования всех его чувств, в комплексе, но и технологии, включающие компьютер, ПО и прочие средства обработки, представления информации, дающие возможность помимо визуализации данных наделить произведение интерактивностью. Технологический аспект в «мультимедиа» является нормой, которую нужно учитывать.

Смысл термина «мультимедиа» отражается в понятии «мультимедийный продукт», которое, как было указано выше, не раскрывается в законодательстве, а только упоминается. В то же время отечественная доктрина

разработала различные определения этого понятия. Так, Л.И. Подшибихин и К.Б. Леонтьев определяли мультимедийный продукт как «объекты, создаваемые для использования с помощью технических средств (в т.ч. интерактивных устройств, воспроизводящих звуки или изображения), представляющие собой объединения различных способов представления информации (в т.ч. в интерактивном виде), делающие одновременно доступными для восприятия в разных сочетаниях устные или письменные тексты, графику, мультипликацию, музыку, фотографические изображения, видеoinформацию, иные звуки или изображения» [7, с. 33]. Е.С. Котенко считает, что современный объект может быть признан мультимедийным продуктом, если будет выражен в электронной (цифровой) форме [8, с. 22]. Следует подчеркнуть, что Е.С. Котенко выделяет объекты, которые: генерируются непосредственно самим ПО (предстают в форме компьютерного «шифра»); являются уже готовыми произведениями, выраженными в объективной форме и переводящимися в электронную цифровую среду посредством кодирования в двоичную систему исчисления [8, с. 22]. Таким образом, автор отмечает, что появляется необходимость «использования специальных технических средств, например, компьютера, мобильного телефона, игровой приставки и т.д.» [8, с. 22].

Законодательство Республики Беларусь не содержит определения «мультимедийный продукт» («мультимедийное произведение»), но ряд ученых исследовали этот объект. Так, К.Д. Савицкая занималась учетом, конкретизацией признаков этого понятия и установила, что сущностными юридически значимыми являются: «1) существует исключительно в цифровой форме; 2) представляет собой единый объект правовой охраны, в котором посредством компьютерной программы (оригинального программного кода) объединены выраженные в цифровой форме объекты интеллектуальной собственности (сложность); 3) воспроизведение и отображение зависит от взаимодействия с пользователем (признак интерактивности); 4) имеет в структуре компьютерную программу (оригинальный программный код), обеспечивающий целостное восприятие, существование и использование мультимедийного произведения» [9, с. 127]. Е.С. Басманова исходит из той точки зрения, что «мультимедийный продукт можно определить как многофункциональную компьютерную программу, включающую в себя различные произведения: текстовые, графические, музыкальные, аудиовизуальные и прочие» [10, с. 123].

Краткий анализ определений научной доктрины дает возможность понять, что программа для ЭВМ занимает существенное место в мультимедийном продукте, но она не поглощает полностью этот объект, а является

лишь структурным элементом, организующим и визуализирующим остальные РИД (сгенерированные ПО или оцифрованные, закодированные), дающим интерактивность потребителю, обрабатывающим разные формы информации. Программа для ЭВМ, являясь только структурным элементом, выступает в качестве «блока управления». Очевидно, что в понятии присутствует технологический аспект, который для большинства ассоциируется с устройствами и ПО, работающим на них, но требуется понять, что это только часть более широкого термина – «мультимедийный продукт». Тем не менее, в правоприменительной практике и научной доктрине устоялся подход, который заключается в квалификации сложного объекта, являющегося мультимедийным продуктом, в качестве программы для ЭВМ и применении норм ст. 1261 ГК РФ. Мы считаем такую практику ошибочной и недопустимой.

Сторонники такой квалификации исходят из расширительного толкования понятия. Они считают, что если в дефиниции «программа для ЭВМ» закреплено, что она приводит к результату, и что порождаемые программой для ЭВМ аудиовизуальные отображения охраняются как ее часть, то и все РИД, связанные с программой, являются этой программой, но это в корне неверно. Термин «отображение» определяется как «результат действия «отображать»; образ предмета на полированной гладкой поверхности» [11]. Мы видим, что есть четкое разделение на предмет, в нашем случае РИД, и образ, который воссоздаст на этот РИД и донесет до потребителя, чтобы он мог воспринять органами чувств, программа для ЭВМ. Глагол «отображать» раскрывается как «воспроизводить внешний вид предмета, давать его отражение; воспроизводить, передавать что-либо» [11]. Опять видим, что есть разделение. Есть какой-то результат, выраженный в любой объективной форме (в нашем случае РИД), а есть тот образ (отражение), который «передается», «воспроизводится», «дается» программой потребителю. Обратимся к другому словарю, рассмотрим термин с точки зрения математики, что ближе всего программе для ЭВМ: «отображение» множества X в множество Y есть «соответствие, в силу которого каждому элементу x множества X соответствует определенный элемент $y=f(x)$ множества Y , называемый образом элемента x » [12]. Опять мы видим подтверждение нашей точки зрения, что образ (множество Y , то, что видит потребитель) создается на основе исходного множества X (в нашем случае им выступают РИД), т.е. нужно понять, что программа для ЭВМ не может собой охватить исходное множество, на основе которого она воссоздает образ этого множества, а значит квалификация таких сложных объектов, как

мультимедийные продукты, в качестве программ для ЭВМ является ошибочной. В другой трактовке термин «отображение» определяется как «то, что отображено, отображенное явление. Тоже, что отражение» [13]. В такой трактовке мы замечаем, что есть явление, которое отображается, т.е. имеется результат, который не охватывается программой для ЭВМ, но который она отображает потребителю. Очевидно, что все толкования термина «отображение» указывают на разделение исходного объекта и его воссозданного образа, что приводит к мысли о том, что термин не охватывает исходный продукт, явление, объект, результат интеллектуальной деятельности.

Таким образом, чтобы программе для ЭВМ осуществить аудиовизуальное отображение, ей нужно что-то, что будет отображено. Этим «что-то» выступает набор готовых ассетов, которыми программа для ЭВМ оперирует. В переводе с английского языка «ассет» («asset») означает «имущество; актив» [3]. Именно ассетами и управляет программа для ЭВМ. К ассетам относятся: двумерные изображения; музыка и звуковые эффекты; визуальные эффекты (взрывы, фильтры, вибрации, сдвиги); трехмерные модели; заготовки объектов; видео; текст; сцены (локации); шрифты; кнопки; анимация; скрипты, генерирующие объекты; обученные модели искусственного интеллекта под генерацию конкретных визуальных элементов. В свою очередь, в современных сложных компьютерных программах ассеты являются РИД других людей, если над программой работают не только программисты. Получается, что дефиниция «программа для ЭВМ» не охватывает собой РИД, задействованные в ее работе. Это дает нам возможность говорить о том, что компьютерная программа не претендует на используемые вместе с ней РИД и выступает как часть более обширного явления, а значит, требуется объект, который сможет охватить программу для ЭВМ и РИД, и квалификация в качестве которого не приведет к игнорированию прав других авторов, принимающих участие в создании контента. К счастью, в действующем российском законодательстве такой объект есть, требуется только, чтобы он соответствовал признакам мультимедийного продукта, которые были выявлены К.Д. Савицкой и другими учеными. Если соответствие устанавливается, то объект является сложным, и тогда нет возможности его квалифицировать как программу для ЭВМ. Он соотносится с мультимедийным продуктом. Понимая тот факт, что компьютерная программа является частью, структурным элементом сложного объекта, это дает нам право утверждать еще и то, что часть не может определять целое (отношения в логике части и целого).

На невозможность соотнесения правового режима мультимедийного произведения с программой для ЭВМ указывает и К.Д. Савицкая, которая

отмечает, что мультимедийное произведение выступает в качестве сложного результата творческой деятельности, в то время как компьютерная программа не является сложным объектом [14, с. 112].

Справедливости ради следует отметить, что программы для ЭВМ не всегда были сложными и не всегда содержали в себе совокупность РИД других авторов. Самые первые программы для ЭВМ писались исключительно программистами. Художники, дизайнеры, 3D-модельеры, звукорежиссеры и другие специалисты не привлекались. Весь контент генерировался программным кодом. Такие объекты разумно квалифицировать как программы для ЭВМ, т.к. контент сложно отделить от самого программного кода. На этот момент указывал и В.В. Архипов [15]. Современные же программы для ЭВМ задействуют слишком много РИД других авторов, что не дает возможности квалифицировать конечный продукт как программу для ЭВМ, но открывается возможность для квалификации в качестве мультимедийного продукта.

Список использованных источников

1. Ингенблэк, В. Всё о мультимедиа : учебное пособие / В. Ингенблэк. – К. : Электроник Бизнес Информатика, 1996. – 351 с.
2. Дворко, Н. И. Режиссура мультимедиа: генезис, специфика, эстетические принципы : дис. ... доктора искусствоведения : 17.00.03 / Дворко Нина Ивановна. – Москва, 2004. – 334 с.
3. Новый большой англо-русский словарь под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. – URL: <https://dicipedia.com/dic-en-ru-Apresyan.htm> (дата обращения: 18.04.2025).
4. Шлыкова, О. В. Культура мультимедиа : учеб. пособие для студ. вузов / О. В. Шлыкова. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 415 с.
5. Савченко, Н. А. Использование мультимедиа-технологий в общем среднем образовании : электрон. пособие для педагогов / Н. А. Савченко. – М. : РУДН, 2006.
6. Крысин, Л. П. Современный словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М. : АСТ-Пресс, 2012. – 410 с. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-9> (дата обращения: 19.04.2025).
7. Подшибихин, Л. И. Продукты мультимедиа: правовые проблемы и экономические перспективы / Л. И. Подшибихин, К. Б. Леонтьев // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2002. – № 9. – С. 19-35.
8. Котенко, Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт : монография / Е. С. Котенко. – М. : Проспект, 2013. – 123 с.
9. Савицкая, К. Д. Признаки мультимедийного произведения // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 12. – С. 124–128. – DOI: 10.52928/2070-1632-2022-62-12-124-128.

10. Басманова, Е. С. Гражданско-правовое регулирование «сложных объектов» (на примере Интернет-сайта) / Е. С. Басманова // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2008. – № 3. – С. 123–124.
11. Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой. – URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 21.04.2025).
12. Большой энциклопедический словарь. – URL: <https://gufo.me/dict/bes> (дата обращения: 21.04.2025).
13. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. – URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 21.04.2025).
14. Савицкая, К. Д. Понятие, признаки, правовой режим мультимедийных произведений / К. Д. Савицкая // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 октября 2021 г. : в 2 ч. / Нац. центр интеллектуальной собственности ; под ред. В. А. Рябоволова. – Минск, 2021. – Ч. 2. – С. 109–113.
15. Архипов, В. В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики / В. В. Архипов // Закон. – 2015. – № 11. – С. 61–69.

НОВАТОРСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРАКТИКЕ

Ю.А. Щепочкина

*доктор технических наук, профессор, профессор кафедры технические системы
в агробизнесе, ФГБОУ ВО «Верхневолжский государственный
агробиотехнологический университет», julia2004ivanovo@yandex.ru*

Аннотация. Новаторские предложения по своей сути разнообразны и затрагивают различные сферы деятельности человека. Рассмотрены основные признаки и приведены примеры организационно-хозяйственных, инициативных, рационализаторских и иных полезных предложений. При соответствующей проработке полезные указания и идеи могут давать значимый экономический и социальный эффект.

Ключевые слова: новаторское предложение, экономический и социальный эффект, перенос накопленного опыта, творческий труд, технический прогресс.

Abstract. Innovative proposals are inherently diverse and affect various fields of human activity. The main features are considered and examples of organizational and economic, initiative, innovation and other useful proposals are given. When properly developed, useful guidance and ideas can have a significant economic and social impact.

Keywords: innovative proposal, economic and social impact, transfer of accumulated experience, creative work, technological progress.

Механизация и автоматизация технологических процессов, увеличение мощности и скорости машин, быстроходности транспортных средств, укрупнение размеров производственных корпусов, массовый выпуск новых веществ и материалов, нанотехнологии, использование мощных энергетических установок, быстрое и эффективное внедрение в практику достижений науки, компьютеризация, искусственный интеллект – все это характеризует современное производство. Уже к началу текущего столетия время удвоения объема накопленных научных знаний составило всего 2-3 года (в 1900 г. – 50 лет, в 1950 г. – 10 лет, в 1970 г. – 5 лет), что свидетельствует о переходе производства на качественно новый этап технологического развития [1, с. 57]. Заметим, что если еще несколько десятилетий назад тот или иной недостаток производственного процесса было не очень трудно устранить на конкретном предприятии, то теперь при создании гигантских промышленных комплексов и развитии современных технологий даже незначительные просчеты чреваты серьезными техническими, экономическими, социальными последствиями. В связи с ускоряющимся научно-техническим

прогрессом, ростом производительности труда особую актуальность приобретают новаторские предложения. При этом, естественно, что в человеческой деятельности нельзя говорить о существовании каких-либо оптимальных решений – так же, как нельзя говорить о существовании неразрешимых проблем [2, с. 416]. В целях повышения эффективности производства, концентрации сил и материальных средств на наиболее важных проблемах необходимо очень внимательно относиться к полезным организационно-хозяйственным, инициативным, рационализаторским и иным предложениям, которые по своей сути могут быть весьма разнообразны.

Организационно-хозяйственные предложения. Такие предложения обычно направлены на подбор кадрового состава, упрощение ведения учета и отчетности, оформления документации, организации снабжения предприятия и сбыта его продукции [3, с. 146]. Они хотя и не содержат в себе технических решений, могут давать большой экономический и/или социальный эффект.

Экономический эффект может проявиться в улучшении показателей, характеризующих результаты труда (производительность труда, себестоимость и качество продукции), в сокращении затрат и потерь (потерь рабочего времени, материалов, затрат на утилизацию отходов производства), снижении расходов на осуществление экономически более выгодного варианта конструкционного, технологического, организационного решения.

Социальный эффект реально существует, хотя весьма трудно поддается количественному выражению. Он может проявляться в обеспечении здоровых и безопасных условий труда, устранении вредных и опасных производственных факторов, укреплении трудовой дисциплины, снижении текучести кадров, лучшему использованию трудовых ресурсов, повышении престижа профессии, вовлечении молодежи в производство, росте общественной активности и других показателях. Иногда социальный эффект сопровождается и экономическим эффектом. При определении социального эффекта могут быть использованы такие методы как изучение документов производственной отчетности, анализ материалов социологических исследований, экспертные оценки и др.

В качестве примера организационно-хозяйственного предложения с экономическим и социальным эффектами можно указать давно известный принцип «Рабочей эстафеты». Данный принцип не утратил своей актуальности за прошедшие десятилетия и был бы полезен в современных условиях, поскольку повышает личную ответственность каждого члена трудового

коллектива за свою работу и за общие показатели предприятия. Интересно также предложение по разделению заработной платы работников на две части – индивидуальную (она постоянна) и коллективную (начисляется по итогам общей работы). При этом коллективная часть заработной платы распределяется с учетом личного вклада каждого в общий результат работы [4, с. 41-43].

Инициативные предложения. Под такими предложениями, как правило, понимают использование (перенос) перспективных технологий и опыта, накопленного на других предприятиях.

При переносе новинок в отдельных случаях не требуется творческий труд для их приспособления к конкретным условиям производства [3, с. 148]. Но возможен и творческий подход к переработке заимствованного технического новшества. По существу, именно грамотный перенос перспективных (заимствованных), в том числе иностранных, технологий и их реализация на практике послужили толчком к мощному развитию, например, российской текстильной промышленности.

Отметим, что в основном именно за счет переноса (иногда и с дальнейшей творческой проработкой) европейских, американских и российских технологий и разработок, начиная, в частности, от копирования моделей одежды и, кончая сложнейшими наработками в электронике, химии, биотехнологии, энергетике, медицине, гигантскими темпами развивается экономическая мощь современного Китая. На базе заимствованных технических решений там создаются и собственные технические решения, иногда даже более прогрессивные. Но создаются они не «с нуля», а уже на подготовленной базе заимствованных наработок. Конечно, здесь остро возникает вопрос правомерности практической реализации чужой интеллектуальной собственности, который должен рассматриваться в каждом конкретном случае.

Рационализаторские предложения. Такие предложения являются техническими (усовершенствование техники, технологии, вещества и др.) решениями. Рационализаторское предложение должно быть полезным и обладать новизной. Полезность определяет именно целесообразность его применения на конкретном предприятии [5, с. 85, 89]. Новизна таких предложений, как правило, местная (ограниченная) и оценивается с учетом уровня состояния техники на предприятии. Естественно, что при использовании рационализаторских предложений могут возникать различные столкновения местных интересов [5, с. 91].

Существует мнение, что «неоднократный запуск в оборот одних и тех же идей экономит время и средства» [6, с. 46]. Зачем что-то придумывать,

когда можно воспользоваться старой проверенной наработкой? Всегда ли это так? Не тормозит ли это научно-технический прогресс?

Иногда, действительно, повторный запуск старой идеи может быть результативен и полностью экономически оправдан. Ведь новая разработка может оказаться не лучше старой, а в ряде случаев и хуже. Особенно нужно обратить внимание на рецептурные составы материалов, способы их получения, обработки и переработки. Не исключено, что старые и очень старые рецептуры позволяют получать материалы и продукты, значительно превосходящие по своим техническим и эксплуатационным свойствам аналоги, создаваемые по современным технологиям. В каждом конкретном случае важно грамотно оценить накопленный опыт и рационально его использовать, а не отбрасывать под предлогом мнимого «морального устаревания» и показной новаторской деятельности.

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, технический прогресс не стоит на месте. На сегодняшний день все больше ценятся способности к умению создавать новое и массово осваивать результаты интеллектуальной деятельности [7, с. 66]. В России, Беларуси и ряде других стран в последние годы интенсивно развиваются новые энергоемкие и материалоемкие производства, внедряются механизация и автоматизация производственных процессов с использованием компьютерных технологий, создаются машины и агрегаты большой мощности, развивается химия и нефтехимия, увеличиваются объемы выпуска новых лекарственных препаратов, синтетических, нанокompозитных материалов и многое другое. Здесь, наряду с реализацией хорошо зарекомендовавших себя и проверенных временем технологий и рецептур, всегда есть место для творческой мысли. Особенно это касается конструкций технологического оборудования, машин и механизмов, которые быстро устаревают. Им (примерно каждые 5-15 лет) на смену приходят более прогрессивные разработки. В этой связи необходимо добиваться такого положения, чтобы при проектировании крупных промышленных комплексов закладывались последние достижения науки и техники. Здесь целесообразно тесное творческое сотрудничество работников науки, технологов, конструкторов, проектировщиков и других специалистов. Ведь конкурентоспособность продукции во многом определяется степенью использования передовых научно-технических решений – результатов интеллектуальной деятельности разработчиков новой техники [8, с. 16]. При этом следует иметь в виду, что не может быть рационализаторским предложение, которое повторяет то, что ранее использовалось, используется или было известно

на данном предприятии. Рационализаторским нельзя считать предложение, тождественное ранее поданному предложению на этом же предприятии, независимо от того было ли предшествующее предложение использовано или отклонено [3, с. 144-145]. Нельзя считать рационализаторским и предложение, заимствованное из информационных источников или литературы, опыта других предприятий без дополнительной конструкторской или технологической разработки применительно к условиям данного предприятия [5, с. 94]. Отметим, что в последнем случае речь может идти о переносе накопленного опыта.

Возможны другие *полезные предложения* производственного характера, не содержащие в себе технического решения. В них может иметься только общее правильное указание на экономический или иной эффект, достигаемый в случае реализации определенного мероприятия на практике [3, с. 148]. Это могут быть, мероприятия очевидные для специалиста, например, окраска стен производственных помещений в определенный цвет, устройство земляных валов между резервуарами с нефтепродуктами, применение защитного заземления и т.п. К полезным новаторским предложениям, на наш взгляд, можно отнести также создание и использование математических моделей, компактное размещение производственного оборудования, удобный график работы в сменах, график движения транспорта и др.

Некоторые полезные указания и идеи при соответствующей проработке могут способствовать появлению более прогрессивных новаторских предложений.

Список использованных источников

1. Дегтярев, А. А. Значение обработки информации в управлении / А. А. Дегтярев // Совершенствование методов управления социально-экономическими процессами и их правовое регулирование : тез. докл. III междунар. научно-практ. конф. – Ставрополь, 2002. – Ч. 2. – С. 56-58.
2. Фролов, В. Н. Применение системного подхода при управлении торговыми организациями / В. Н. Фролов // Проблемы конкурентоспособности потребительских товаров и продуктов питания : сб. тр. 3 Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 2021. – С. 415-417.
3. Патентоведение / Е. И. Артемьев, М. М. Богуславский, Р. П. Вчерашний [и др.] ; под ред. В.А. Рясенцева. – М. : Машиностроение, 1967. – 251 с.
4. Глотова, Н. Н. Крутые ступени / Н. Н. Глотова. – Ярославль : Верхневолжское кн. изд-во, 1980. – 136 с.

5. Прахов, Б. Г. Справочное пособие по изобретательству, рационализации и патентному делу / Б. Г. Прахов, Н. М. Зенкин. – Киев : Вища школа, 1980. – 208 с.
6. Пригожин, А. И. Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики) / А. И. Пригожин. – М. : Политиздат, 1989. – 271 с.
7. Борсук, О. И. Исследование мирового рынка нанотехнологий и анализ международных патентов в области нанотехнологий / О. И. Борсук, О. А. Сычева, И. В. Москина // Инновации в строительстве – 2020 : сб. докл. Междунар. научно-практ. конф. – Брянск, 2020. – С. 65-71.
8. Близнац, И. А. Интеллектуальная собственность и ее влияние на современные экономические процессы / И. А. Близнац // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 24 мая 2024 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2024. – С. 12-23.

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕФЕКТЫ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ВВЕДЕНЫ В КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Ж.И. Юлдашев

*доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой
«Гражданское право», Ташкентский государственный юридический университет*

Аннотация. *С быстрым развитием и широким применением технологий искусственного интеллекта (ИИ) вопросы ответственности за дефекты программного обеспечения ИИ стали важной правовой проблемой и проблемой корпоративного управления. Данное исследование анализирует правовые, технические и управленческие аспекты интеграции вопросов ответственности за дефекты ИИ в систему корпоративного управления. Распределение ответственности за дефекты ИИ является более сложным, чем при традиционных дефектах программного обеспечения, и требует новых правовых мер и стратегий корпоративного управления. Исследование предоставляет корпорациям практические рекомендации по управлению рисками ИИ, распределению ответственности и совершенствованию систем внутреннего контроля.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, дефекты программного обеспечения, ответственность, корпоративное управление, управление рисками, ответственность, интеграция.*

Abstract. *With the rapid development and widespread application of artificial intelligence (AI) technologies, issues of liability for AI software defects have become an important legal problem and corporate governance concern. This study analyzes the legal, technical, and managerial aspects of integrating AI defect liability issues into corporate governance systems. The distribution of liability for AI defects is more complex than with traditional software defects and requires new legal measures and corporate governance strategies. The research provides corporations with practical recommendations for AI risk management, liability allocation, and improvement of internal control systems.*

Keywords: *artificial intelligence, software defects, liability, corporate governance, risk management, responsibility, integration.*

Интеграция технологий искусственного интеллекта в современную корпоративную деятельность порождает новые правовые проблемы и проблемы управления. При применении ИИ в корпоративном управлении вопрос гражданско-правовой ответственности приобретает очень важное значение. Поскольку это является одним из необходимых условий для разрешения споров и устранения проблем, возникающих в практике правоприменения, применения правовых последствий. Как подчеркивает С. Бозаров,

"нерешенные вопросы в сфере ИИ в мире, права интеллектуальной собственности в отношении них и правовая природа данных продуктов, в частности их юридическая ответственность, с каждым днем становятся серьезной проблемой" [1]. Системы ИИ часто обладают способностью принимать автономные решения, и их дефекты могут причинить серьезный вред людям, имуществу и окружающей среде [2]. В отличие от традиционных дефектов программного обеспечения, дефекты ИИ часто возникают из непредсказуемого поведения алгоритмов машинного обучения. По мнению специалистов, "при балансировке прав корпорации несут ответственность за обеспечение точности, безопасности и беспристрастности систем ИИ посредством строгого тестирования и мониторинга" [3].

Использование ИИ в корпоративном управлении требует внимания к нескольким важным вопросам гражданско-правовой ответственности. В частности, вопрос определения субъекта ответственности за корпоративные действия (решения) ИИ. На сегодняшний день научным сообществом выдвигаются две концепции: ответственность компании, в управлении которой применяется ИИ, или компании, разработавшей программное обеспечение ИИ. Первый подход связан с самостоятельной ответственностью традиционного юридического лица за свою деятельность, второй определяет как ответственное лицо, разработавшее или поставившее программу ИИ.

С точки зрения корпоративного управления, вопросы ответственности за дефекты ИИ включают несколько важных направлений: ошибки в процессе технической разработки, низкое качество данных, проблемы интеграции систем и недостатки в дизайне пользовательского интерфейса. Эти проблемы подвергают компании как правовым, так и финансовым рискам.

В целом дефекты программного обеспечения ИИ могут проявляться в различных формах. Основные дефекты в системах ИИ состоят из следующего:

- дефекты, возникающие в результате работы системы ИИ для не-правильной цели;
- неработоспособность систем ИИ в неожиданных условиях;
- преднамеренно созданные ошибочные алгоритмы или манипуляции.

Эти дефекты могут носить как технический, так и правовой характер. Преднамеренный ввод неверных данных, неправильный ввод данных при формировании программного обеспечения и подобные действия могут привести к правовым последствиям. Эти вопросы становятся основанием для ответственности, которая может возникнуть в будущем.

Необходимо различать ответственность программиста ИИ и компании. Именно это различие становится основой для мнений по второму подходу, упомянутому выше. Поскольку ИИ также связан с корпоративным управлением, ответственность также приобретает органический характер и связана с правосубъектностью. По мнению исследователей, "разработчики и поставщики программ ИИ могут нести законную ответственность за небрежность в разработке программ или неправильные системные алгоритмы. Лицо, пострадавшее от злоупотребления применением ИИ, справедливо имеет право требовать устранения недостатков, принятия соответствующих корректирующих мер. Однако контролировать некоторые риски ИИ, например, его непредсказуемые решения, и назначать ответственность сложно" [4].

"Компьютерные программы входят в разряд объектов авторского права. Авторское право применяется к любым программам, созданным для ЭВМ. Авторское право на программу сохраняется до тех пор, пока не будет доказано обратное"⁷. Из этого следует, что ответственность разработчиков и поставщиков, наряду с договорной ответственностью, связана с нарушением авторских прав.

"При нарушении прав интеллектуальной собственности основное внимание уделяется договорной ответственности, а также внедоговорной ответственности" [5]. Поэтому К. Мехмонов подчеркивает, что "каждое договорное и внедоговорное обязательство имеет свою специфику" [6]. Правило о том, что создатели программы ИИ должны принадлежать к ней в рамках прав интеллектуальной собственности, имеет общее значение. Согласно мировому опыту, связывать разработку программного обеспечения ИИ только с именем программиста считается ошибкой. Поскольку разработка программ ИИ является коллективным процессом, в котором участвуют специалисты различных областей знаний. Корпоративная программа ИИ не является исключением из этого.

В качестве участников команды, участвующей в создании программы ИИ, признаются исследователи ИИ (занимающиеся разработкой новых алгоритмов, моделей и других методов ИИ), программисты и инженеры по разработке программного обеспечения (превращающие идеи и концепции ИИ в программные продукты), специалисты по анализу данных (изучающие модели ИИ в соответствии с заказом, собирающие, обрабатывающие и анализирующие данные для оценки), специалисты предметной области (проводящие эксперименты на основе программы в помощь адаптации ИИ к конкретным потребностям и задачам) и другие.

⁷ <https://lex.uz/docs/143970>.

Вопросы причинно-следственной связи с ущербом и ответственностью, возникающими в результате корпоративного управления ИИ, имеют важное значение. Поскольку перед юридической наукой остаются без ответа многие проблемы, связанные с принципом ответственности за вину в ответственности, связанной с использованием систем ИИ, методологией определения причинно-следственной связи между действиями ИИ и причиненным ущербом, оценкой ущерба, причиненного системами ИИ. В частности, если ущерб причинен решением, принятым через доверенную ИИ волю управления, на кого возлагается законная ответственность: на разработчиков, корпоративных лиц, принимающих решения, полагающихся на него, или вообще на компанию? Освобождает ли важное автоматизированное принятие решений от ответственности человеческого управления? Может ли система ИИ иметь независимый правовой статус, позволяющий ей взять на себя ответственность? Эти вопросы являются одними из самых актуальных проблем, стоящих перед наукой.

С точки зрения корпоративного управления, вопросы ответственности за дефекты ИИ требуют новых задач совета директоров и нового подхода в управлении.

Общие результаты исследования показывают сложность вопросов ответственности за дефекты ИИ. В отличие от традиционных дефектов программного обеспечения, дефекты ИИ часто бывают неожиданными и непонятными. Это затрудняет определение и распределение ответственности.

В исследованиях моделей ответственности ИИ, хотя модель распределения ответственности кажется наиболее эффективной, ее практическое применение порождает сложные юридические и технические проблемы. Для определения процента ответственности требуется техническая экспертиза и правовой анализ. Хотя механизмы корпоративного управления эффективны, их внедрение требует дополнительных расходов.

На сегодняшний день отсутствие глобальных стандартов в области правового регулирования создает трудности для международных корпораций. Различные требования в разных странах увеличивают расходы на координацию. Правовое регулирование вопросов ответственности за дефекты ИИ показало сложность и необходимость интеграции в корпоративное управление. Поскольку ответственность за дефекты ИИ кардинально отличается от традиционных дефектов программного обеспечения и требует новых правовых подходов и подходов к управлению. Эффективная система ответственности за дефекты ИИ требует принятия стратегических и правовых мер на всех уровнях корпоративного управления. Самое главное, что вопросы ответственности за дефекты ИИ не только юридическая проблема.

Список использованных источников

1. Bozarov, S. S Sun'iy intellekt doirasida huquqiy javobgarlik : yuridik fanlar doktori (DSc) dissertatsiyasi avtoreferati / Bozarov Sardor Soxibjonovich. – Toshkent, 2023. – 64 p.
2. Russell, S. Research priorities for robust and beneficial artificial intelligence / Stuart Russell, Daniel Dewey, Max Tegmark // AI Magazine, 2015. – V. 36(4). – P. 105–114.
3. Georg von Krogh. Artificial Intelligence in Organizations: New Opportunities for Phenomenon-Based Theorizing / Georg von Krogh // Academy of Management Discoveries. – 2018. – V. 4(4). – P. 404-409. – DOI: 10.5465/amd.2018.0084.
4. Araz Taeihagh. Governance of artificial intelligence / Araz Taeihagh // Policy and Society. – 2021. – V. 40, № 2. – P. 137–157. – DOI: 10.1080/14494035.2021.1928377.
5. Егорова, М. А. Некоторые особенности реализации прав на изменение и расторжение договора в российском праве / М. А. Егорова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 4(56). – С. 236–242.
6. Мехмонов, Қ. М. Саноат мулк объектларининг фуқаролик-ҳуқуқий мақоми: назария ва амалиёт : ю.ф.д. дисс. // Қ. М. Мехмонов. – Ташкент : ТДЮУ, 2024. – 207 с.
7. Юлдашев, Ж. И. Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в корпоративном управлении : автореф. дисс. доктора юридических наук / Ж. И. Юлдашев. –Ташкент : ТГЮУ, 2024.
8. О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных : Закон Республики Узбекистан // Lex.UZ. on-line. – URL: <https://lex.uz/docs/143970>.

ОХРАНА ПРАВ ПУБЛИКАТОРОВ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

О.О. Ядревский

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права интеллектуальной собственности, Белорусский государственный университет,
yadreus@bsu.by

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению прав публикатора на необнародованные произведения, находящиеся в общественном достоянии. Анализируется с точки зрения соответствия белорусскому законодательству понятие публикатора, его личные неимущественные права, а также исключительное право публикатора. Выявляются проблемные аспекты реализации прав публикатора, делается вывод о возможности включения прав публикатора в перечень смежных прав в законодательстве Республики Беларусь.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, смежные права, публикатор, общественное достояние, право на имя, исключительное право.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the rights of the publisher to unpublished works in the public domain. The concept of the publisher, his personal non-property rights, as well as the exclusive right of the publisher are analyzed from the point of view of compliance with the Belarusian legislation. Problematic aspects of the implementation of the rights of the publisher are identified, a conclusion is made on the possibility of including the rights of the publisher in the list of related rights in the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: intellectual property, related rights, publisher, public domain, right to a name, exclusive right.

Комплексная корректировка норм Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), проведенная в 2024 году, затронула существенным образом положения данного нормативного акта об интеллектуальной собственности. Раздел 5 ГК был изложен в новой редакции. В частности, ст. 995 ГК Беларуси установила возможность правовой охраны иных объектов смежных прав наряду с исполнениями, фонограммами и передачами организаций вещания.

Предполагается, что первыми «кандидатами» на включение в национальную систему объектов смежных прав будут являться нетворческие базы данных и произведения, перешедшие в общественное достояние, в части правовой охраны прав публикатора таких произведений [1, с. 27]. И если первый потенциальный объект в определенной степени привлекает внимание национальных исследователей, то второй остается практически незамеченным.

Следует отметить, что охрана прав публикатора произведений, перешедших в общественное достояние, на региональном уровне возникла в начале 90-х гг. в Европейском союзе.

Так, в статье 4 Директивы ЕС от 29 октября 1993 г. № 93/98/ЕЕС «О гармонизации срока действия охраны авторского права и некоторых смежных прав» было закреплено, что любое лицо, которое по истечении срока охраны авторских прав в первый раз правомерно опубликовало или законным путем сообщило для всеобщего сведения ранее неопубликованное произведение, должно воспользоваться охраной, равноценной охране имущественных прав автора.

В Российской Федерации права публикатора получили закрепление с 2008 г. В соответствии со ст. 1337 ГК РФ публикатором признается гражданин, который правомерно обнародовал или организовал обнародование произведения науки, литературы или искусства, ранее не обнародованного и перешедшего в общественное достояние либо находящегося в общественном достоянии в силу того, что оно не охранялось авторским правом. Права публикатора распространяются на произведения, которые независимо от времени их создания могли быть признаны объектами авторского права.

Публикатору принадлежат исключительное право публикатора на обнародованное им произведение (за исключением права на перевод или иную переработку произведения); право на указание своего имени на экземплярах обнародованного им произведения и в иных случаях его использования, в том числе при переводе или другой переработке произведения, а также право на защиту произведения от какого-либо искажения.

Как отмечает И.А. Кулешова, права публикатора сходны в некоторой степени с правами исполнителя. Эта схожесть определяется в обязательном действии, которое должно исходить от субъекта права. Исполнитель осуществляет интерпретацию произведения, охраняемого авторским правом. В случае с публикатором это действие – это обнародование произведения. Отличительной особенностью является то, что у исполнителя возникает ещё самостоятельное право авторства на тот результат, который был создан его творческим трудом, тогда как публикатор фактически творческого труда в произведение не вкладывает [2, с. 386–387].

Вместе с тем, найти в открытых источниках российскую практику применения данного объекта представляется затруднительным. Кроме того, исследователи отмечают, что закрепленные в Гражданском кодексе России нормы о правах публикатора порождают множество проблемных аспектов.

Рассмотрим подробнее указанные вопросы применительно к белорусскому законодательству.

Так, согласно положениям российского Гражданского кодекса, публикатором является только гражданин, который обнародовал либо организовал обнародование соответствующего произведения. Понятие «обнародование» означает, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» осуществленное с согласия автора действие, которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного исполнения, публичного показа, сообщения для всеобщего сведения или иным способом. Поскольку в рассматриваемом случае никакого согласия автора быть не может, очевидно, потребуется корректировка понятия «обнародование».

Кроме того, возникает вопрос о соотношении терминов «обнародование» и «общественное достояние». Так, М.А. Мусалов указывает на то, что при обнародовании произведения публикатором оно становится доступным всему обществу, хотя по смыслу категории «общественное достояние» оно и так общедоступно. При этом после реализации этого права произведение из сферы публичного попадает в сферу частноправового распоряжения публикатора. [3, с. 823].

Вместе с тем, на наш взгляд, если произведение не обнародовано, и, следовательно, не известно обществу, то до момента обнародования его вообще неправомерно причислять к общественному достоянию.

Кроме того, произведение могло изначально не охраняться авторским правом, например, ранее необнародованное произведение народного творчества с неизвестным авторством, поэтому сложно говорить о каком-либо его переходе в общественное достояние.

Представляется, что публикатор может как лично обнародовать произведение (выложить его в интернет, обнародовать в средствах массовой информации, публично показать или исполнить произведение), так и организовать обнародование (передать рукопись в редакцию средства массовой информации, предоставить картину в музей). Вместе с тем, неправомерно ущемленными могут оказаться интересы лица, которое непосредственно обнаружило ранее необнародованное произведение, однако обнародование осуществило другое лицо. При этом в некоторых случаях может иметь место целенаправленный поиск таких неизвестных произведений (поисковые экспедиции, исследовательские программы и т.д.), однако в результате лицо, обнаружившее произведение, может не получить никаких прав на него в отличие от того, кто организовал его обнародование, поскольку законодательство четко не определяет, кто будет в этом случае являться публикатором.

Важным является аспект, что обнародование произведения не должно противоречить воле автора, определенно выраженной им в каких-либо письменных документах: завещании, письмах, дневниках и т.д. В противном случае никаких прав у публикатора не возникает. В то же время, на практике часто сложно подтвердить, что не имеется каких-либо письменных документов, в которых автор не давал разрешения на обнародование произведения. В связи с этим, предлагается ввести презумпцию отсутствия запрета автора на обнародование его произведения [2, с. 392].

Публикатору, кроме исключительного имущественного права, принадлежат также отдельные личные неимущественные права – право на имя и право на защиту произведения от искажения, что в целом соответствует существующему в белорусском законодательстве праву на неприкосновенность произведения.

Следует отметить, что в соответствии с ч. 2 п. 3 ст. 982 ГК в качестве обязательного личного неимущественного права в национальном законодательстве предусмотрено право авторства (право признаваться автором результата интеллектуальной деятельности), которое у публикатора, очевидно, отсутствует.

Право публикатора на имя также является специфичным, поскольку, если речь идет о произведении, перешедшем в общественное достояние, то в отношении одного и того же произведения возникает право на имя у двух лиц: у автора и публикатора. При этом факт реализации либо нереализации автором права на указание имени на произведении не может являться основанием для недействительности или невозможности реализации права публикатора на указание имени на правомерно обнародованном им произведении.

Нарушение права публикатора на имя, по мнению И. А. Кулешовой, будет иметь место в случае, если лицо, использующее произведение, не указало имени публикатора [2, с. 389].

Аналогично право публикатора на защиту произведения от искажения не является производным от аналогичного права автора, а представляет собой отдельное и независимое право.

Кроме вышеназванных проблем, М.А. Мусалов выделяет также следующие: отсутствие механизма реализации правовых норм на практике; отсутствие специального органа исполнительной власти, который бы осуществлял контроль, надзор и управление в сфере реализации прав публикатора; отсутствие в свободном доступе базы данных по обнародованным произведениям; отсутствие алгоритма решения вопросов при наличии нескольких лиц, претендующих на статус публикатора (так называемых «субпубликаторов») [3, с. 825-827].

С учетом того, что реализация личных неимущественных прав публикатора влечет много проблем, возможно, целесообразно было бы сохранить за публикатором только имущественные права, по аналогии с положениями законодательства зарубежных стран.

Таким образом, включение в перечень объектов смежных прав, охраняемых в Республике Беларусь, произведений, обнародованных после их перехода (либо изначального нахождения) в общественное достояние в части правовой охраны прав публикатора возможно только после выявления целесообразности такой правовой охраны и максимального разрешения рассмотренных выше проблем.

Список использованных источников

1. Ядревский, О. О. Смежные права: перспективы правовой охраны новых объектов / О. О. Ядревский // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2025. – № 3. – С. 25–31.
2. Кулешова, И. А. Правовая природа права публикатора как субъекта смежных прав / И. А. Кулешова // Образование и право. – 2020. – № 3. – С. 386–394.
3. Мусалов, М. А. Правовой статус публикатора / М. А. Мусалов // Мировая наука. – 2019. – № 5(26). – С. 821–832.